

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Балина М., д-р, проф. (США, ун-т Иллинойс Везлиан)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Овчинникова И. Г., д. филол. н., проф. (Израиль, ун-т Хайфы; Россия, Первый МГМУ им. И. М. Сеченова)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэвр-Дюпэзр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

Новокрещенных И. А. (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Русинова И. И. (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Арустамова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бочкарёва Н. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бурдина С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Дускаева Л. Р., д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кондаков Б. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кушнина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Мишланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта Е. В. Исаева.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология, 10.01.09 – Фольклористика, 10.01.10 – Журналистика, 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи), 10.02.03 – Славянские языки, 10.02.04 – Германские языки, 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология, 10.02.19 – Теория языка, 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика).

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Marina Balina (USA, Illinois Wesleyan University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute for Slavic Studies)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Irina Ovchinnikova (Israel, University of Haifa; Russia, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Perm Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – <i>Editor-in-Chief</i> (Perm State University)	<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)
<i>Nina Bochkareva</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai
(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>

Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site E. V. Isaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Баталин С. В. ЗАВИСИМОСТЬ ФОРМАНТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ГЛАСНОГО ОТ ПОЗИЦИИ ВО ФРАЗЕ И ТИПА УДАРЕНИЯ	5
Красовская Н. А. ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СЛОЖНОСТИ ИХ ВНУТРЕННЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ	16
Кривошапова Ю. А. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЕ СИМВОЛЫ РУССКОГО СЕВЕРА	22
Муллагалиев Н. К., Ахметзянов И. Г., Гараева А. К. ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ	33
Румянцева М. В. ЗООМОРФНЫЙ КОД В ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА РУССКИХ И КАЗАХСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ	45
Соколова Н. В. ИНТЕНЦИОНАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПАТЕНТА	53
Тянь Юйвэй. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ «БЕСЕД И СУЖДЕНИЙ (ЛУНЬЮЙ)» НА РУССКИЙ ЯЗЫК	62
Шутёмова Н. В. ПОНЯТИЕ «ОБРАЗ» В РЕФРАКЦИОННОЙ МОДЕЛИ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА	68
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	84
Гилязов Т. Ш. КОНФЛИКТ СРЕДЫ И ГЕРОЕВ В РОМАНЕ Г. ИБРАГИМОВА «МОЛОДЫЕ СЕРДЦА»	84
Липинская А. А. «ПУСТЬ ЛЕЖИТ, ГДЕ НАШЛИ»: ОБ ОДНОМ МОТИВЕ БРИТАНСКОЙ ГОТИЧЕСКОЙ НОВЕЛЛИСТИКИ	92
Новикова В. Г. ЭДВАРДИАНСКИЙ КОД В АНГЛИЙСКОЙ ПРОЗЕ XXI ВЕКА	99
Панова О. Ю. АФРОАМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА «НАДИРА»: МИССИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И «ХОЖДЕНИЕ В НАРОД»	112
Соколов К. С. ГЕРОЙ АЗИАТСКОГО ФРОНТИРА В СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА 20–30-х ГОДОВ	123

CONTENTS

<i>LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY</i>	5
Batalin S. V. THE EFFECT OF PHRASAL POSITION AND TYPE OF STRESS ON THE FORMANT FEATURES OF VOWELS	5
Krasovskaya N. A. VOCABULARY OF MODERN DIALECTS AS AN INDICATOR OF THEIR COMPLEX INTERNAL ORGANIZATION	16
Krivoshchapova Ju. A. LINGUOCULTURAL IDENTIFYING SYMBOLS OF THE RUSSIAN NORTH	22
Mullagaliev N. K., Akhmetzyanov I. G., Garaeva A. K. PECULIARITIES OF EXPRESSING MODALITY IN THE TATAR LANGUAGE	33
Rumyantseva M. V. THE ZOOMORPHIC CODE IN THE LINGUISTIC IMAGERY OF THE ARTISTIC PICTURE OF THE WORLD IN WORKS BY RUSSIAN AND KAZAKH WRITERS	45
Sokolova N. V. THE INTENTIONAL AND FUNCTIONAL APPROACH TO DESCRIBING THE LINGUISTIC FEATURES OF THE ENGLISH-LANGUAGE PATENT	53
Yuwei Tian. ‘THE ANALECTS OF CONFUCIUS’: SPECIFIC FEATURES OF TRANSLATION INTO RUSSIAN	62
Shutemova N. V. THE NOTION OF IMAGE IN THE REFRACTION MODEL OF POETRY TRANSLATION	68
<i>LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT</i>	84
Gilazov T. Sh. CONFLICT OF THE ENVIRONMENT AND HEROES IN THE NOVEL BY G. IBRAGIMOV ‘YOUNG HEARTS’	84
Lipinskaya A. A. ‘LET HIM LIE WHERE HE IS’: ON ONE MOTIF IN BRITISH GHOST STORIES	92
Novikova V. G. THE EDWARDIAN CODE IN ENGLISH PROSE OF THE 21 ST CENTURY	99
Panova O. Yu. AFRICAN AMERICAN LITERATURE OF THE NADIR: THE MISSION OF THE INTELLIGENTSIA AND ‘GOING TO THE PEOPLE’	112
Sokolov K. S. HERO OF THE ASIAN FRONTIER IN SOVIET POETRY OF THE LATE 20s – 30s	123

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 811.161.1'34
doi 10.17072/2073-6681-2019-4-5-15

ЗАВИСИМОСТЬ ФОРМАНТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ГЛАСНОГО ОТ ПОЗИЦИИ ВО ФРАЗЕ И ТИПА УДАРЕНИЯ

Сергей Васильевич Баталин

к. филол. н., доцент кафедры «Иностранные языки»

Волгоградский государственный технический университет

400005, Россия, г. Волгоград, просп. Ленина, 28. sbat_2009@mail.ru

SPIN-код: 5161-4516

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3435-9797>

ResearcherID: M-7747-2019

Статья поступила в редакцию 20.04.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Баталин С. В. Зависимость формантных характеристик гласного от позиции во фразе и типа ударения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-5-15

Please cite this article in English as:

Batalin S. V. Zavisimost' formantnykh kharakteristik glasnogo ot pozitsii vo fraze i tipa udareniya [The Effect of Phrasal Position and Type of Stress on the Formant Features of Vowels]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 4, pp. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-5-15 (In Russ.)

Анализируется влияние типа ударения (нейтральное vs эмфатическое) и позиции слова в составе фразы на формантную структуру гласного звука. Действие данных факторов приводит к изменениям формантных характеристик звуков: средних значений формант F1, F2, F3 и F4. Значения формант могут обуславливаться непосредственным фонетическим контекстом. Между тем роль фразовой позиции слова в русском языке ранее практически не рассматривалась. Конкретная реализация формант в значительной степени определяется индивидуальными произносительными особенностями говорящего. Цель исследования – выявить закономерности изменения формантных характеристик на примере гласного звука [а] в зависимости от типа ударения (нейтральное vs эмфатическое) и позиции слова с анализируемым гласным в составе фразы. Задача эксперимента – проанализировать характер изменения средних значений формант F1, F2, F3 и F4 в звуке [а] в слове, произнесенном с нейтральным и эмфатическим ударением и занимающим различные фразовые позиции. Экспериментальный корпус представлен фразами идентичной звуковой структуры с анализируемым словом *Стас*, занимающим во фразе начальную, срединную и конечную позиции и произнесенным с нейтральным и эмфатическим ударением. В качестве информантов выступают четыре диктора с нормативным русским произношением.

Для сопоставления полученных данных использован дисперсионный анализ. В результате проведенного эксперимента выявлены закономерности изменения формантных характеристик гласного в зависимости от вышеуказанных факторов.

Ключевые слова: интонация; ударение; эмфатическое ударение; форманты; русский язык.

Введение

В настоящее время интерес многих исследователей определяется задачами распознавания и синтеза эмоционально окрашенной речи. В этой связи особое внимание привлекает изучение такого многоаспектного с акустической точки зрения явления, как эмфатическое ударение. Как известно, ударение реализуется различными акустическими параметрами речевого сигнала: частотой основного тона F_0 , длительностью, интенсивностью, а также формантными характеристиками звуков. В отличие от нейтрального ударения, эмфатическое ударение предполагает дополнительное выделение ударного гласного, поэтому закономерно возникает вопрос: в какой степени произнесение слова с эмфатическим ударением модифицирует вышеперечисленные акустические параметры? Целью настоящего исследования является анализ одного из наиболее вариативных компонентов акустического сигнала – формантных характеристик гласного звука.

Для начала рассмотрим, в какой степени формантные характеристики гласных изменяются при произнесении слова под ударением по сравнению с безударным произнесением. Так, М. Ф. Деркач обратил внимание на усиление более высоких частотных областей ударных гласных по сравнению с таковыми безударных [Деркач 1983: 105]. Л. В. Бондарко, в свою очередь, отмечала значительные изменения F_2 в безударных гласных по сравнению с ударными, проявившиеся в отсутствие стационарного участка и при сдвиге частоты форманты как в верхнюю, так и нижнюю стороны [Бондарко 1977: 148]. По результатам исследования С. В. Князева, безударные слоги характеризуются понижением значений F_1 и повышением F_2 , при этом величина изменения определяется степенью редукции гласного [Князев 2014]. Интересно в этой связи отметить, что данные по характеру изменения формантных частот ударных и безударных гласных, полученные на материале других языков, также отличаются значительным разбросом. Так, А. Слуйтером на материале нидерландского и американского вариантов английского языка установлено, что выделение ударного гласного сопровождается усилением формантных частот в среднем и высоком диапазонах, в то время как усиление интенсивности в нижней части спектра (ниже 500 Гц) является незначительным [Sluijter et al. 1996]. Ф. Тамбурини, условно разделив весь диапазон формантных частот на три полосы (0–300, 301–2200 и 2201–4000 Гц), выявил, что различие между ударными и безударными гласными в

американском варианте английского языка наблюдается в среднем диапазоне, в то время как значения первого и второго диапазонов частот ударных и безударных гласных перекрывались [Tamburini et al. 2005]. Отметим, что в диапазон 301–2200 Гц попадают первая и вторая форманты (F_1 и F_2) большинства гласных. Таким образом, имеющиеся данные об изменении формант ударных гласных, по сравнению с таковыми безударных, показывают, что изменения могут наблюдаться у всех четырех формант.

Поскольку, как было отмечено выше, эмфатическое ударение предполагает дополнительное выделение гласного звука по сравнению с нейтральным ударением, представляется целесообразным рассмотреть характер изменения формантных характеристик звуков в эмоционально окрашенной речи. При этом многие исследователи отмечают, что в значительной степени формантная картина гласного определяется типом передаваемых эмоций. Так, Л. В. Златоустова выявила, что положительные эмоции сопровождаются повышением F_2 и увеличением энергии F_3 и F_4 , в то время как отрицательные эмоции сопровождаются понижением второй форманты и сужением ширины формантных полос [Златоустова 1983]. Э. А. Нушикян наблюдала усиление спектральной энергии в области более высоких частот (F_3 и F_4) при выражении сильных эмоций – радости, гневного возмущения, ярости, изумления [Нушикян 1986: 106]. М. В. Картавенко отмечает увеличение формантных частот (особенно F_1) и их сдвиг по частотной области вправо в случае стенических эмоциональных состояний и уменьшение формантных частот (особенно F_1) в случае астенических состояний [Картавенко 2005]. Результаты, полученные И. И. Валуйцевой, позволяют сделать вывод о том, что эмоционально окрашенные высказывания могут характеризоваться, в зависимости от конкретной эмоции, разнонаправленным изменением как всех четырех первых формант, так и их различными сочетаниями [Валуйцева 2016]. Разброс результатов, полученных на материале русского языка по динамике значений формант при выражении различных эмоций, подтверждается аналогичными исследованиями, выполненными на материале других языков. Так, по данным Д. Битук, эмоциональная окраска речи по-разному влияет на формантные характеристики ударных и безударных гласных [Bitouk et al. 2009]. Б. Линдблом выявил изменение значения F_2 в начале и середине гласных, произнесенных с эмфатическим ударением, по сравнению со

значениями гласных, произнесенных с нейтральным ударением [Lindblom et al. 2007]. По наблюдениям К. Шерера, радостные эмоции сопровождаются понижением F1, в других видах эмоций прослеживается повышение F1 и понижение F2 [Scherer 1986]. К. Ишии на основе анализа высоких формант установил, что средние значения F3 повышаются при передаче радостных оттенков эмоций, а у F4 повышаются при передаче эмоций, связанных с напряженным состоянием диктора [Ishii et al. 2002]. Р. Сарья наблюдал разнонаправленные изменения F1, F2, F3 и F4 в эмоциях, передающих гнев, счастье, скуку и страх, по сравнению с эмоционально неокрашенной речью [Surya et al. 2016]. Д. Франс определил, что при депрессивном состоянии значения F1 и F2 изменяются больше, чем другие форманты [France et al. 2000]. Таким образом, можно сделать вывод, что эмфатическое ударение и эмоционально окрашенная речь сопровождаются изменением формантной картины звуков, при этом изменения значений формант имеют разнонаправленный характер и могут значительно варьировать по величине в зависимости от типа выражаемых эмоций.

Необходимо отметить роль еще одного фактора, который может оказывать влияние на формантную структура звука, однако в настоящее время его проявление не нашло достаточно широкого освещения в литературе: речь идет о зависимости формантных характеристик от позиции звука в составе фразы. Существование данной зависимости установлено в исследованиях, выполненных на материале как русского языка [Валуццева 2016], так и других языков [Cooldugi et al. 2012].

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что произнесение слова с эмфатическим ударением будет сопровождаться как изменением средних значений формантных частот, так и влиянием позиционных фразовых условий. Постановка подобной гипотезы обуславливает необходимость решения следующих задач: проанализировать характер изменения формантных частот в зависимости от типа ударения (нейтральное vs эмфатическое) в различных фразовых позициях (начало – середина – конец фразы).

Методика организации и проведения эксперимента

Анализ выполнен на материале гласного [a] в стандартном сегментном окружении – слове «Стас», включенном в состав фраз идентичного

звукового состава и занимавшем в этих фразах начальную, срединную и конечную позиции: «Стас не был тихоней» – «Не был Стас тихоней» – «Не был тихоней Стас». В качестве дикторов привлекались четверо носителей русского литературного произношения (далее – БС, ХТ, ПА, КН), двое мужчин и две женщины в возрасте от 25 до 45 лет. Перед чтением дикторам предъявлялись образцы звучания фраз с нейтральным и эмфатическим ударением на анализируемом слове во всех позициях в составе фразы с использованием следующего микродиалога:

– Стас не был тихоней (ИК-1).

– Кто? Стас?

– Нет, **Стас** не был тихоней.

Фразы были сгруппированы в 6 серий (для каждого типа ударения и каждой фразовой позиции) по 10 фраз; каждая серия озвучивалась каждым диктором по 2 раза, между сериями диктору предлагался короткий отдых. Запись проводилась на микрофон МД 282 с последующей оцифровкой аналогового сигнала с частотой 44100 Гц. Качество начитанных фраз было оценено посредством аудиторского анализа, к выполнению которого было привлечено 28 носителей русского языка, студентов-магистрантов в возрасте 22–24 года. Правильность идентификации фразы по принципу «нейтральное – эмфатическое ударение» составила 93 %. Поскольку выявленные ошибки идентификации носили случайный характер и не определялись типом ударения, позицией анализируемого слова в составе фразы или идиолектом информанта, в экспериментальный корпус были включены фразы, начитанные всеми дикторами. Акустический анализ выполнялся с помощью программы *Praat*; спектрограмма слова «Стас» в составе фразы «Не был тихоней Стас» в произнесении диктора БС представлена на рис. 1.

Сегментация аллофона [a] для проведения измерений проводилась на основе спектрограммы и осциллограммы. В связи с поставленными задачами исследования анализировались средние значения формант F1, F2, F3 и F4. При описании динамики формант в зависимости от фразовой позиции гласного сравнивалось значение форманты в начальной позиции со значениями в срединной и конечной позициях во фразе отдельно для каждого типа ударения; при описании влияния типа ударения сравнивались значения формант гласного, занимающего во фразе одинаковые позиции. Было проанализировано 480 реализаций аллофона [a], полученные данные оценивались методами факторного анализа.

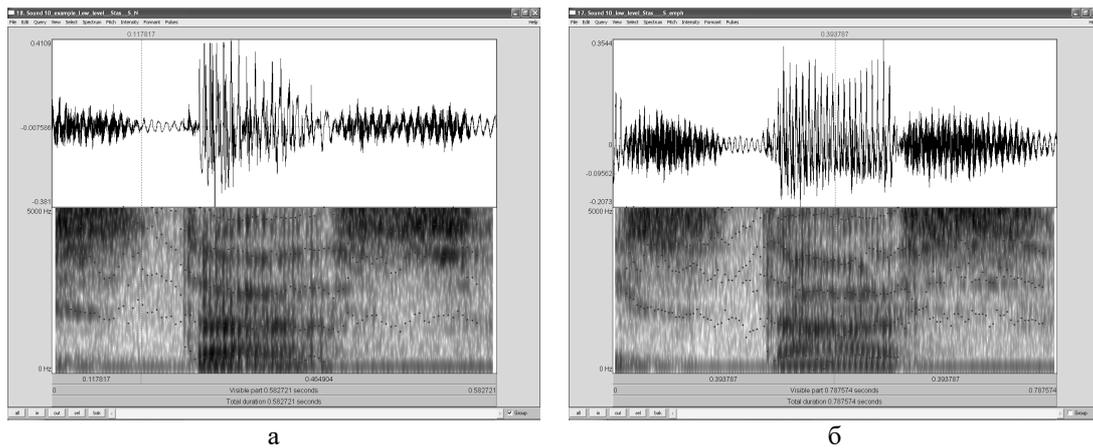

Рис. 1. Спектрограмма и осциллограмма слова «Стас», произнесенного с нейтральным (а) и эмфатическим (б) ударением во фразе «Не был тихоней Стас». Диктор БС
 Fig. 1. Spectrogram and oscillogram of the word 'Stas' uttered under neutral (a) and emphatic (b) stress in the phrase 'Ne byl tikhoney Stas'. Speaker BS

Результаты и обсуждение

Предварительно была выполнена оценка степени междикторских различий, в связи с чем сравнивались средние значения четырех формант для гласного [a], произнесенного с нейтральным и эмфатическим ударением, в начальной, срединной и конечной позициях во фразе. Факторный анализ показал наличие статистически значимых различий между привлеченными

к эксперименту дикторами (Rao's R = 1581,623; $df_1 = 12$; $df_2 = 1251$; $p = 0,00$). Таким образом, формантная структура гласного в нашем случае определяется индивидуальными особенностями говорящего, поэтому последующий анализ был проведен отдельно для каждого из привлеченных к эксперименту информантов. Средние значения формант диктора БС представлены на рис. 2.

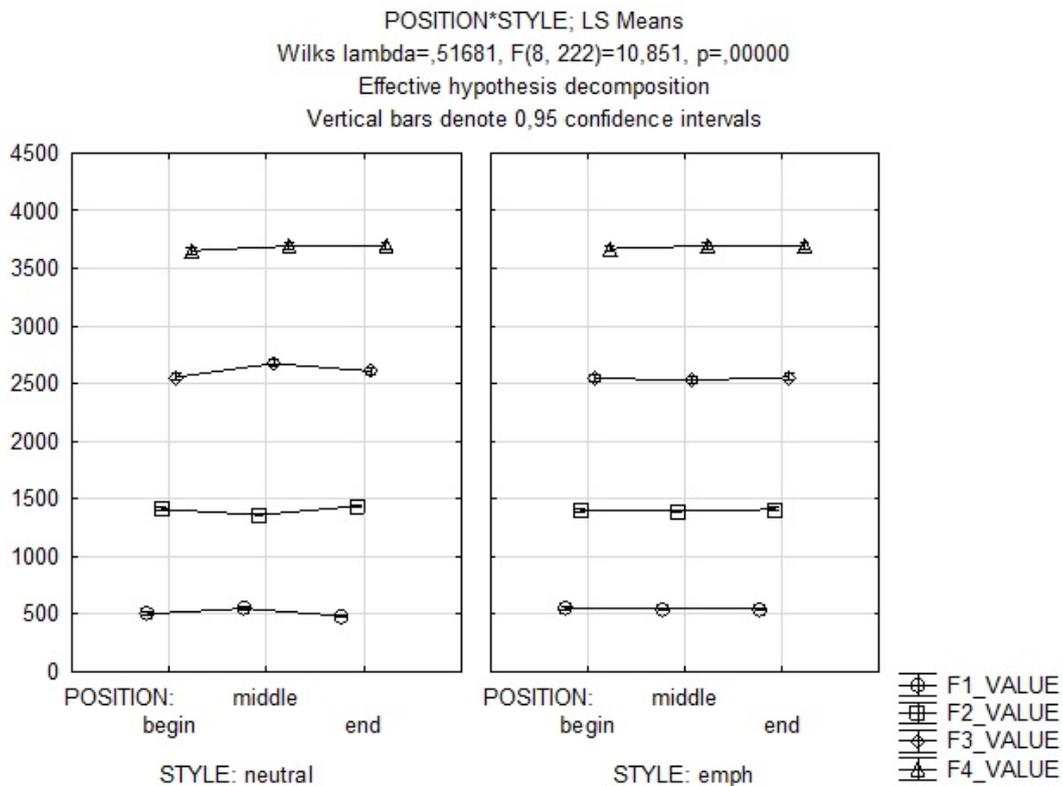

Рис. 2. Значения формант F1, F2, F3 и F4 в зависимости от позиции во фразе и типа ударения. Диктор БС
 Fig. 2. Values of F1, F2, F3 and F4 in different phrasal positions under neutral and emphatic stress. Speaker BS

На графиках видно, что при нейтральном ударении средние значения формант изменяются в случае, если аллофон [a] находится в середине фразы, при этом в F1 и F3 значения увеличиваются, а в F2 – уменьшаются относительно значений в начале и конце фразы; для F4 изменения значений не являются статистически достоверными. В случае произнесения анализируемого слова с эмфатическим ударением позиция не оказывает статистически достоверного влияния на величину изменения F1 – F4. Сопоставление значений формант в зависимости от типа ударения показывает, что изменения носят разнонаправленный характер. Так, F1 в начальной и конечной позициях во фразе при нейтральном ударении ниже аналогичных значений при эмфати-

ческом ударении, в то время как в срединной позиции эти значения одинаковы. F2 имеет меньшее значение в срединной позиции во фразе в случае нейтрального ударения по сравнению с аналогичным значением при произнесении слова с эмфатическим ударением. F3 характеризуется повышением частоты в середине фразы при нейтральном ударении по сравнению с эмфатическим при равных значениях начала и конца фразы; значения F4 при произнесении слова с нейтральным и эмфатическим ударением практически совпадают. Взаимодействие факторов типа ударения и фразовой позиции является статистически значимым: $F(8, 222) = 10,851$; $p = 0,0000$. Соответствующие статистики для всех информантов также приведены в таблице.

Значения критерия Фишера (F (8, 108)) и p-значения для оценки влияния типа ударения на формантные характеристики гласного [a]
F and p-values to evaluate the stress type effect on the vowel formant features

Параметр форманты	Диктор БС				Диктор ХТ				Диктор ПА				Диктор КН			
	нейтральное ударение		эмфатическое ударение		нейтральное ударение		эмфатическое ударение		нейтральное ударение		эмфатическое ударение		нейтральное ударение		эмфатическое ударение	
	F	p	F	p	F	p	F	p	F	p	F	p	F	p	F	p
F1	31,57	,00	,18	,83	22,75	,00	14,36	,00	87,53	,00	44,66	,00	162,3	,00	58,07	,00
F2	49,01	,00	1,27	,29	57,30	,00	49,67	,00	4,369	,02	4,58	,01	21,06	,00	56,14	,00
F3	12,40	,00	,90	,41	6,646	,00	6,14	,00	1,495	,23	17,79	,00	,52	,59	16,96	,00
F4	2,79	,07	1,01	,37	16,96	,00	84,39	,00	58,47	,00	77,73	,00	6,40	,00	1,15	,32

Представленные на рис. 3 графики формантных частот звука [a] в произнесении диктора ХТ свидетельствуют о влиянии фразовой позиции слова, произнесенного с нейтральным ударением, на формантные частоты анализируемого гласного. Так, F1 характеризуется уменьшением значения в срединной позиции по сравнению с таковым в начальной и конечной фразовых позициях; F2 уменьшается в середине и конце фразы относительно значения в начальной фразовой позиции. Обращает на себя внимание уменьшение значений формант в середине фразы по сравнению с таковыми в начальной и конечной фразовых позициях в случае F3 и F4. При произнесении гласного с эмфатическим ударением динамика формант F1 и F2 полностью совпадает с динамикой гласного, произнесенного с нейтральным ударением. Динамика формант F3 и F4 иная: наблюдается уменьшение формантных частот при перемещении слова с анализируемым гласным от начала к концу фразы. Сопоставление значений формант гласного, произнесенного с различными типами ударения, не оказывает заметного влияния на характер изменения формантных значений в зависимости от фразовой позиции в случае F1 и F2 и меняется у формант F3 и F4: значения этих формант значи-

тельно понижаются к концу фразы. Отметим также статистически достоверное влияние совместного действия факторов позиции и типа ударения на значения формант: $F(8, 222) = 7,9344$; $p = 0,0000$.

На рис. 4 представлены графики динамики формантных частот в произнесении диктора ПА. При нейтральном ударении позиция слова во фразе оказывает статистически достоверное влияние на значения F1, F2 и F4. Значение F1 значительно выше в начальной фразовой позиции по сравнению с серединой и концом фразы, F2 понижается в конечной позиции относительно начала и середины фразы, а значение F4 возрастает в срединной позиции по сравнению с начальной и конечной фразовыми позициями. Изменение значений F3 в зависимости от позиции является статистически недостоверным. При произнесении слова с эмфатическим ударением фактор позиции оказывает статистически достоверное влияние на все форманты; при этом F1 понижается в конце фразы, а значения F2, F3 и F4 увеличиваются в срединной позиции относительно начальной и конечной фразовых позиций. Отметим также статистически значимое взаимодействие факторов фразовой позиции и типа ударения: $F(8, 222) = 8,5629$; $p = 0,0000$.

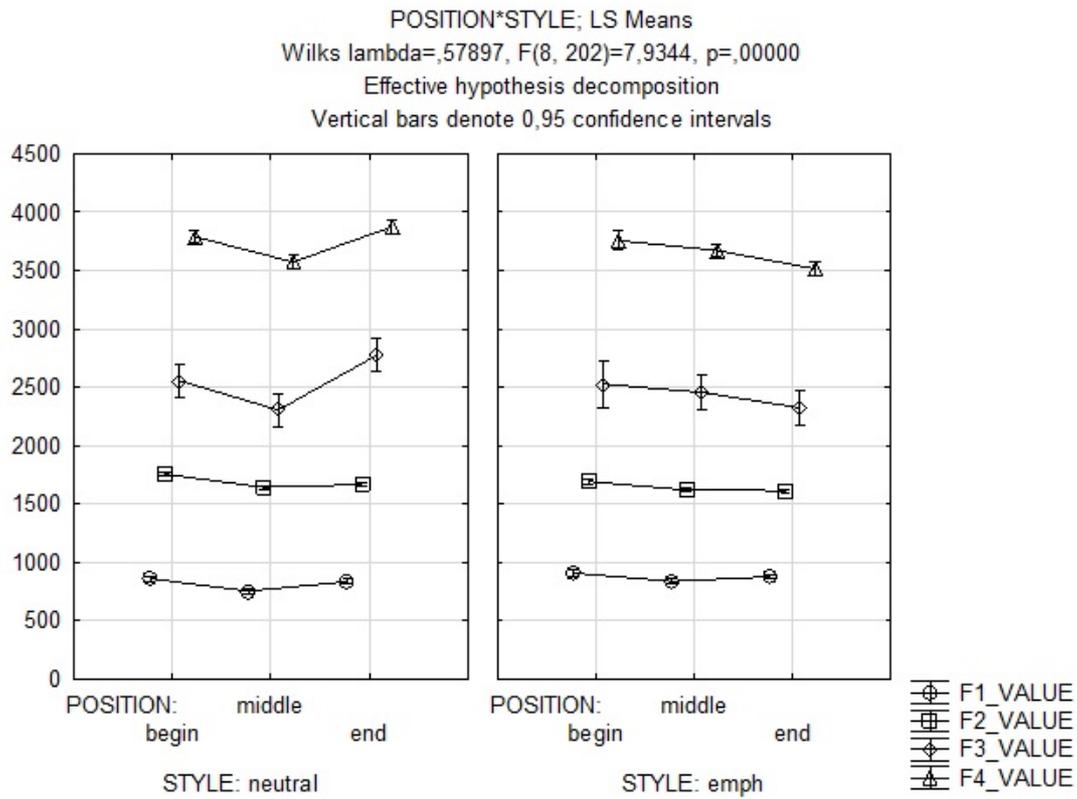

Рис. 3. Значения формант F1, F2, F3 и F4 в зависимости от позиции во фразе и типа ударения. Диктор ХТ
 Fig. 3. Values of F1, F2, F3 and F4 in different phrasal positions under neutral and emphatic stress. Speaker XT

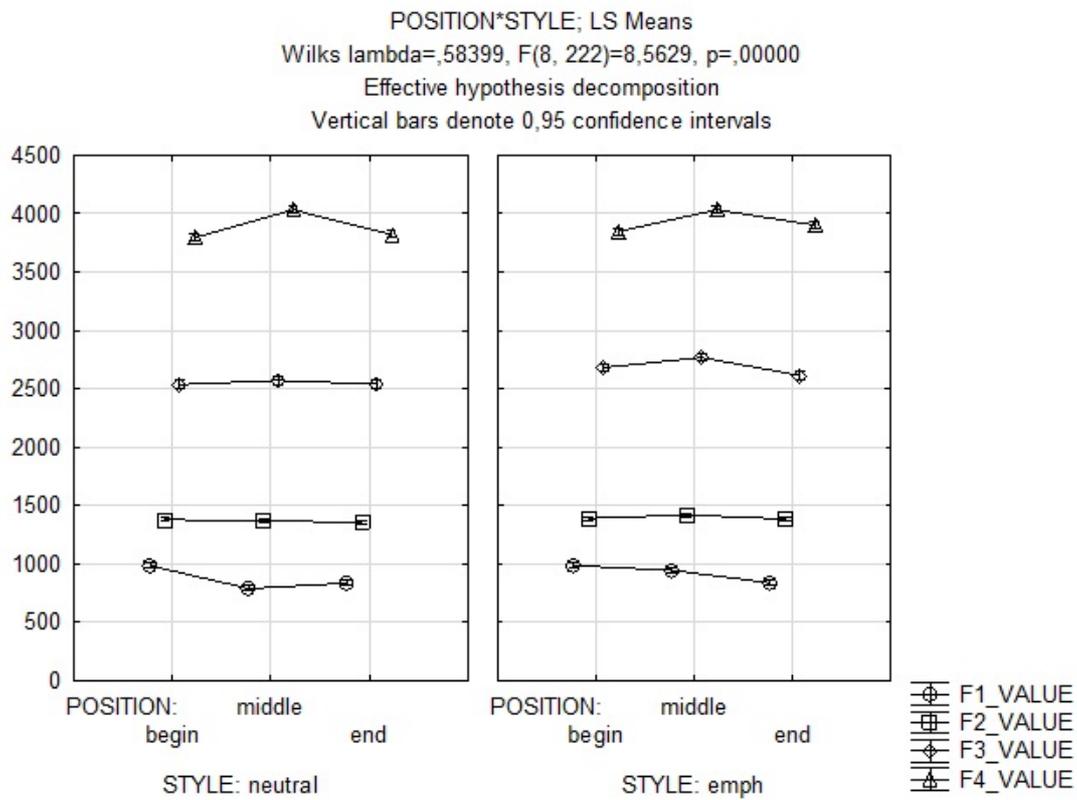

Рис. 4. Значения формант F1, F2, F3 и F4 в зависимости от позиции во фразе и типа ударения. Диктор ПА
 Fig. 4. Values of F1, F2, F3 and F4 in different phrasal positions under neutral and emphatic stress. Speaker PA

При произнесении диктором КН анализируемого слова с нейтральным ударением значение форманты F1 статистически достоверно понижалось от начала к концу фразы, F2 была ниже в начальной фразовой позиции по сравнению с позициями конца и середины фразы, а F4 принимала минимальное значение в срединной фразовой позиции; изменения F3 являлись статистически недостоверными. При произнесении анализируемого слова с эмфатическим ударением F1 и F3 принимали наименьшее значение в конечной фразовой позиции, F2 была максимальной в начальной, а изменение значений F4 являлось статистически недостоверным. Сопоставление значений форманты F1 при произнесении анализируемого гласного с нейтральным и эмфатическим ударением показывает, что значения F1 одинаковы в начальной фразовой позиции при произнесении

гласного с различным ударением, но ниже в срединной и конечной фразовых позициях в случае нейтрального ударения. Динамика изменения F2 иная: значения форманты выше в начале фразы и ниже в срединной и конечной позициях в случае произнесения гласного с эмфатическим ударением. F3 ниже в начальной и срединной позициях во фразе и выше в конечной при нейтральном ударении по сравнению с эмфатическим ударением. Значения F4 также ниже в начальной и срединной фразовых позициях в случае нейтрального ударения, а в конечной позиции статистически значимых различий между значениями форманты при произнесении гласного с нейтральным и эмфатическим ударением не наблюдается (рис. 5). Взаимодействие факторов фразовой позиции и типа ударения является статистически достоверным: $F(8, 222) = 26,915$; $p = 0,0000$.

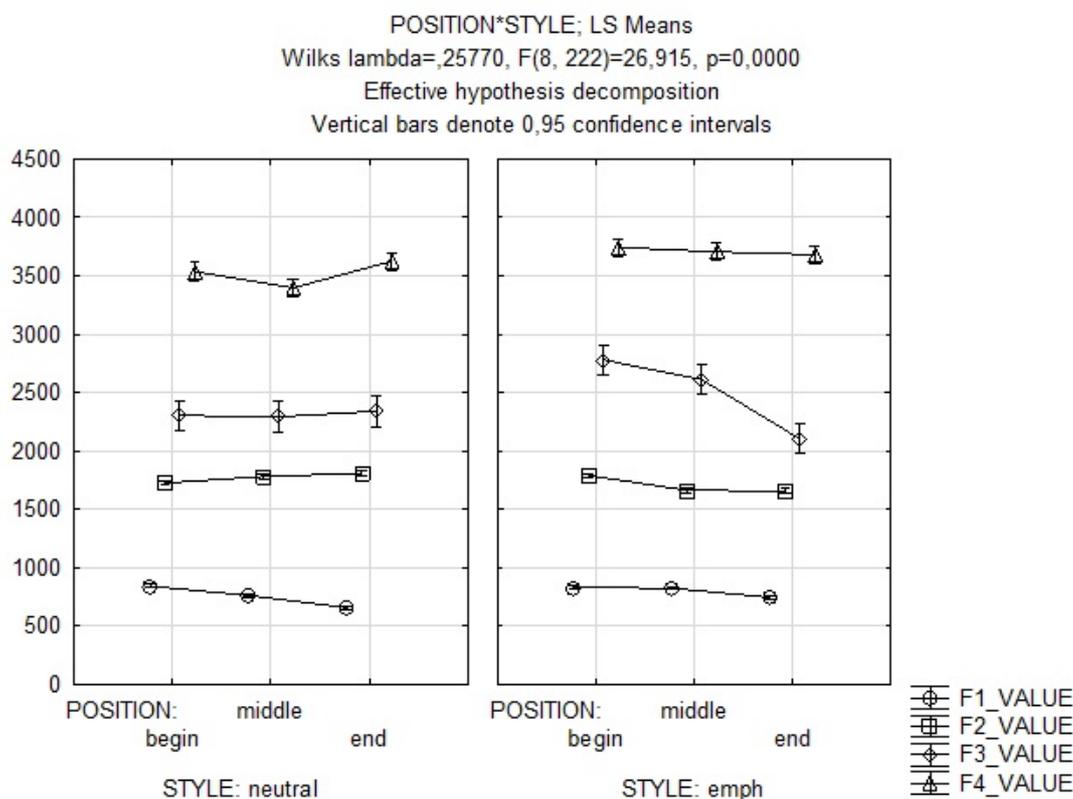

Рис. 5. Значения формант F1, F2, F3 и F4 в зависимости от позиции во фразе и типа ударения. Диктор КН
Fig. 5. Values of F1, F2, F3 and F4 in different phrasal positions under neutral and emphatic stress. Speaker KH

Количественная оценка варьирования значений формантных частот в зависимости от фразовой позиции для каждого из рассмотренных типов ударения, а также с учетом взаимодействия типа ударения и позиции представлена на рис. 6. Полученные данные свидетельствуют о том, что изменение значений формант обусловлено, прежде всего, идиолектом диктора: у привлеченных к эксперименту информантов изменение позиции

гласного во фразе приводило к варьированию значений формант от 25 до 50 % для слов, произнесенных с нейтральным ударением, и от 0 до 50 % в случае эмфатического ударения. Совместное влияние факторов фразовой позиции и типа ударения обуславливало изменение значений формант в зависимости от идиолекта информанта от 50 до 92 % всех проанализированных случаев (см. соответствующие данные на рис. 6).

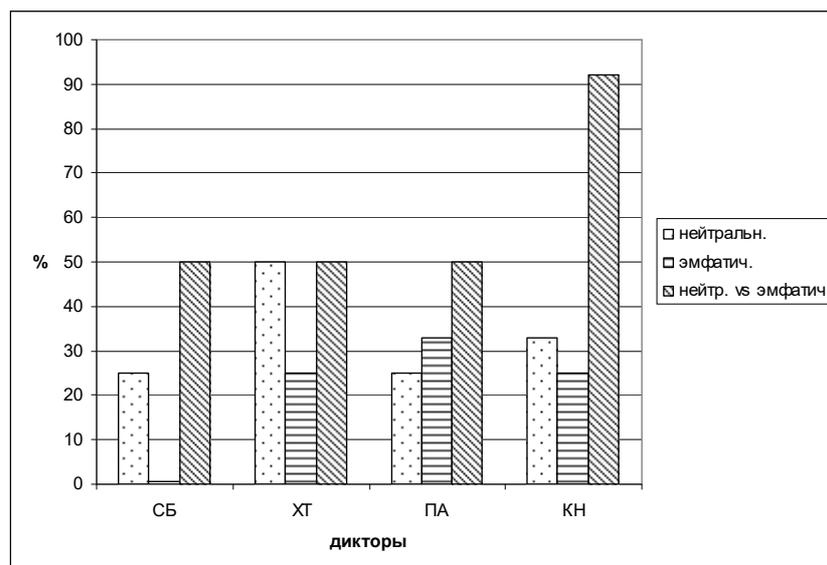

Рис. 6. Влияние типа ударения на изменение формантных значений с учетом всех фразовых позиций
 Fig. 6. Stress type effect on formant values in all the phrasal positions

Полученные результаты подтверждаются имеющимися в литературе данными о значительной вариативности формантных значений, обусловленных идиолектом диктора, особенно в случае эмоционально окрашенной речи [Галунов 2008]. Кроме того, результаты проводившихся экспериментов также свидетельствуют о влиянии позиции слова во фразе на формантные характеристики звуков [Валуйцева, 2016; Koolagudi 2012]. Отчасти наблюдаемая вариативность формантных значений может быть обусловлена изменением частоты основного тона F0, сопровождающей изменение позиции анализируемого слова во фразе и типа ударения, с которым это слово произносится: при очень малых изменениях частоты основного тона вид и размах частотных модуляций могут значительно изменяться [Леонов 2009]. Однако не во всех случаях изменение позиции сопровождается изменением формантных частот. Для объяснения этого явления представляется плодотворным использовать модель порождения интонационно-ритмического членения речи, предложенную О. Ф. Кривновой. Данная модель предполагает, что при построении высказывания говорящий исходит от слога к слову, а затем к более крупным речевым тактам; данный процесс сопровождается подчинением менее крупных единиц более крупным. При построении высказывания говорящий пользуется определенной свободой, которая ограничивается, помимо всего прочего, его психофизиологическими особенностями [Кривнова 2007: 20–22]. Если исходить из предположения, что на этапе формирования фонетического облика слова закладываются его формантные характери-

стики, то вышеописанный подход позволяет, на наш взгляд, объяснить причины флюктуации формантных частот в зависимости от типа ударения и места гласного в составе фразы в результате ритмико-интонационного членения высказывания.

Выводы

В работе исследуется влияние позиции гласного в составе фразы (начальная, срединная и конечная) и типа ударения (нейтральное и эмфатическое) на значения формант F1, F2, F3 и F4. Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Позиция слова во фразе оказывает влияние на величину формант F1, F2, F3 и F4.
2. Изменение значений формант наблюдается в начальной, срединной и конечной фразовых позициях.
3. Какие-либо тенденции в величине и направлении изменения значений формант в зависимости от фразовой позиции в исследованном экспериментальном корпусе не выявлены.
4. Тип ударения оказывает влияние на значения формант гласного, занимающего начальную, срединную и конечную позиции во фразе.
5. Закономерности в изменении значений формант при произнесении анализируемого гласного с различными типами ударения не прослеживаются: значения могут оставаться неизменными, увеличиваться или уменьшаться.
6. Характер изменения значений формант в зависимости от фразовой позиции и типа ударения в значительной степени обусловлен особенностями идиолекта информантов.

Список литературы

- Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977. 175 с.
- Валуйцева И.И., Хутуни Г. Т. Эмоции в звучащей речи: экспериментальное исследование // Вопросы психолингвистики. 2016. № 03(29). С. 45–55.
- Галунов В. И. О возможности определения эмоционального состояния говорящего по речи // Речевые технологии. 2008. № 01. С. 60–66.
- Деркач М. Ф. и др. Динамические спектры речевых сигналов / М. Ф. Деркач, Р. Я. Гумецкий, Б. М. Гура, М. Е. Чабан; ред. М. Ф. Деркач. Львов: Вища школа, 1983. 168 с.
- Евдокимова В. В. Вариативность формантной структуры гласного в разных видах речи: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 17 с.
- Златоустова Л. В. Интонация и просодия в организации текста // Звучащий текст: сб. науч.-аналитических обзоров / отв. ред. Ф. М. Березин, Р. К. Потапова. М.: ИНИОН АН СССР, 1983. С. 11–21.
- Картавенко М. В. Об использовании акустических характеристик речи для диагностики психических состояний человека // Известия ЮФУ: Технические науки. 2005. № 5. С. 164–180.
- Князев С. В., Грамматчикова Е. В. Русские заударные гласные в предупредительной позиции внутри синтагмы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2014. № 5. С. 122–134.
- Кривнова О. Ф. Ритмизация и интонационное членение текста в «процессе речи-мысли» (опыт теоретико-экспериментального исследования): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 53 с.
- Леонов А. С., Макаров И. С., Сорокин В. Н. Частотные модуляции в речевом сигнале // Акустический журнал. 2009. Т. 55, № 6. С. 809–821.
- Нушикян Э. А. Типология интонации эмоциональной речи. Минск: Выща школа, 1986. 157 с.
- Bitouk D., Nenkova A., Verma R. Class-level Spectral Features for Emotion recognition // Speech Communication. 2010. Vol. 52, issues 7–8. P. 613–625. doi 10.1016/j.specom.2010.02.010
- France D. J. et al. Acoustical Properties of Speech as Indicators of Depression and Suicidal Risk / D. J. France, R. G. Shiavi, S. Silverman, et al. // IEEE Trans. Biomedical Engineering. 2000. № 7. P. 829–837. doi 10.1109/10.846676
- Gobl C., Chasaide A. The Role of Voice Quality in Communicating Emotion, Mood and Attitude // Speech Communication. 2003. Vol. 40. P. 189–212.
- Ishii C. T., Campbell N. Analysis of Acoustic-Prosodic Features of Spontaneous Expressive Speech // Revista de Estudos da Linguagem. 2004. Vol. 12, № 2. P. 37–49. URL: <http://periodicos.let-ras.ufmg.br/index.php/relin/article/view/2382/2336> (дата обращения: 20.03.2019).
- Koolagudi S. G., Rao K. S. Emotion Recognition from Speech: a Review // International Journal of Speech Technology. 2012. Vol. 15, issue 2. P. 99–117. doi 10.1007/s10772-011-9125-1
- Lindblom B. et al. The Effect of Emphatic Stress on Consonant Vowel Coarticulation / Lindblom B., Agwuele A., Sussman H. M., Cortes E. E. // Journal of Acoustical Society of America. 2007. Vol. 121, № 6. P. 3802–3813. doi 10.1121/1.2730622
- Scherer K. R. Vocal Affect Expressions: a Review and a Model for Future Research // Psychological Bulletin. 1986. Vol. 99. P. 143–165.
- Shuijter A. M. C., Heuven V. J. van Acoustic Correlates of Linguistic Stress and Accent in Dutch and American English // ICSLP' 96 Proceedings. Philadelphia. 1996. P. 630–633. URL: <http://www.asel.udel.edu/icslp/cdrom/vol2/604/a604.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).
- Surya R. et al. Issues in Formant Analysis of Emotive Speech Using Vowel-Like Region Onset Points / R. Surya, R. Ashwini, D. Pravena, D. Govind // S. Berretti, S. Thampi, P. Srivastava (eds). Intelligent Systems Technologies and Applications. Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 1. Cham: Springer, 2016. P. 139–146. doi 10.1007/978-3-319-23036-8
- Tamburini F., Caini C. An Automatic System for Detecting Prosodic Prominence in American English Continuous Speech // International Journal of Speech Technology. 2005. Vol. 8, issue 1. P. 30–33. doi 10.1007/s10772-005-4760-z

References

- Bondarko L. V. *Zvukovoy stroy sovremennogo russkogo yazyka* [The phonetic system of the modern Russian language]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1977. 175 p. (In Russ.)
- Valuytseva I. I., Khutuni G. T. Emotsii v zvuchashchey rechi: experimental'noe issledovanie [Emotions in speech: Experimental study] *Voprosy Psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2016, issue 3(29), pp. 45–55. (In Russ.)
- Galunov V. I. O vozmozhnosti opredeleniya emotsional'nogo sostoyaniya govoryashchego po rechi [On the possibility of identifying the speaker's emotional state by his speech] *Rechevyye Tekhnologii* [Speech Technology], 2008, issue 1, pp. 60–66. (In Russ.)
- Derkach M. F., Gumetskiy R. Ya., Gura B. M., Chaban M. E. *Dynamicheskie spektry rechevykh signalov* [Dynamic spectra of speech signals]. Ed. by M. F. Derkach. Lviv, Vyshcha Shkola Publ., 1983. 168 p. (In Russ.)

- Evdokimova V. V. *Variativnost' formantnoy struktury glasnogo v raznykh vidakh rechi*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Variability in the vowel formant structure in different types of speech. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, Moscow State University Press, 2007. 17 p. (In Russ.)
- Zlatoustova L. V. Intonatsiya i prosodiya v organizatsii teksta [Intonation and prosody in text organization]. *Zvuchashchiy text: sbornik nauchno-analiticheskikh obzоров* [Oral text: Collection of scientific-analytical reviews]. Ed. by F. M. Berezin, R. K. Potapova. Moscow, INION RAN of the USSR Publ., 1983, pp. 11–21. (In Russ.)
- Kartavenko M. V. Ob ispolzovanii akusticheskikh kharakteristik rechi dlya diagnostiki psikhicheskikh sostoyaniy cheloveka [On using speech acoustic parameters to diagnose human psychic states]. *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki*. [Izvestiya SFedU. Engineering Sciences], 2005, issue 5, pp. 164–180. (In Russ.)
- Knyazev S. V., Grammatchikova E. V. Russkie zaudarnye glasnye v predudarnoy pozitsii vnutri sintagmy [Russian post-stress vowels in the pre-stress position within a syntagm]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2014, issue 5, pp. 122–134. (In Russ.)
- Krivnova O. F. *Ritmizatsiya i intonatsionnoe chlenenie teksta v 'protsesse rechi-mysli' (opyt teoretiko-eksperimental'nogo issledovaniya)*. Avtoreferat diss. dokt. filol. nauk [Rhythmization and intonational parceling of the text during the 'speech-thought process'. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2007. 53 p. (In Russ.)
- Leonov A. S., Makarov I. S., Sorokin V. N. Chastotnye modulyatsii v rechevom signale [Frequency modulations in the speech signal]. *Akusticheskii Zhurnal*, 2009, vol. 55, issue 6, pp. 809–821. (In Russ.)
- Nushikyan E. A. *Tipologiya intonatsii emotsionalnoy rechi* [Intonation typology of emotional speech]. Minsk, Vyshcha shkola Publ., 1986. 157 p. (In Russ.)
- Bitouk D., Nenkova A., Verma R. Class-level spectral features for emotion recognition. *Speech Communication*, 2010, vol. 52, issues 7–8, pp. 613–625. doi 10.1016/j.specom.2010.02.010 (In Eng.)
- France D. J., Shiavi R. G., Silverman S., Silverman M., Wilkes M. Acoustical properties of speech as indicators of depression and suicidal risk. *IEEE Trans. Biomedical Engineering*, 2000, issue 7, pp. 829–837. doi 10.1109/10.846676 (In Eng.)
- Gobl C., Chasaide A. The role of voice quality in communicating emotion, mood and attitude. *Speech Communication*, 2003, vol. 40, pp. 189–212. (In Eng.)
- Ishii C. T., Campbell N. Analysis of acoustic-prosodic features of spontaneous expressive speech. *Revista de Estudos da Linguagem*, 2004, vol. 12, issue 2, pp. 37–49. (In Eng.)
- Koolagudi S. G., Rao K. S. Emotion recognition from speech: a review. *International Journal of Speech Technology*, 2012, vol. 15, issue 2, pp. 99–117. doi 10.1007/s10772-011-9125-1 (In Eng.)
- Lindblom B., Agwuele A., Sussman H. M., Cortes E. E. The effect of emphatic stress on consonant vowel coarticulation. *Journal of Acoustical Society of America*, 2007, vol. 121, issue 6, pp. 3802–3813. doi 10.1121/1.2730622 (In Eng.)
- Scherer K. R. Vocal affect expressions: a review and a model for future research. *Psychological Bulletin*, 1986, vol. 99, pp. 143–165. (In Eng.)
- Sluijter A. M. C., Heuven V. J. van. Acoustic correlates of linguistic stress and accent in Dutch and American English. *ICSLP' 96 Proceedings*. Philadelphia, 1996, pp. 630–633. Available at: <http://www.asel.udel.edu/icslp/cdrom/vol2/604/a604.pdf> (accessed 20.03.2019). (In Eng.)
- Surya R., Ashwini R., Pravena D., Govind D. Issues in formant analysis of emotive speech using vowel-like region onset points. Ed. by S. Berretti, S. Thampi, P. Srivastava. *Intelligent Systems Technologies and Applications. Advances in Intelligent Systems and Computing*. Cham, Springer, 2016, vol. 1, pp. 139–146. doi 10.1007/978-3-319-23036-8 (In Eng.)
- Tamburini F., Caini C. An automatic system for detecting prosodic prominence in American English continuous speech. *International Journal of Speech Technology*, 2005, vol. 8, issue 1, pp. 30–33. doi 10.1007/s10772-005-4760-z (In Eng.)

THE EFFECT OF PHRASAL POSITION AND TYPE OF STRESS ON THE FORMANT FEATURES OF VOWELS

Sergey V. Batalin

Associate Professor in the Department of Foreign Languages

Volgograd State Technical University

28, prospekt Lenina, Volgograd, 400005, Russian Federation. sbat_2009@mail.ru

SPIN-code: 5161-4516

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3435-9797>

ResearcherID: M-7747-2019

Submitted 20.04.2019

The article deals with the effect of the stress type (neutral vs emphatic) and word position within a phrase on the formant features of a vowel sound. The above factors lead to a variation of such acoustic parameters as mean values of formants F1, F2, F3 and F4. Though it is generally believed that the above parameters can also be affected by an immediate phonetic context, results are scarce regarding the impact of the phrasal position on the formant properties of a sound in the Russian language. It also needs to be noted that the formant characteristics of a sound are heavily impacted by the speaker's idiolect. The paper sets the task to establish regularities in formant fluctuations of the Russian sound [a] uttered in a word pronounced with a neutral and emphatic stress and occupying different phrasal positions. With this aim, the target word with the vowel under study was embedded in the carrier phrase '*Stas ne byl tikhoney*' ('*Stas was not quiet*'), the target word position in the phrase being initial, medial and final. Each phrase was uttered 20 times with neutral and emphatic stress by four Russian speakers, two males and two females. The *Praat* software was used to extract the mean values of formants F1, F2, F3 and F4 of the vowel [a] in the word 'Stas'. ANOVA was performed to note the significance of difference between neutrally and emphatically stressed vowels occupying different positions in the phrase as pronounced by the four speakers. The ANOVA analysis reveals statistically significant difference among the speakers and mean formant values. Trends are hard to identify due to inconsistent variations of the parameters under study. An explanation of the results obtained is made on the basis of current speech production theories.

Key words: intonation; lexical stress; emphatic stress; formants; Russian language.

УДК 811.161.1'28

doi 10.17072/2073-6681-2019-4-16-21

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СЛОЖНОСТИ ИХ ВНУТРЕННЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Нелли Александровна Красовская

д. филол. н., профессор кафедры русского языка и литературы

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

3000026, Россия, г. Тула, просп. Ленина, 125. nelli.krasovskaya@yandex.ru

SPIN-код: 5262-4667

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4260-7620>

Статья поступила в редакцию 07.10.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Красовская Н. А. Диалектная лексика современных говоров как показатель сложности их внутренней организации // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 16–21. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-16-21

Please cite this article in English as:

Krasovskaya N. A. Dialektnaya leksika sovremennykh govorov kak pokazatel' slozhnosti ikh vnutrenney organizatsii [Vocabulary of Modern Dialects as an Indicator of Their Complex Internal Organization]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 4, pp. 16–21. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-16-21 (In Russ.)

Монографическое исследование Т. Е. Баженовой «Лексика самарских говоров» является полноценным описанием лексической системы отдельного региона. Наша статья – рецензия на данную книгу. Сложность формирования самарских говоров, необычная история заселения данного региона приводят к объективным трудностям в определении типологии указанных говоров. Автор монографии, обращаясь к проблемам ареально-типологической характеристики самарских говоров, указывает на целый ряд особенностей лексической системы, господствующей в данном регионе. Т. Е. Баженова, системно анализируя лексику самарских говоров, выделяет многочисленные тематические группы. В основу их выделения она кладет принципы и традиции, сложившиеся в отечественном языкознании, в частности, в отечественной диалектологии и ареальной лингвистике, актуализированные в таких крупных научных проектах, как «Лексический атлас русских народных говоров». Помимо этого, автор принимает во внимание те тематические группы, которые традиционно сложились в говорах указанного региона и отражают его специфику. Такой многоаспектный подход позволяет лингвисту посмотреть на лексику одного территориального образования как на целостный континуум. Более того, Т. Е. Баженова использует принцип системности не только при выделении тематических групп, но и при рассмотрении отдельных лексических единиц, их семантики и тех отношений, в которых эти лексические единицы находятся с иными элементами рассматриваемой системы. В итоге проведенного исследования автор приходит к выводам о том, что лексическая система может быть показателем ареально-типологической характеристики группы говоров. Лексика самарских говоров отчетливо демонстрирует сложность переплетения на территории указанного региона диалектных черт, генетически маркированных как противоположные и разнообразные. Монография представляет собой открытое исследование, которое имеет хорошие перспективы получения новых результатов.

Ключевые слова: диалектные лексические единицы; самарские говоры; ареально-типологическая характеристика; система диалектной лексики; межтерриториальные соответствия.

Изучение диалектных систем до сих пор является чрезвычайно актуальным для любого языка. Анализ диалектов позволяет делать самые разнообразные выводы: о степени сохранности самой диалектной системы, о ее взаимосвязи с культурой и историей, о влиянии литературного языка, об особенностях формирования диалектов и т. д.

Несмотря на то что русские говоры изучаются на протяжении нескольких столетий, они до сих пор дают возможность авторам делать большое число открытий или значительно корректировать ранее полученные данные и наблюдения. Если говоры территорий раннего формирования изучены довольно хорошо, то говоры позднего формирования, т. е. распространенные на территориях, где русское население было вторичным, требуют еще многочисленных исследований и заставляют лингвистов использовать новые методы для поиска ответов на насущные вопросы. К недостаточно изученным переселенческим говорам относятся и говоры Самарского региона.

Диалектные особенности, бытующие на указанной территории, не раз становились предметом описания лингвистов. Так, характеристика диалектных черт Самарского региона присутствовала в ряде работ Т. Ф. Зибровой, В. А. Малаховского, Е. В. Ухмылиной и мн. др.

Расположение указанной территории на географической карте нашей страны довольно сложное: она входит в состав Поволжского региона, относится к так называемой Самарской Луке, в то же время практически контактирует с другими государствами, потому что совсем недалеко находится граница с Казахстаном. На описываемой территории издавна проживали разнообразные народы и этносы. Для русского населения – этот регион не является первичным, исконным. Традиционно в указанном регионе проживали и проживают татары, чувашаи, мордва и др. Далеко не простая география и история Самарского края наложили отпечаток на его языковые особенности. Довольно глубокое описание и самой системы самарских говоров, и ее лексических особенностей представлено в работе Т. Е. Баженовой «Лексика самарских говоров» (Самара, 2017).

Данная монография стала определенным этапом в научной деятельности лингвиста, которая на протяжении нескольких десятков лет занимается изучением особенностей говоров Самарского региона. Безусловно, появление указанной монографии явилось определенным вкладом в изучение диалектных лексических систем русских говоров в целом. Мы бы хотели остановиться на нескольких ярких особенностях изданной книги.

Во-первых, хотя монография и имеет своей основной целью описание системы лексики са-

марских говоров, автор с большим вниманием относится к вопросам истории формирования указанного региона, рассмотрения статуса самарских говоров. Лексическая система, анализируемая исследователем, оказывается вписанной в целый ряд особенностей других языковых уровней, без которых трудно себе представить целостную характеристику диалектной системы.

Серьезным вопросам определения статуса самарских говоров и специфических признаков посвящена одна из глав монографии. Так, Т. Е. Баженова рассматривает вопрос о типологии самарских говоров и отмечает, что их изучение имело далеко не простую судьбу и характеризовались они то как говоры севернорусские владими́ро-поволжского типа с небольшими южнорусскими вкраплениями, то, после значительных уточнений 40-х гг. XX в., стали определяться как содержащие в себе все основные типы говоров: «...окающие (владими́ро-поволжские) и разнотипные акающие (среднерусские и южнорусские)» [Баженова 2017: 18]. Т. Е. Баженова четко указывает на противоречия, которые возникали в процессе более позднего анализа материалов, подготовленных В. А. Малаховским. Автор монографии, сопоставляя различные данные, приходит к выводу, что акающих говоров в Самарском регионе больше, чем окающих: «Акающие говоры на нашей территории численно преобладают, и больше половины их составляют говоры среднерусские» [там же: 19]. Помимо этого, Т. Е. Баженова указывает и на ряд типологических признаков, которые характеризуют говоры Самарского региона. Указание на типологические черты важно, потому что это дает возможность автору рассуждать об особенностях лексической системы и ее связи с типологией говоров. В качестве основных признаков самарских говоров Т. Е. Баженова отмечает ряд фонетических черт, среди которых неполное оканье, уканье, различение гласных неверхнего подъема в предударном слоге после мягких согласных, а также наличие разнообразных типов яканья, иканья, еканья, т. е. признаки окающих и среднерусских акающих. Перед исследователями предстает весьма пестрая картина: «Диалектное членение самарских говоров на уровне предударного вокализма после мягких согласных также показывает сосуществование на изучаемой территории полярных по типологии диалектных массивов», – ссылаясь на работы других исследователей, замечает Т. Е. Баженова [там же: 24]. Заканчивая обзор специфических признаков самарских говоров, автор заключает, что «периферийные самарские говоры, несмотря на их позднее образование, характеризуются признаками типологического единства с материнскими говорами

центральных областей (территорий исконного заселения) и вместе с тем ярко выраженными чертами своеобразия, сложившимися уже на территории самарского Поволжья» [Баженова 2017: 25]. Помимо этого, сложное переплетение различных диалектных черт на территории Самарского региона исследователь видит в экстралингвистических факторах: интенсивность потоков переселенцев и их направление, а также особенности природно-ландшафтной характеристики.

Следующей значительной отличительной чертой монографии Т. Е. Баженовой является системное рассмотрение лексики Самарского региона с опорой на программу и принципы сбора сведений для «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ). Напомним, что идея создания указанного атласа была высказана несколько десятков лет назад. В начале 2000-х гг. увидел свет пробный выпуск данного атласа, а в 2017 г. был издан первый выпуск – «Растительный мир». Отметим, что в сбор сведений для указанного атласа включено большое количество исследовательских центров страны. Несмотря на то что издан только первый выпуск ЛАРНГ, работа над всеми темами атласа идет довольно активно. Готовится к выпуску второй том Атласа, собраны и систематизированы картотеки и по другим темам. С опорой на Атлас создаются научные статьи, принципы Атласа анализируются в диссертационных исследованиях. Следует подчеркнуть, что работа Т. Е. Баженовой – одна из первых, в которой системный принцип рассмотрения лексики одного региона строится с привлечением материалов многих тем Атласа. Бесспорно, для того чтобы использовать как основу для построения своего исследования основные тематические группы, выделенные в программе Атласа, нужно быть с ней хорошо знакомой, что и следует из рецензируемой книги. Монография, в свою очередь, систематизирует собранный в самарских говорах лексический фонд для пополнения картотеки ЛАРНГ. Исследование Т. Е. Баженовой, таким образом, вносит довольно значительный вклад в фиксацию и систематизацию материала для составления ЛАРНГ. Так, Т. Е. Баженова замечает: «...мы руководствовались соображениями чисто практического характера: представленный в нашей книге материал предназначен служить источником прежде всего для ЛАРНГ» [там же: 47].

Основное содержание монографии связано с рассмотрением важнейших тематических групп, отражающих традиционный уклад жизни человека, его мировоззрение, быт и культуру. Например, отдельные параграфы в монографии называются: «Система диалектных обозначений объ-

ектов неживой природы» [там же: 60], «Система метеорологических наименований» [там же: 64] и др. В соответствии с программой ЛАРНГ автор начинает анализ тематических групп с рассмотрения лексики природы, далее, следуя логике ЛАРНГ, описывает группы слов, относящихся к тематической группе «Человек», затем анализирует лексику традиционной материальной культуры. Итак, еще раз подчеркнем, что системный подход является ключевым в рецензируемой работе, он же пронизывает рассмотрение как отдельных тематических групп, так и отдельных элементов, входящих в них. Так, например, обращаясь к лексике природы, Т. Е. Баженова выделяет такие разновидности, как слова общенародные, диалектные слова, являющиеся вариантами общенародных слов, собственно диалектные слова (диалектные слова, образованные на основе общенародных слов или описательных оборотов с помощью общерусских морфем, диалектные лексемы, полностью отсутствующие в литературном языке и его разновидностях). Системный принцип наблюдается и в анализе отдельных единиц: автор анализирует семантическую структуру слов, их внутреннюю форму, фонетические варианты, особенности образования. Например, рассматривая слова, характеризующие внешность человека в связи с физическими особенностями и состоянием здоровья, автор замечает: «Префиксальные образования в данной лексической группе нами не зафиксированы. Встречаются образования смешанного типа (префиксально-суффиксальные): *безголовый*, *безжилый*.

Продуктивен способ сложения: *живокровый* (от основы прилагательного *живой* и существительного *кровь*)...» [там же: 73].

Анализируя наполненность тематических групп, Т. Е. Баженова целенаправленно указывает на особенности лексических единиц, которые так или иначе отражают особенности региона либо содержательно связаны со спецификой территории. Например, в тексте монографии встречаем: «В языке обычно отрицательно воспринимается речь непонятная и незнакомая (*лопотать*, *бормотать*), обусловленная незнанием или плохим знанием языков. В таком полиэтническом и поликультурном регионе, как Среднее Поволжье, лексически маркируются даже языковые особенности русских, в речи которых сохраняются признаки различных материнских говоров (*цовоканы*, *баюны*, *батки*)» [там же: 76]. Такой подход очень важен как для полноты анализа материала в рамках указанной монографии, так и для ЛАРНГ, так как заметным образом позволяет выделить на общероссийском фоне данный регион и его лексическую специфику.

Особенности культуры, истории Самарской Луки в значительной степени представлены и в тематических группах, включающих в себя лексику одежды и обуви, женских головных уборов и украшений, питания, сферы трудовой деятельности и традиционной духовной культуры. Эти тематические группы также рассматриваются системно, указывается на целый ряд их отличий, связанных как со структурой слова, его внешним обликом, так и с особенностями семантики и особенностями функционирования лексических единиц. Например, в параграфе «Системные отношения в группе предметно-обиходных наименований» сказано: «В наименованиях предметов домашнего обихода широко представлена вариативность, причем самую многочисленную группу составляют лексико-словообразовательные варианты (*дойник – дойница – доёнка, праник – пральник, гасильник – гасилочка, качка – качель...*). Встречаются также варианты фонематические (*пестерь – пехтерь, рептух – хребтуг*), фонетические (*чугунок – тюгунок, цапельник – чапельник, кувшин – кушин*)...» [Баженова 2017: 107]. Анализируя большое разнообразие лексики, которая составляет предметно-бытовую номенклатуру, Т. Е. Баженова выявляет разновидности мотивировочных признаков, особенности словообразовательных моделей, определяет место заимствованных названий в этой группе слов. Автор подчеркивает, что значительное место среди «слов с предметно-бытовым значением в самарских говорах» занимают заимствования из тюркских языков: «(*баксанка* ‘глиняный горшок’, *таган* ‘металлическая подставка на трех ножках’... *челяк* ‘жестяное ведро, мерная емкость’ ... *кубгатка* ‘деревянная посуда для масла’)» [там же: 110].

Представляя тематические группы лексики одежды, обуви, головных уборов и украшений, исследователь неоднократно оценивает их этнографическое своеобразие, отмечает манеру ношения, условия использования: «Было несколько способов завязывания платков и шалей. Обычно, при повседневной носке, их складывают на угол и двумя свободными концами завязывают под подбородком. В более торжественных случаях под подбородком платок закалывают булавкой, то есть носят *под булавочку*. Во время сельскохозяйственных работ платки завязывают *по-мордовски*, то есть для удобства платок складывают в широкую полоску, прикрывая лоб, а концы завязывают сзади на затылке» [там же: 126].

Так же подробно и системно рассматривается лексика сферы трудовой деятельности и лексика традиционной духовной культуры. Ареальность распространения тех или иных наименований автор сопоставляет с типологией говоров, указы-

вая их материнскую отнесенность: Так, касаясь вопроса локализации в самарских говорах лексем с корнями *-вечер-* и *-сид-*, Т. Е. Баженова пишет: «В самарских говорах лексем с корнем *-сид-* в целом компактного ареала не образуют и отмечаются как в окающих говорах (Берёзовка и Кузькино Шигон., Бестужевка Приволж., Бобровка Кин. и др.), так и в южнорусских говорах (например, в Пензине Б. Черн.); сохраняются и в бидиалектных селах, как например, в с. Верхняя Орлянка Серг. И все же наименования *посиделки, сиделки* чаще отмечаются на карте в говорах с южнорусской основой...» [там же: 155]. В завершение рассмотрения лексики духовной культуры автор выражает надежду на то, что данное исследование может стать базой для проведения более серьезного изучения этой тематической группы в ареальном аспекте.

Подводя итог рецензируемому материалу, хочется отметить, что в целом монография продолжает ряд замечательных работ современной отечественной диалектологии, авторами которых являются такие крупные исследователи, как О. И. Блинова, Е. А. Нефедова, И. Б. Качинская, А. Д. Черенкова и др., которые рассматривают лексическое своеобразие определенной группы говоров и связывают его с анализом типологических признаков, взаимодействием с другими языковыми системами и группами говоров, развитием сложной внутренней лексической организации и т. д. Исследование Т. Е. Баженовой позволяет сделать ряд интересных выводов, среди которых важнейшее место занимает положение о том, что «на территории Самарской области сложилась картина, в общих чертах отражающая лексическую противопоставленность генетически различных говоров» [там же: 163]. Лингвист, привлекая для рассмотрения серьезный массив лексических единиц, доказывает, что «в пределах окающей и акающей зон самарского края существуют более мелкие диалектные группировки, различные и по типологии диалектных различий, и по генезису, и по времени и характеру образования» [Баженова 2017: 163]. По мнению автора, системное рассмотрение лексических единиц разных тематических групп, бытующих в самарских говорах, позволяет достаточно четко определить признаки типологического единства с говорами центральных областей (говоры исконного заселения), а также своеобразные диалектные признаки, сформировавшиеся на территории Самарского региона. Помимо этих наблюдений автора, можно говорить и о более частных выводах, которые объективно вытекают из содержания монографии.

Нам бы хотелось также отметить, что рецензируемое издание позволяет проводить сопоста-

вительные исследования лексики самарских говоров с лексическими системами иных групп говоров и делать разнообразные выводы. Монография дает возможность увидеть, каким разно-сторонним является лексический материал, включенный в картотеку ЛАРНГ и системно обработанный с целью пополнения базы ЛАРНГ. С другой стороны, – как принципы ЛАРНГ позволяют упорядочить описание лексического фонда одной группы говоров. Рецензируемая книга имеет, на наш взгляд, открытую структуру, она может пополняться иными группами говоров, иными корпусами лексических единиц. Подчеркнем, что монография может быть адресована широкому кругу читателей, которые ценят русский язык, русскую культуру, стараются осмыслить интересную историю нашей страны.

Список литературы

- Баженова Т. Е. Лексика по теме «Растительный мир» в самарских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 21–29.
- Баженова Т. Е. Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание. Самара: СГСПУ, 2017. 190 с.
- Блинова О. И. Русская диалектология. Лексика: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 133 с.
- Зиброва Т. Ф. Лингвогеографические и экстралингвистические факторы в формировании позд-непереселенческих говоров // Лексический атлас русских народных говоров. СПб: Нестор-История, 2014. С. 317–325.
- Качинская И. Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров). М.: Индрик, 2018. 288 с.
- Костючук Л. Я. От сомнения к утверждению: роль повторных обследований по программе лексического атласа русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб.: Наука, 2008. С. 8–10.
- Красовская Н. А. Лексический атлас русских народных говоров: пересечение лингвистических подходов и парадигм // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2. С. 135–140.
- Лексический атлас русских народных говоров (ЛАРНГ). Т. 1: Растительный мир. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 736 с.
- Малаховский В. А. Новые данные о говорах Куйбышевской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л.: ИРЯ АН СССР, 1949. Т. II. С. 217–341.
- Нефедова Е. А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М.: МАКС ПРЕСС, 2008. 464 с.
- Черенкова А. Д. Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа: учеб. пособие. Воронеж: Полиграф, 2009. 328 с.

References

- Bazhenova T. E. Leksika po teme ‘Rastitel’nyy mir’ v samarskikh govorakh [‘Plant world’ vocabulary in Samara dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Data and research)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, pp. 21–29. (In Russ.)
- Bazhenova T. E. Leksika samarskikh govorov: tipologicheskoe i leksikograficheskoe opisanie [Vocabulary of Samara dialects: Typological and lexicographic description: Monograph]. Samara, Samara State University of Social Sciences and Education Press, 2017. 190 p. (In Russ.)
- Blinova O. I. Russkaya dialektologiya. Leksika: ucheb. posobie [Russian dialectology. Vocabulary: Textbook]. Tomsk, Tomsk State University Press, 1984. 133 p. (In Russ.)
- Zibrova T. F. Lingvogeograficheskie i ekstralingvisticheskie factory v formirovaniy pozdnepereselencheskikh govorov [Linguogeographical and extralinguistic factors in the formation of late resettlement dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Data and research)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014, pp. 317–325. (In Russ.)
- Kachinskaya I. B. Terminy rodstva i yazykovaya kartina mira (po materialam arkhangel’skikh govorov) [Kinship terms and language picture of the world (a case study of Arkhangelsk dialects)]. Moscow, Indrik Publ., 2018. 288 p. (In Russ.)
- Kostyuchuk L. Ya. Ot somneniya k utverzhdeniyu: rol’ povtornykh obsledovaniy po programme leksicheskogo atlasa russkikh narodnykh govorov [From doubt to assertion: Role of re-surveys in accordance with the program of the lexical atlas of Russian folk dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Data and research)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 8–10. (In Russ.)
- Krasovskaya N. A. Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: peresechenie lingvisticheskikh podkhodov i paradigim [Lexical atlas of Russian folk dialects: Intersection of linguistic approaches and paradigms]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) universiteta: Seriya: Gumanitarnye i sotsyalnye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University

Herald. Series: Humanities and Social Sciences], 2019, issue 2, pp. 135–140. (In Russ.)

Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (LARNG) [Lexical atlas of Russian folk dialects (LARFD)]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, vol. 1. Rastitel'nyy mir [Plant world]. 736 p. (In Russ.)

Malakhovskiy V. A. Novye dannye o govorakh Kuybyshevskoy oblasti [New data on the dialects of the Kuibyshev region]. *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii* [Data and research on Russian dialectology]. Moscow, Leningrad, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian

Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, vol. 2, pp. 217–341. (In Russ.)

Nefedova E. A. *Mnogoznachnost' i sinonimiya v dialektnom prostranstve* [Polysemy and synonymy in the dialect space]. Moscow, MAX Press, 2008. 464 p. (In Russ.)

Cherenkova A. D. *Voronezhskie dialektnye teksty kak istochnik dlya izucheniya russkogo natsional'nogo yazyka, istorii i kultury naroda: ucheb.posobie* [Voronezh dialect texts as a source for studying Russian national language, history and culture of people: Textbook]. Voronezh, Poligraf Publ., 2009. 328 p. (In Russ.)

VOCABULARY OF MODERN DIALECTS AS AN INDICATOR OF THEIR COMPLEX INTERNAL ORGANIZATION

Nelli A. Krasovskaya

Professor in the Department of Russian Language and Literature

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

125, prospekt Lenina, Tula, 3000026, Russian Federation. nelli.krasovskaya@yandex.ru

SPIN-code: 5262-4667

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4260-7620>

Submitted 07.10.2019

The monographic study *Vocabulary of Samara Dialects* by T. E. Bazhenova provides a full description of the region's lexical system. Our article is a review of this book. The history of Samara dialects and the complexity of their formation, the unusual history of the settlement of the region cause objective difficulties in determining the typology of these dialects. When addressing the issues of areal-typological characteristics of Samara dialects, the author of the monograph points to a number of features of the lexical system prevailing in the region. Systematically analyzing the vocabulary of Samara dialects, T. E. Bazhenova identifies numerous thematic groups. Her identification is based on the principles and traditions that have developed in Russian linguistics, in particular in Russian dialectology and areal linguistics, updated in such major scientific projects as *Lexical Atlas of Russian Folk Dialects*. In addition, the author takes into account the thematic groups that traditionally developed in the dialects of the region and reflect its specificity. Such a multidimensional approach allows a linguist to look at the vocabulary of one territorial entity as an integral continuum. Moreover, Bazhenova uses the principle of consistency not only in the identification of thematic groups but also when considering individual lexical units, their semantics and the relations in which these lexical units are with other elements of the system under study. The author comes to a conclusion that the lexical system can be an indicator of the areal-typological characteristics of a group of dialects. The vocabulary of Samara dialects clearly demonstrates the complexity of interlacing dialect traits, genetically marked as opposite and diverse. The monograph is an open study having good prospects for obtaining new results.

Key words: dialect lexical units; Samara dialects; areal-typological characteristics; system of dialect vocabulary; inter-territorial correspondence.

УДК 81: 39

doi 10.17072/2073-6681-2019-4-22-32

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЕ СИМВОЛЫ РУССКОГО СЕВЕРА¹

Юлия Александровна Кривошапова

к. филол. н., доцент кафедры филологии Специализированного учебно-научного центра
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Данилы Зверева, 30. insekt@yandex.ru

SPIN-код: 2680-6403

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3096-708X>

ResearcherID: Q-3496-2018

Статья поступила в редакцию 24.10.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кривошапова Ю. А. Лингвокультурные идентифицирующие символы Русского Севера // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 22–32. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-22-32

Please cite this article in English as:

Krivoshchapova Ju. A. Lingvokul'turnye identifikatsionnyye simvolyy russkogo severa [Linguocultural Identifying Symbols of the Russian North]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 4, pp. 22–32. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-22-32 (In Russ.)

Исследование посвящено феномену лингвокультурного символа территории как одной из форм репрезентации конкретного региона. Его географический фокус сосредоточен на северных территориях европейской части России (Русском Севере). В центре внимания автора устойчивые словосочетания с топонимическим компонентом (*вологодское масло*, *ракульская роспись*, *уломские гвозди* и др.). Подчеркивается, что не все подобные образования становятся территориальной «эмблемой», а лишь те, которые частотны, обладают смысловой и образной «достаточностью» и присутствуют в сознании носителя языка в форме «визитной карточки» региона. Обращается внимание на то, что, употребляясь в составе устойчивых словосочетаний, оттопонимические прилагательные могут выполнять функцию оценочной характеристики: они теряют свою географическую привязку и наделяются обобщенно-мелиоративными коннотациями (*вологодское масло* = качественное масло). Отмечается, что сема «продукт высокого качества» проявляется на уровне контекстной семантики, когда топонимическое определение обозначает лучший товар из предложенных «на рынке». Своеобразной «визиткой» региона чаще всего оказывается местная продукция или один из промыслов, характерный для конкретного локуса. Наряду с макробрендами, широко известными не только в России, но и за рубежом (*вологодское кружево*), функционируют микробренды, узнаваемые преимущественно местными жителями (*каргапольский рыжик*). Отмечается также, что происходит не только возрождение лингвокультурной символики, основанное на исторической памяти регионов, но и угасание ряда брендов, связанное, например, с исчезновением того или иного промысла (*белослудские кушаки*).

Ключевые слова: лингвокультурный символ; региональный бренд; Русский Север; имя собственное; дериваты топонимов; мотивация; семантика.

Самоидентификация жителей любого региона неразрывно связана с культурными символами территории, позволяющими «распознать» тот или иной локус и выделить его среди прочих (например, одним из культурных символов России является *берёза* – дерево, по которому наша страна легко опознается; символом города Тулы

является *самовар* и т. д.). Такие знаки отличия могут быть материальными (например, памятник тульскому прянику), визуальными (например, калач, изображенный на гербе города Муром) или вербальными (например, название ярмарки «Валдайские баранки»). Коннотативный фон, сопровождающий региональные символы, может

быть как положительным, как в случае с примерами, приведенными выше, так и отрицательным, основанным на «дурной» славе локуса, например, Екатеринбург известен как место гибели царской семьи и ассоциируется у туристов именно с этим печальным эпизодом отечественной истории. И все же с позиций маркетинга коммерчески более значимым оказывается не только узнаваемый, но и привлекательный образ территории. В последнее время мы достаточно часто наблюдаем попытки формирования или реконструкции культурных символов различных регионов России. На фоне запущенного «сверху» процесса глобализации региональные власти (реже – местные предприниматели) активно занимаются поиском или реанимацией уникальной эмблемы, которая способствовала бы формированию позитивного имиджа региона. Довольно часто культурный символ становится *брендом*, т. е. узнаваемой торговой маркой, подтверждающей высокое качество продукта. Главное отличие культурного бренда от бренда коммерческого заключается в том, что он не создается «с нуля», а воссоздается с опорой на уже существующие культурно-исторические традиции, характерные для того или иного региона. Ярким примером такого бренда можно считать *вологодское масло*², производство которого основано на маслоделательной традиции Вологодчины, сформировавшейся еще в XIX в.

Итак, региональный культурный символ – это одна из форм репрезентации конкретного локуса, как правило, основанных на исторической памяти жителей какой-либо территории. В качестве культурной основы символа могут выступать не только люди и события, но и традиционные ремесла и, соответственно, продукция, связанная с региональными промыслами (росписи, изделия из ткани, игрушки, прялки, сани, выпечка и проч.). Ментальной основой эмблемы в этом случае выступает знание того, что конкретный регион славится какой-то своей уникальной продукцией. Как уже было сказано выше, культурный символ может быть воплощен средствами разных знаковых систем³, однако нас будет интересовать региолектный идентифицирующий символ, отраженный в словосочетаниях с топонимическим компонентом и дериватах топонимов.

Главной составляющей регионального культурного бренда с позиций языка оказываются устойчивые словосочетания с топонимическим компонентом (в основном, это атрибутивные конструкции, реже – словообразовательные дериваты топонимов), указывающие на географические координаты производителя (*вологодское кружево*, *тульский пряник*, *ижэвка* ‘ружье ижев-

ского оружейного завода’ (Мгеладзе, Колесников: 39), *сарпінка* ‘хлопчатобумажная ткань типа ситца’ (ССРЛЯ 13: 191) и проч. Оттопонимические дериваты чаще всего образуются от названий населенных пунктов, реже – названий других географических объектов. Например, на Русском Севере, где много рек, в составе изучаемых конструкций могут встретиться и производные от гидронимов, ср. *ракульская* (> р. *Ракулка*) или *уфтюжская* (> р. *Уфтюга*) *роспись*. При этом сам топоним редко претендует на статус культурного символа, например, устаревшее наименование Белого моря *Гандвик*, которое в современном русском языке активно используется в собственных наименованиях, ср.: «Гандвик» – мебельный гарнитур, выпускавшийся в Архангельске в 1970–1980-е гг.; физкультурно-оздоровительный центр; ежегодный традиционный марафон в День города» (СНРР 1: 43).

Определяемым при прилагательном чаще всего оказывается обозначение товара местного производства. В книге «История водки» В. Похлебкин приводит список типичных, специфических для какого-либо города или местности «фирменных» продуктов: «...*московские калачи, московская водка, тульские или вяземские пряники, коломенская пастила, валдайские баранки, Выборгские крендели* и т. д.» – и отмечает, что «все эти названия целиком связаны с возникновением данного производства первоначально в определенном месте и с продолжением специализации этого места на производстве именно этого вида продукта. При этом продолжение специализации влекло за собой стремление закрепить репутацию товара и потому обязывало поднимать всемерно его качество. Тем самым названия *московская водка* или *вяземские пряники* звучали уже через несколько десятилетий как гарантия высокого качества, как признание, похвала качеству» [Похлебкин 2005: 45].

Подобные конструкции уже анализировались А. Бурькиным в статье «Курский соловей, арзамасские гуси, тамбовский волк (к истории региолектных идентифицирующих символов и идиоматики)». В исследовании автор прослеживает историю возникновения и идиоматизации словосочетаний с топонимическим компонентом, претендующих, по его мнению, на роль культурных символов и региональных брендов.

Вполне очевидно, что далеко не все подобные образования являются частью культурного символа: большинство из них просто указывают на место производства продукта. Необходимо сформулировать возможные критерии «брендовости» таких словосочетаний. При слабой их идиоматичности часть из них обладает смысловой и образной «достаточностью»: за ними чита-

ется узнаваемая носителями языка «картинка», например, словосочетание *тульский пряник* является частью культурного бренда города Тулы наряду с небезызвестным *тульским самоваром*, в отличие, например, от *тульского гуся*. Авторы статьи «Россия и Франция: диалог стереотипов» Е. Л. Березович и Г. И. Кабакова, столкнувшись с похожей проблемой отбора материала, приводят в качестве примера сочетание *французские сыры*, которое не требует пояснений, рисует яркий образ, закрепленный в культурной памяти, а также подается как своеобразная национальная «пищевая эмблема», в отличие от сочетаний типа *французская колбаса*, *французские овощи* или *французское молоко*: они «встречаются единично, а стоящие за ними реалии не имеют, кажется, лингвострановедческого потенциала» [Березович и др. 2015: 11].

Важным оказывается параметр частотности, а также способность лексической единицы выступать основой для образования имени собственного, ср. музыкальный фестиваль «Курский соловей», магазин «Вологодское масло».

Кроме словосочетаний с топонимическим компонентом нам кажется важным привлечь неоттопонимические коллективные прозвища жителей отдельных местностей, в которых часто отражаются занятия и промыслы населения, прославившие регион. Например, прозвище волог. *кушачники* (жители архангельского райцентра Красноборска) указывает на то, что село славится производством тканых кушаков (СРНГ 16: 195). Очевидно, что информация, почерпнутая из диалектных коллективных прозвищ, знакомит нас со старыми региональными символами, которые в данный момент могут быть утрачены, однако позволяет проследить историю формирования одних культурных брендов, угасания других и реинкарнацию третьих, иными словами, увидеть процесс в динамике.

Значим также любой оценочный семантический компонент, дополняющий облигаторное топонимическое значение: он может быть представлен в составе дефиниции, ср. *казанское мыло* «в прошлом – лучший сорт простого мыла» (ССРЛЯ 5: 655), или эксплицирован в контексте: *Я оторвался от окна: две стюардессы сервировали для нас шикарный завтрак: вкусный хлеб, вологодское масло, ароматно пахнущие сосиски, свежие пирожные и, конечно, черная и красная икра* (Голяховский В. Русский доктор в Америке, 1984–2001) (НКРЯ). Важным признаком брендовости оказывается включение оттопонимических словосочетаний в своего рода аксиологические контексты, содержащие целый ряд таких конструкций, ср., например: *Наибольший интерес представляют пермогорские прялки,*

*уфтяжские туеса и белослудские кушаки, отличающиеся особой тонкостью плетения*⁴. Помогают и особые маркеры при сочетаниях: *славится, известный, знаменитый* и др. Иногда на региональный бренд выводит фразеология или паремиология, ср. *Вязьма в пряниках увязла* (Даль ПРН 1: 429).

Итак, мы принимаем во внимание устойчивые топонимические словосочетания и дериваты топонимов, которые частотны, обладают смысловой и образной «достаточностью» и присутствуют в сознании носителя языка в форме «визитной карточки» региона. Учитываются также онимизация изучаемых конструкций и присутствие мелиоративной оценки в дефиниции или контекстной семантике. Не принимаются во внимание словосочетания, семантика которых сугубо топонимическая и равна сумме значений компонентов, ср. новосиб. *барнаульские пимы* «валенки с вышитыми голенищами, которые валяли в Барнауле» (СРГСиб 3: 236).

Подобные конструкции далеко не всегда фиксируются словарями (в том числе фразеологическими), поэтому мы широко используем для извлечения и верификации материала текстовый корпус – Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Сохраняя установку на народную традицию, мы привлекаем и факты литературного языка, а также обозначения торговых марок и названия товаров, фирм, акций и проч⁴. Сведения исторического характера почерпнуты из Википедии – свободной энциклопедии.

Географический фокус исследования сосредоточен на северных территориях европейской части России, так называемом Русском Севере, подразумевающим территорию от междуречья Волги и Сухоны до Белого и Баренцева морей и включающем Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую области, север Ленинградской области, Республику Карелия и Республику Коми. Само словосочетание *Русский Север* довольно часто используется при создании региональных коммерческих брендов, например, продается водка торговой марки *Русский Север*; национальный парк в Вологодской области имеет то же название. Здесь мы можем говорить о макробренде, представляющем не один географический объект, а целый регион. С другой стороны, есть микробренды, имеющие локальную славу, ср. оренб. *булановская капуста*, которая «качеством своим славится во всем околдке, за покупкою её приезжают из окрестных сёл вёрст за сорок» (ООС: 114) (< с. Буланово Оренб. обл.).

Поскольку символом региона чаще всего оказывается реалья, мы приняли решение подавать соответствующий языковой материал по тематико-идеографическому принципу.

Кулинария

Масло

Первое место по узнаваемости занимает, безусловно, *вологодское масло*, рецепт которого был составлен Н. Верещагиным в 60-е гг. XIX в. Он же организовал сыроварни в Вологодской губернии. Состав маслодел подсмотрел на одной из Парижских выставок, поэтому и масло назвал *парижским*, а в других странах его называли *петербургским*, так как оно экспортировалось из России. До *вологодского* в России делали только топленое масло, которое называлось *русским* (подробнее об истории маслоделия см.: [Вологодское маслоделие ... 2002]). Е. Авдеева, автор книг по домоводству, писала в конце XIX в.: «Все кухарки, особенно не немки и не шведки, а настоящие русские <...> необыкновенно пристрастны к употреблению *русского масла*, т. е. топленого, которое <...> имеет отвратительное свойство страшнейшим образом чадить и дымить» [цит. по: Сюткина и др., 2014: 76]. *Русское масло* встречается в диалектах, ср. волог. *русское масло* ‘топленое масло’ (КСГРС), и в текстах XX в.: *Я с удовлетворением поглядывал на свои два громадных мешка и подсчитывал в уме запасы, сэкономленные мною из казенного пайка за счет питания у местного населения: 20 кг круп, 6 кг белой муки, литр русского масла, наконец, гусь, обичий с Некрасовым* (Голицын С. Записки беспогонника, 1946–1976) (НКРЯ). Иногда оно оказывается в паре с *вологодским*: *Бескоровники не могли бы создать сорта русского масла и вологодского масла, которыми бесконкурентно был завален мировой рынок* (Солоухин В. Смех за левым плечом, 1989) (НКРЯ).

Настоящее *вологодское масло* ценится до сих пор: *Вологодское масло считается более элитным и полезным (потому и дорогое!). Но надо смотреть на производителя – иногда его делают совсем не вологодские предприятия. Фига с маслом: почти половина российских продуктов – подделка!* (Комсомольская правда, 2011) (НКРЯ). Приведем еще контекст из текста С. Довлатова: *Здесь продавалось вологодское масло, рижские шпроты, грузинский чай, украинская колбаса* (Иностранка, 1986) (НКРЯ). В 2009 г. под Вологодой открылся музей вологодского масла.

Славилось в России и так называемое *чухонское масло*, которое появилось раньше, чем *вологодское*, экспортировалось в Россию из Прибалтики и Финляндии и было названо по пренебрежительному этнониму прибалтийско-финских народов *чухна, чухонцы*. *Чухонское масло* дольше хранилось, так как в него по финскому рецепту добавляли соль, и считалось продуктом высокого

качества: *Там Калинович увидел князя со всей семьей за круглым столом, на котором стоял серебряный самовар с чашками и, по английскому обыкновению, что-то вроде завтрака. Тут была и корзина с сухарями, и чухонское масло, и сыр, и бутерброды из телятины, дичи и ветчины, и даже теплое блюдо котлет* (Писемский А. Тысяча душ, 1858) (НКРЯ). Русские быстро освоили рецептуру заморского белого твердого масла, которое сейчас мы знаем как сливочное: *То были или подлинные чухонки или русские бабы и девушки, старавшиеся, однако, в говоре подделаться под чухонку, дабы заслужить более доверие покупателей – ведь особенно славилось именно чухонское масло* (Бенуа А. Жизнь художника, 1955) (НКРЯ). Очевидно, что со временем *чухонским* стали называть сливочное масло вообще – в отличие от *русского* топленого: *Струнников не торопясь возвращается домой и для возбуждения аппетита заглядывает в встречающиеся по пути хозяйственные постройки. Зайдет на погреб – там девчонки под навесом сидят, горшки со сметаной между коленами держат, чухонское масло мутовками бьют* (Салтыков-Щедрин М. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина, 1887–1889) (НКРЯ). В этом значении словосочетание и попало в словари литературного языка, ср. *чухонское масло* прост. устар. ‘сливочное масло’ (СЛРЯ 4: 695). Кроме *чухонского*, было известно еще *голитинское* соленое масло из полукислых сливок (от *Голитиния*, исторический регион Германии). Подробнее о названиях масла см.: [Осипова 2018].

Выпечка

Одним из «выпечных» символов Архангельского края (и вообще – Русского Севера), претендующим на статус бренда, можно считать *архангельскую козулю* ‘изготовленные из теста запеченные фигурки’, ср. название магазина «Архангельский пряник». Первоначально *козули* были распространены у поморов в качестве рождественской выпечки (можно сказать, что *козуля* – это символ Поморья), сейчас их изготавливают в Архангельской и Мурманской областях и на Урале. *Архангельская козуля* считается северной разновидностью русского пряника. Приведем отрывок из рассказа Е. Замятина «Русь», в котором встречается это словосочетание: *Креценский мороз, в шубах – голубого снегового меху – деревья, на шестах полощутся флаги; балаганы, лотки, ржаные, расписные, архангельские козули, писк глиняных свистулек, радужные воздушные шары у ярославца на снижке, с музыкой крутится карусель* (НКРЯ). Контекст позволяет увидеть, что *архангельские козули* здесь попада-

ют в ряд русских культурных символов. В самом Архангельске «особенно красивыми и вкусными козулями» славится Соломбала – район города, который располагается на Соломбальских островах и где издавна селились моряки. Их жены, соломбалки, «слыли большими мастерицами, рукодельницами и кулинарками» (СНРР: 155). Встретилось нам и упоминание пряников из деревни Карпогоры Архангельской области: «Я купила *пряников толстых, карпогорских* в ведре, утром открыла – просто ведро, и не завершишь, кто взял» (АОС 15: 282). Контекст показывает, что определение *карпогорские*, подкрепленное прилагательным *толстые*, подразумевает хорошие, качественные пряники.

Заслуживает внимания *выборгский крендель*, известный в Выборге со второй половины XIV в. Считается, что первыми его стали печь монахи-францисканцы, основавшие в этом городе свой монастырь. В историю Выборга вошла так называемая «крендельная война», разгоревшаяся между двумя семьями финских пекарей, боровшимися за признание в качестве хранителей верного рецепта. После взятия города в 1710 г. крендель получил известность и в Петербурге. Со времен Петра I он поставлялся к императорскому двору, был угощением на ассамблеях. Приведем несколько литературных контекстов: *Мастеровых кругом совсем нет, кроме одного пекаря, который продает вразнос выборгские крендели* (Салтыков-Щедрин М. Е. Мелочи жизни, 1886–1887) (НКРЯ); *Впереди носатый булочник в картузе, с черным кругом и плетеной корзиной на голове, – тот самый, что приносит нам по воскресеньям выборгские крендели* (Чуковская Л. Памяти детства: Мой отец – Корней Чуковский, 1971) (НКРЯ); *Вот Гостиный двор. На лотках у пирожников выборгские крендели, сайки с изюмом, моченая морошка* (Садовский Б. Пшеница и плевелы, 1936–1941) (НКРЯ). В настоящее время крендель изображен на эмблеме выборгского землячества финнов, эвакуированных с Карельского перешейка. В современном Выборге также изготавливаются хлебобулочные изделия под этим названием. *Уже сейчас Александр Сафонов задумался о бренде предприятия. Он считает, что это должен быть знаменитый выборгский крендель. В Финляндии удалось отыскать человека, обладающего старинным рецептом этого изделия. Поэтому марка комбината будет подтверждаться и настоящим выборгским кренделем, приготовленным в его уникальных печах* (Выборгские ведомости, 2017) (НКРЯ).

В Словаре русских народных говоров встречается пск., ленингр. *мурманский калач* ‘разновидность мучного изделия’ с контекстом: *Кях-*

тинский чай, да мурманский калач – полдничают богач. Однако нам кажется, что скорее всего имеется в виду *муромский калач*, прославивший город Муром, ср. ту же поговорку *кахтинский чай, да муромский калач – полдничают богач*, включенную в словарь В. И. Даля (Даль 2: 76).

Продукция

Лён

Производство льна на Вологодчине имеет давнюю культурную традицию: первые свидетельства о нем встречаются в документах XIII в. Климатические условия способствовали получению здесь льноволокна высокого качества. Географическое положение Вологодского края способствовало сбыту его за границу по р. Шексне – к Балтийскому и по р. Сухоне – к Белому морям, ср. волог. *сухонский лён* ‘лён, выращиваемый в Вологодской губернии’ (СРНГ 43: 19). Товарное льноводство особенно успешно развивалось в Вологодском, Кадниковском и Грязовецком уездах [Баранов 2004]. В настоящее время существует торговая марка «Вологодский лён»: производство и продажа вологодского текстиля активно продолжаются. Приведем отрывок из интервью с торговым представителем Гостиного двора в Москве. Контекст демонстрирует, что лён действительно ассоциируется с Вологдой и является ее идентификатором: – *Российские регионы у вас представлены? – Конечно. Алмазы Якутии и лён Вологды, янтарь из Калининградской области и многое другое* (НКРЯ). Конкуренцию вологодскому льну традиционно составляет *костромской лён*: *Из вологодского и костромского льна делают тончайшее полотно для детской одежды и нижнего белья*. Региональные разновидности льна не мешают и существованию культурного бренда *русский лён*, который представлен многочисленными магазинами «Русский лён» по всему миру.

Одежда

Отдельную группу составляют обозначения одежды, названные по месту изготовления. Для того чтобы выделить из них «брендовые» позиции, мы ориентировались на контексты, содержащие указания на особую ценность той или иной вещи, ср. волж. *устюжанка* ‘шляпа’ – *Бурлак покупает в Рыбинске, для щегольства устюжанку, низенькую поярковую шляпу с жёлтой тесьмой* (СРНГ 47: 126); кубан. *ленинградка* ‘трикотажная мужская рубашка с короткими рукавами и воротником’ – *Ленинградку не каждый мог купить* (КубГ: 143). Говоря о старых брендах, следует упомянуть прозвище жителей Красноборска, ср. арх. *кушачники*, жительницы которого прославились как ткачихи кушаков, полу-

чивших торговое обозначение *красноборские кушаки* (Дилакторский 2006: 226–227). Конкуренцию им составляли шерстяные *белослудские кушаки* (< с. Белая Слуда, Арх. обл.): *Удивительно хороши были белослудские кушаки. Почти аршинной ширины, они отличались тонкой выделкой так, что проходили через обручальное кольцо и ценились довольно высоко. В то же время они были прочными. Сроки годности гораздо больше, чем у фабричных. Кушаки скупались купцами на Красноборских ярмарках и вывозились в Вятскую, Нижегородскую, Пермскую, Енисейскую, Иркутскую губернии. Жительницы города Тотьмы славились вязанием чулок и носков, ср. прозвище тотьянок чулочницы* (Дилакторский 2006: 560).

Грибы

Любопытно существование такого локального микробренда, как *каргопольский рыжик*, – речь идет об особенном сорте грибов-рыжиков кирпичного цвета, которые встречаются на территории Каргополя, реже – в Архангельской области: *Каргопольский рыжик очень ценится, попадает редко у нас, больше в Каргополе* (КСГРС); *А гость, отведав рыжиков, помотал от удовольствия головой, придвинул тарелку к самому носу и набросился на каргопольское лесное диво. И после мясного, рыбного, медовых пряников да масляных колобов пошли у него без задержки в утробу и рыжики* (Богданов Е. Вьюга, 1972) (НКРЯ). Ср. еще арх. *питерский гриб* ‘белый’ – *Сейгод много дождей, так питерской гриб будет; питерской гриб – белый гриб, не знаю, почему так называется* (СРГК 4: 521); арх. *москóвский гриб* ‘боровик’ (КСГРС). Этот случай интересен тем, что оттопонимическое прилагательное в составе словосочетания лишено геолокационного компонента значения: *питерский* здесь понимается как *столичный* = *качественный, редкий, дорогой*⁵. Ср. еще волог. *груздь на всю Русь* ‘здоровый, сильный человек’ – *Всё хаханькал, а теперь уж какой задался груздь на всю Русь* (СГРС 4: 57).

Животные

Символом севернорусского животноводства следует признать знаменитую *холмогóрку*, породу крупного рогатого скота, выведенную в Холмогорах. Холмогорские коровы считались лучшими в России: они были крупными, устойчивыми к болезням и хорошо доились. Ср. литературный контекст: *«Да ведь корова-то холмогорка лучшей породы, – она всхлинула, – в день больше ведра молока давала, и такую корову на убой, на падаль!»* (Гагарин Е. Коровы («Юность»), 2002) (НКРЯ). С *холмогорками* сравниваются в народ-

ной речи *дородную, породистую, грудастую женщину*, ср. *как холмогóрская корóва* (БСНС: 290); *В отца вся вышла Марфа Ивановна – рослая, полная, как холмогорская тёлка* (Мамин-Сибиряк Д. Золотая ночь, 1884) (ССРЛЯ 17: 334).

Художественные промыслы

Кружево

Широко прославилось *вологодское кружево*. Приведем типичный контекст, в котором перечисляются «брендовые» товары купеческой лавки: *У Караваяева были собраны товары со всей страны – табаки из Феодосии, грузинские вина, астраханская икра, вологодские кружева, стеклянная мальцевская посуда, сарептская горчица и сарпинка из Иванова-Вознесенска* (Паустовский К. Книга о жизни. Далекие годы, 1946) (НКРЯ). *Вологодские кружева* попадают и в состав образного сравнения, что является показателем устойчивости словосочетания: *Деньги из деревянных стали ажурными, как вологодские кружева* (НКРЯ). Предполагают, что кружева попали в Вологду через Белое море, Северную Двину и Сухону вместе с товарами, завезенными из Западной Европы, примерно в XVI в. При Петре I мастериц кружевоплетения начали выпысывать в Россию из-за границы. К концу XVIII в. сформировались художественные особенности центров русского кружевоплетения: Галич, Ростов, Вологда, Балахна, Калязин, Торжок, Рязань. Во второй половине XIX в. кружевоплетение быстро распространилось в центральных уездах Вологодской губернии: в Грязовецком, Кадниковском и Вологодском. Готовая продукция через скупщиков попадала в Москву и Петербург. В столичных магазинах вологодские кружева высоко ценились. В 1920 г. была основана кустарно-промысловая секция Северсоюза и кружевниц объединили в артели. В 1876 г. вологодские кружева получили высокую оценку на международной выставке в Филадельфии. Высшая награда, Гран-При, была им присуждена на Парижской выставке в 1937 г. [Баранов 2004]. Сегодня центром кружевоплетения в Вологодской области является фирма «Снежинка», которая и поддерживает торговую марку «Вологодское кружево». Такое же название присвоено молочной продукции: *Пакет пастеризованного молока «Вологодское кружево»* (НКРЯ) – и поезду: *Мне предстояло сесть в скорый поезд «Вологодские кружева»* [там же]. Здесь же следует упомянуть довольно известный вид узора для вышивки *вологодское стекло* – *Выдернут ниточки вдоль и поперёк, вышьют узор простыми нитками и называют вологодское стекло; Вологодскими стёклами полотенца вышивали, а подзоры другим узором* (СГРС 2: 152).

Резьба по бересте

В деревнях, расположенных по берегам Шемоксы, притока Северной Двины, еще в XVIII в. крестьяне научились искусству сквозной прорези и тиснения по бересте. Высоким мастерством резьбы славилась шемогодская деревня Курово-Наволоок. Со временем этот вид мастерства превратился в промысел и стал называться *шемогодской резьбой*. В 1918 г. резчики из деревни Курово-Наволоок объединились в кооперативную артель (в 1935 переименована в артель «Художник»). В военные и послевоенные годы существовал цех резьбы при «Шемогодском мебельном комбинате». В 1964 г. производство сочли экономически невыгодным, обе артели прекратили работу, мастера были уволены. Потребовались большие усилия, чтобы *шемогодская резьба* была вновь восстановлена. Это произошло в 1967 г., когда при «Кузинском механическом заводе» был создан цех по изготовлению шкатулок, туесов и других изделий, украшенных прорезной берестой. После неудачных «новаций» 1950–1960-х гг. промысел вновь начал активно развиваться. В 1981 г. создается художественно-производственный комбинат «Великоустюжские узоры», продолжающий традиции ажурной берестяной вязи.

Роспись

Мезенский регион (низовья реки Мезени в Архангельской области) известен *мезенской росписью* по дереву. Она же называется *палащельская* – по деревне Палащелье Лешуконского района Архангельской области. Это довольно поздний тип росписи домашней утвари – прялок, ковшей, коробов и проч., сложившийся к концу XIX в. Изделия густо испещрены дробным узором – звездами, крестиками, черточками, выполненными в двух цветах: черном и красном. Основные мотивы геометрического орнамента – диски, ромбы, кресты. Среди рисунков – стилизованные схематичные изображения коней и оленей. Часто подобным образом расписывали деревянные прялки, которые назывались *мезехами*: *Рогатое мотовило, кросна – домашний ткацкий станок, расписная прялка-мезеха (с Мезени), трепала, всевозможные коробья и корзины, плетеные, из сосновой дранки, из бересты и корья, берестяные хлебницы, туеса, деревянные некрашенные чашки ...* (Барашков В. А как у вас говорят? 1986) (НКРЯ). К началу XX в. промысел практически угас, однако в середине 1960-х гг. *мезенская роспись* была возрождена потомками старых палащельских мастеров в деревне Палащелье и в селе Селище. Сейчас в Архангельске на экспериментальном предприятии «Беломорские узоры» выпускаются сувенирные изделия с современной

городской росписью, имитирующей традиционную крестьянскую *мезенскую роспись*.

К росписи так называемого *северодвинского* типа относятся *ракулская*, *пермогорская* и *уфтюжская*. Первая получила название от р. Ракулки (приток Северной Двины), вторая – по селу Пермогорье, третья связана с рекой Уфтюгой и селом Верхняя Уфтюга, в окрестностях которого процветал промысел. Все эти варианты росписи зародились на территории Красноборского района Архангельской области: *Красноборская земля – Родина самобытных крестьянских росписей Уфтюги, Пермогорья и Ракулки, уходящих корнями в XVIII век и рассказывающих о духовной культуре русского человека. Наибольший интерес представляют пермогорские прялки, уфтюжские туеса и белослудские кушаки, отличающиеся особой тонкостью плетения. Не менее известны онёжская (< р. Онега), пижемская (< р. Пижма, приток р. Печоры) и шенкурская (< г. Шенкурск) роспись по дереву. Один из наиболее ярких типов вологодской росписи по дереву – знаменитая «огненная» шекнинская золочёнка (< р. Шексна), которая «является одной из традиционных росписей Русского Севера. Она украшала крестьянские предметы быта и была распространена на небольшой территории – в южной части Шекнинского района Вологодской области. Местные жители называли роспись *золочёнкой*».*

Вологодская (усольская) финифть – традиционная роспись по белой эмали. Промысел возник в XVI в. в Сольвычегодске. Позже подобной финифтью стали заниматься и в Вологде. Изначально главным мотивом были растительные композиции, нанесенные красками на медную основу: цветочные орнаменты, птицы, звери, в том числе мифологические. Однако в начале XVIII в. стала популярна однотонная финифть (белая, синяя и зеленая). Только в 1970-е гг. XX в. началось возрождение «усольской» многоцветной финифти вологодскими художниками. Производство продолжается и сейчас. Приведем контекст, где встречается это словосочетание: *Появляется красочная хохломская деревянная посуда, «усольска финифть» с её яркими чистыми цветами эмали украшала посуду* (Еремеева С. Лекции по русскому искусству, 2000) (НКРЯ).

Глиняные изделия

В деревнях, которые находились на территории Каргопольского уезда (сегодня это Каргопольский район Архангельской области), древле занимались созданием гончарных предметов обихода. Из глиняных отходов создавали разные поделки – так появилась знаменитая *каргопольская игрушка*, которая представляет

собой фигурки в виде собак, медведей, сказочных героев и проч. Несмотря на такое широкое разнообразие форм, старинная глиняная игрушка не обладала яркой расцветкой, так как в качестве красок использовали мел, сажу и цветную глину. Современная вещица уже отличается более яркими оттенками. Красный, синий, зеленый, белый, черный цвета и охра являются самыми популярными оттенками для разрисовывания изделий. Эти цвета и элементы росписи: кресты, круги, кольца и растительные мотивы – ассоциируются с *каргопольской росписью* и *каргопольской вышивкой*. Приведем пример контекста, в котором *каргопольская игрушка* упоминается в ряду других игрушечных промыслов: *Больше тысячи экспонатов представляют двадцать игрушечных промыслов России: филимоновская игрушка из Тульской области, каргопольская из Архангельска, дымка из Кировской и многие другие* (Бурмистрова Т. Детский сад («Известия»), 2002), (НКРЯ).

Жители Куростровского селения, которое находится недалеко от Холмогор и где родился М. В. Ломоносов, занимались гончарным ремеслом, однако уже в XIX в. промысел пришел в упадок: от него сохранилась только поговорка: *горшки-то ведь не боги, а те же Курострѳва обваривают* (Грандильевский: 185).

Кованые и ювелирные изделия

Железоделательным и кузнечным ремеслом прославилась Улома, село в Череповецком районе Вологодской области, ср. *Улома железная, а люди каменные* ‘о тяжелой работе и выносливости кузнецов’ [СУЧГ: 89]. Более всего были знамениты *уломские гвозди*, которые *покупались нарасхват, до появления машинных гвоздей* [там же]. К началу XX в. промысел пришел в упадок, однако еще в первой половине XIX в. уломское ремесленное производство было способно на всероссийском рынке конкурировать с промышленной сталью: *«Уломский уклад (как называли у нас выплавленное железо) по-прежнему имел широкий спрос у кузнецов России. Да и в самой Уломе кузнечное дело процветало: за жителями Уломы прочно закрепилось прозвище уломские гвозди»* [Брагин 1995].

Ювелирными изделиями (в основном, черным серебром) прославился Великий Устюг: жителей Великоустюгского уезда прозвали *черносерѳбренники* (Дилакторский 2006: 555).

Архитектура

Возрожденным культурным символом Тотьмы (центр Тотемского района Вологодской области) следует считать знаменитые *тотемские картуши* – уникальные архитектурные элементы *тотемского барокко*, которыми украшены го-

родские храмы. Эти орнаменты были необычны для русской архитектуры XVIII в., и специалисты назвали их словом *картуши* (фр. *cartouche* ‘сверток’). *Тотемские картуши* отличаются от обычных (лепных, резных или рисованных). Они представляют собой внешний элемент убранства храмов – часть кладки стены, как правило, выступающую на треть кирпича и обрамленную валиком кирпичного набора. На внутренних полях картушей – звезды, цветы, трилистники, кресты и раковины. Предполагается, что эти барочные элементы были «завезены» в Тотьму купцами-мореходами, которые ходили в экспедиции за пушниной на Алеутские острова и осваивали Русскую Америку. Местные архитекторы творчески переосмыслили западноевропейские идеи, поэтому исследователи говорят об особом региональном *тотемском барокко*.

В настоящее время картуши являются своеобразной визитной карточкой тотемской архитектуры. В феврале 2017 г. в Вологде состоялась презентация издания альбома-путеводителя «По следам тотемского барокко». Приведем отрывок из интервью с директором Тотемского музейного объединения А. Новоселова: «Предыстория этого проекта – проходивший в 2013 году конкурс “Россия–10”, организованный Русским географическим обществом и телеканалом “Россия–1”. Одним из номинантов от Вологодской области были *тотемские картуши*. Конкурс имел большой общероссийский резонанс, но для нас настоящим открытием оказалось то, как тотмиичи сплотились вокруг этой идеи. Мы все поверили, что живем в уникальном городе, историей которого можем гордиться. В итоге *тотемские картуши* оказались самой популярной вологодской достопримечательностью, вышли в третий тур конкурса и заняли 20-е место среди 800 объектов со всей страны. Картуши – визитная карточка Тотьмы: эмблемы многих предприятий и учреждений города выполнены в стиле этих архитектурных орнаментов» [Гришина 2017].

Итоги

В настоящее время мы наблюдаем восстановление утраченных в водовороте истории региональных культурных символов, и этот процесс не остается незамеченным⁶. Поиск самобытности набирает силу не только в европейской части России, но и на отдаленных северных территориях, в частности, на Русском Севере. Довольно часто узнаваемыми брендами вновь становятся торговые марки (и, соответственно, – товары), исторически закрепленные за данным регионом (в маркетинге это называется ребрендинг), ср., например, *вологодское кружево*. Наряду с восстановлением ряда исторических брендов

(*мезёнская роспись, шемогóдская резьба*) наблюдается угасание некоторых из них (*уломские гвозди, карпогóрские пряники*). Существуют сильные макробренды, которые широко известны, например, *вологодское масло*, и узколокальные микробренды, популярные «на местах», ср. *була́новская капуста*.

Заметное место в конструировании брендов территорий занимают словосочетания с топонимическим компонентом, претендующие на роль фразеологических единиц, речевых фигур, наконец, культурных символов региона. Статус подобных единиц в системе языка оказывается достаточно зыбким: они не фиксируются ни диалектными, ни фразеологическими словарями.

Употребляясь в составе устойчивых словосочетаний, оттопонимические прилагательные часто выполняют функцию оценочной характеристики: они теряют свою географическую привязку и наделяются обобщенно-мелиоративными коннотациями (*вологодское масло* = качественное масло). Определения в словосочетаниях становятся идеализирующими эпитетами, приобретающая значение «самый лучший», при этом их топонимическая семантика хотя и присутствует, но отодвигается на второй план. Активизации семы «продукт высокого качества» способствуют типичные для таких конструкций рекламные контексты, в которых топонимическое определение обозначает лучший товар из предложенных «на рынке» и попадает в перечислительный ряд с другими предметами торговли. Кроме оценочной коннотации, в контекстах может проявляться сема «типично русский, национальный, «визитная карточка страны»».

Чаще всего на роль культурного символа претендует продукция конкретного региона или вид промысла, исторически закрепленного за конкретной местностью. Как правило, это населенные пункты, расположенные по берегам рек, служащих торговыми путями. Например, все варианты северодвинской росписи зародились на территории Красноборского района Архангельской области, где протекают 113 рек, в числе которых Северная Двина. Вообще следует сказать, что реки на Русском Севере играют очень важную роль, в том числе с точки зрения брендирования территории. Это проявляется и в том, что в создании «визиток» региона значительное место занимают названия рек⁷, ср. виды росписей: *ракульская, мезёнская, уфтюжская, сүхонский лён*.

Примечания

¹ Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/4.6 («Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регио-

нов по лингвистическим данным»), поддержанного Минобрнауки РФ.

² Собственно вологодским маслом стало называться с 30-х гг. XX в., подробнее см. далее.

³ Например, статья Н. В. Петрова [Петров 2018] посвящена брендированию территорий с использованием фольклорных образов, в частности, в рамках проекта «Сказочная карта России». Исследователь знакомит нас и с локальными брендами вроде Кикиморы вятской или Кошечья тверского.

⁴ Некоторые контексты взяты из публицистических и рекламных текстов, представленных в Интернете, – в статье они не атрибутируются.

⁵ Подробнее об этой модели см.: [Березович, Кривошапова 2004: 173].

⁶ В 2016 г. в Московской высшей школе социальных и экономических наук прошла международная конференция «Брендирование территорий: между маркетингом и фольклором», по следам которой в 2018 г. вышел сборник статей «Воображаемая территория: от локальной идентичности до бренда», посвященный, в частности, поиску локальной идентичности в фольклоре и массовой культуре.

⁷ Примечательно, что 19,9 % жителей города Сокол (Вологодская область), участвуя в одном из онлайн-опросов, выбрали в качестве символа своего населенного пункта реку Сухону (на первом же месте оказалось сокольское сгущенное молоко – 35,94 %).

Список источников

АОС – *Архангельский областной словарь* / под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980–. Вып. 1–.

БСНС – *Большой словарь русских народных сравнений* / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.

Грандильевский А. Н. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. СПб., 1907. 304 с.

Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Репр. изд.] СПб.: Диамант, 1996.

Даль ПРН – *Пословицы русского народа* // Сборник В. Даля: в 2 ч. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1879.

Дилакторский 2006 – *Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г.* / изд. подг. А. И. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006. 677 с.

КСГРС – картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

КубГ – *Кубанские* говоры: материалы к словарю / под. ред. О. Г. Борисовой. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005. 252 с.

Мгеладзе Д. С., Колесников Н. П. Слова топонимического происхождения (топонимы) в русском языке. Тбилиси, 1965. 126 с.

НКРЯ – *Национальный корпус русского языка*. URL: www.ruscorgpora.ru (дата обращения: 20.10.2019).

ООС – *Оренбургский областной словарь* / ред. Б. А. Моисеев. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010.

СГРС – *Словарь* говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. Т. 1–.

СлРЯ – *Словарь* русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. I–IV.

СНРР – *Словарь* народно-разговорной речи города Архангельска. Т. 1: Городское просторечие. Архангельск, 2013.

СРГК – *Словарь* русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994–2005.

СРГСиб – *Словарь* русских говоров Сибири: в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1999–2006.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965. Вып. 1–.

ССРЛЯ – *Словарь* современного русского литературного языка: в 17 т. / под. ред. А. А. Шахматова. М.; Л.: Наука, 1948–1965.

СУЧГ – *Герасимов М. К.* Словарь уездного череповецкого говора. СПб., 1910. 111 с.

Список литературы

Баранов С. Ю. Культура Вологодского края: рукоделия и ремесла. Вологда: ВИРО, 2004. 160 с.

Березович Е. Л., Кабакова Г. И. Россия и Франция: диалог языковых стереотипов // Антропологический форум. 2015. № 27. С. 9–69.

Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А. Образ Москвы в зеркале русского и иностранных языков. «География» Москвы // *Quaestio Rossica*. 2014. № 3. С. 159–183.

Брагин А. Е. На Шексне у заветного камня URL: <https://www.cpv.ru/modules/myhistory/item.php?itemid=82> (дата обращения: 20.10.2019).

Бурькин А. А. Курский соловей, арзамасские гуси, тамбовский волк (к истории региолектных идентифицирующих символов и идиоматики) // *Диалектная лексика*. 2016. С. 66–88.

Вологодское маслоделие: история развития / Г. В. Твердохлеб, В. О. Шемякин, Г. Ю. Сажин,

П. В. Никифоров. СПб.: СПбГУНиПТ, 2002. 245 с.

Гришина С. В мир тотемского барокко – с путешителем. URL: <http://cultinfo.ru/news/2017/2/in-the-world-of-totma-baroque-with-guide> (дата обращения: 20.10.2019).

Зайцев С. М. Тотемское барокко // *Русская Америка*. Вологда, 1994. № 1. С. 18–20.

Осинова К. В. Этнолингвистическое изучение народных традиций, связанных с пищей (на примере русских и инославянских культурно-языковых данных) // *Славянское языкознание: XVI Междунар. съезд славистов / Российская академия наук, Отделение историко-филологических наук, Национальный комитет славистов РФ*. 2018. С. 436–452.

Панкрухин А. П. Маркетинг территорий. СПб.: Питер, 2006. 416 с.

Петров Н. В. «Фольклорный брендинг» российских территорий // *Воображаемая территория: от локальной идентичности до бренда* / сост. М. В. Ахметова, Н. В. Петров; авт. предисл. Н. В. Петров, М. В. Ахметова, М. И. Байдуж. М.: Неолит, 2018. 224 с.

Похлебкин В. В. История водки. М.: Центрполиграф, 2005. 160 с.

Сюткина О. А., Сюткин П. П. Непридуманная история русских продуктов М.: АСТ, 2014. 432 с.

References

Baranov S. Yu. *Kul'tura Vologodskogo kraja: rukodeliya i remesla* [The culture of the Vologda region: needlework and crafts]. Vologda, VIRO Press, 2004, pp. 5–7. (In Russ.)

Berezovich E. L., Kabakova G. I. Rossiya i Frantsiya: dialog yazykovykh stereotipov [Russia and France: Dialogue of linguistic stereotypes]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2015, issue 27, pp. 9–69. (In Russ.)

Berezovich E. L., Krivoshchapova Yu. A. *Obraz Moskvyy v zerkale russkogo i inostrannykh yazykov. 'Geografiya' Moskvyy* [The image of Moscow in the mirror of the Russian and foreign languages. Moscow's 'Geography'], *Quaestio Rossica*, 2014, issue 3, pp. 159–183. (In Russ.)

Bragin A. E. *Na Sheksne u zavetnogo kamnya* [On Sheksna, by the sacred stone]. Available at: <https://www.cpv.ru/modules/myhistory/item.php?itemid=82> (accessed 20.10.2019). (In Russ.)

Burykin A. A. *Kurskiy solovey, arzamasskie gusi, tambovskiy volk (k istorii regiolektnykh identifikatsionnykh simvolov i idiomatiki)* [Kursk nightingale, Arzamas geese, Tambov wolf (to the history of regiolectal identifying symbols and idiomatics)]. *Dialektnaya leksika* [Dialectal vocabulary], 2016, pp. 66–88. (In Russ.)

Vologodskoe maslodeliye: istoriya razvitiya [Vologda butter manufacturing: the history of development: Monograph]. Ed. by G. V. Tverdokhleby, V. O. Shemyakin, G. Yu. Sazhinov, P. V. Nikiforov. St. Petersburg, Saint Petersburg State University of Refrigeration and Food Processing Technologies Press, 2002. 245 p. (In Russ.)

Grishina S. V mir totemskogo barokko – s putevoditelem [Into the world of Totma baroque – with a guidebook]. Available at: <http://cultinfo.ru/news/2017/2/in-the-world-of-totma-baroque-with-guide> (accessed 20.10.2019). (In Russ.)

Zaitsev S. M. Totemskoe barokko [Totma baroque]. *Russkaya Amerika* [Russian America], 1994, issue 1, pp. 18–20. (In Russ.)

Osipova K. V. Etnolingvisticheskoe izuchenie narodnykh traditsiy, svyazannykh s pishchey (na primere russkikh i inoslavnyanskikh kul'turnyazykovykh dannyykh) [Ethnolinguistic study of folk traditions related to food (based on the Russian and Slavic cultural and linguistic data)]. *Slavyanskoe yazykoznanie. XVI Mezhdunarodnyy s'ezd slavistov. Rossiyskaya akademiya nauk, Otdelenie istoriko-filologicheskikh nauk, Natsional'nyy komi-*

tet slavistov RF [Slavic linguistics. The 16th International Congress of Slavists. Russian Academy of Sciences, Department of Historical and Philological Studies, National Committee of Slavists of the Russian Federation]. 2018, pp. 436–452. (In Russ.)

Pankrukhin A. P. *Marketing territoriy* [Marketing of territories]. St. Petersburg, Piter Publ., 2006. 416 p. (In Russ.)

Petrov N. V. 'Fol'klorny breeding' rossiyskikh territoriy ['Folklore branding' of Russian territories]. *Voobrazhaemaya territoriya: ot lokal'noy identichnosti do brenda* [Imaginary territory: From local identity to a brand]. Comp. by M. V. Akhmetova, N. V. Petrov, preface by N. V. Petrov, M. V. Akhmetova, M. I. Bayduzh. Moscow, Neolit Publ., 2018. 224 p. (In Russ.)

Pokhlebin V. V. *Istoriya vodki* [The history of vodka]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2005. 160 p. (In Russ.)

Syutkina O. A., Syutkin P. P. *Nepridumannaya istoriya russkikh produktov* [A non-invented history of some Russian food items]. Moscow, AST Publ., 2014. 432 p. (In Russ.)

LINGUOCULTURAL IDENTIFYING SYMBOLS OF THE RUSSIAN NORTH

Julia A. Krivoshchapova

Associate Professor in the Department of Philology of the Specialized Education and Research Center Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

30, Danily Zvereva st., Ekaterinburg, 620137, Russian Federation. insekt@yandex.ru

SPIN-code: 2680-6403

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3096-708X>

ResearcherID: Q-3496-2018

Submitted 24.10.2019

The present article deals with the phenomenon of a linguocultural symbol of a territory as a form of representing a specific region. Geographically, the study focuses on the Northern territories of the European part of Russia called Russian North. The author examines idioms containing a toponymic component: *вологодское масло* (vologodskoe maslo) <Vologda butter>, *ракульская роспись* (rakul'skaya rospis') <Rakula painting>, *уломские гвозди* (ulomskie gvozdi) <Ulom nails>, etc.). It is highlighted that not all such units become 'an emblem' of a territory, but only frequent ones, in particular those which are 'significant' in terms of the meaning and image and are perceived by informants and locals as a 'trademark' of the region. Being used in idioms, toponymic adjectives can express judgement: they lose their geographical reference and get a general positive connotation (*вологодское масло* <vologodskoe maslo> Vologda butter = butter of good quality). It is noted that the same 'product of high quality' appears at the level of semantics, when the toponymic definition means 'the best goods from those available on the market'. The trademark of a region is often some local products or one of the trades characteristic of this specific region. Besides the macro-brands, which are widely known not only in Russia but also abroad (like *вологодское кружево* <vologodskoe kruzhevo> Vologda lace), there are micro-brands, which are only known to the locals (like *каргapol'sкий рыжик* <kargapol'skiy ryzhyk> saffron milk cap of Kargapolye). The article notes there is a tendency not only to the rebirth of linguocultural symbolism, based on the historical memory of the regions and their people, but also to the decay of a number of brands, connected with disappearance of some trades in the region (e. g. *белослудские кушаки* <belosludskie kushaki> sashes of Belosludskiy stan).

Key words: linguocultural symbol; regional trademark; Russian North; personal name; toponymic derivatives; motivation; semantics.

УДК 811.512.145

doi 10.17072/2073-6681-2019-4-33-44

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Наркиз Камилевич Муллагалиев

**к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений
Институт международных отношений**

Казанского (Приволжского) федерального университета

420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18. narkizmoullagaliev@mail.ru

SPIN-код: 1180-3642

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5988-3181>

ResearcherID: M-3052-2013

Ильдар Габдрашитович Ахметзянов

**к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений
Институт международных отношений**

Казанского (Приволжского) федерального университета

420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18. ildar-rashit@yandex.ru

SPIN-код: 1596-0724

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6353-3416>

ResearcherID: M-5591-2013

Альмира Кадыровна Гараева

**к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений
Институт международных отношений**

Казанского (Приволжского) федерального университета

420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18. almiragaraeva09@yandex.ru

SPIN-код: 4493-0111

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7540-1007>

ResearcherID: N-1751-2013

Статья поступила в редакцию 23.08.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Муллагалиев Н. К., Ахметзянов И. Г., Гараева А. К. Особенности выражения модальных значений в татарском языке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 33–44. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-33-44

Please cite this article in English as:

Mullagaliev N. K., Akhmetzyanov I. G., Garaeva A. K. Osobennosti vyrazheniya modal'nykh znacheniy v tatarskom yazyke [Peculiarities of Expressing Modality in the Tatar language]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 4, pp. 33–44. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-33-44 (In Russ.)

Статья представляет собой анализ процесса становления и развития учений о функционально-семантической категории модальности и модальных отношений в татарском языке. Модальность в татарском языке имеет весьма разветвленные формы, которые по-разному рассматриваются различными учеными. Ряд ученых описывают и раскрывают модальность как особую категорию языка, уделяя особое внимание отношению говорящего к высказыванию или затрагивая модальность в процессе изучения основных языковых явлений. В рамках исследования выделяются наиболее употребительные

тельные модальные элементы татарского языка, идет перечисление самых распространенных модальных конструкций, приводятся примеры их употребления в аутентичных художественных произведениях. В то же время можно заметить, что в татарском языке не все средства выражения модальности структурно обозначены, а существующие категории сведены к перечислению модальных слов и модальных фраз. Особенностью татарского языка является многочисленность лексических средств, так как в языке аналитические способы словообразования преобладают над синтетическими. Тем не менее в татарском языкознании существуют также просодические, грамматические, стилистические, фразеологические средства представления модальности. Из этого следует, что категория модальности в широком смысле всецело относится и к рассматриваемому языку. Новизна работы заключается в том, что она предлагает более глобальный взгляд на понятие «модальность», рассматривая данную категорию с точки зрения фонетики, морфологии, лексикологии и семантики, а также с учетом психологических факторов построения речи. Данный подход позволяет выходить за рамки привычных исследований в области модальности татарского языка, которые традиционно связаны с анализом слов и словосочетаний с модальным значением.

Ключевые слова: лингвистика; филология; модальность; лексикология; семантика; структура языка; художественный текст; татарский язык.

В настоящее время непрерывно идет процесс интеграции наций и народов, развивается международное сотрудничество и возникает естественная необходимость в знаниях культурно-нравственных, исторических, семейных ценностей взаимодействующих культур. Данная проблема актуальна и для татарского языка: современные реалии инициируют представителей, говорящих на татарском языке, к более масштабному изучению языка, с учетом не только грамматических и лексических, но и функционально-семантических составляющих. Изучение языка должно помочь выявлению культурно-нравственных и исторических особенностей его носителей через исследование речевых оборотов, морально-эстетических норм, элементов экспрессии, которые относятся к функционально-семантической категории модальности.

Процесс изучения вопроса модальности в тюркском языкознании развивается довольно своеобразно, так как до 50-х гг. XX в. в работах тюркологов и татароведов модальные слова или частицы не выделялись в отдельную категорию, а только рассматривались в составе других частей речи. Такой подход мы можем наблюдать в работах А. Казембека, А. Троянского, К. Насыри, И. Гиганова и др. [Мифтахова 1998: 29].

Одним из первых модальности предложения в целом и модальным словам в частности особое внимание уделяет Н. К. Дмитриев в своем труде «Грамматика башкирского языка», где он определяет модальные слова как «нечто среднее между отдельными словами и частицей». К модальным словам он относит:

- 1) *бар* – есть, имеется;
- 2) *юк* – нет, не имеется;
- 3) *түгел* – не есть;
- 4) *кирәк, тиеш* – надо, должно;
- 5) *икән* – кажется, оказывается;
- 6) *бугай* – должно быть.

Автор рассматривает модальные слова как переходный разряд, но не как самостоятельную часть речи [там же].

Появляются и другие исследования, которые являются предпосылкой к углубленному изучению вопроса модальности. В этом ряду ученых мы можем назвать А. Н. Кононова, Ф. Г. Исханова, А. А. Пальмбаха, С. Саидова, М. Р. Федотова, К. М. Мусаева, К. З. Ахмерова и др. В своих трудах они уделяют внимание возникновению и употреблению модальных слов в речи, дают определение модальных слов. Например, А. Н. Кононов называет модальные слова «отдельными словами, функционально соответствующими частицам, выражающим волеизлияние говорящего или отношение к действительности, к сообщениям о каких-либо фактах, устанавливаемых самим говорящим» [Кононов 1960: 60]. Вышеназванные ученые занимались изучением таких тюркских языков, как узбекский, турецкий, уйгурский, башкирский, и внесли большой вклад в развитие татарского языкознания, обозначив основные направления исследований в области модальности речи, модальных слов и частиц.

Модальность в татарском языке имеет очень разветвленные формы, которые по-разному рассматриваются исследователями. К изучению категории модальности обращались такие ученые, как В. Н. Хангильдин, М. З. Закиев, Ф. А. Ганиев, Д. Г. Гумашева, К. З. Зиннатуллина, Ф. С. Сафиуллина, М. А. Сагитов, З. М. Валиуллина, А. М. Ахунзянов, В. Н. Хисамова и мн. др. Некоторые из них описывают и раскрывают модальность как особую категорию языка, отдавая должное изучению выражения отношения говорящего к высказыванию, другие так или иначе затрагивают модальность в процессе изучения основных языковых явлений [Муллагалиев 2016].

Одним из первых в татарском языкознании акцентировал внимание на выражении категории

модальности в предложении В. Н. Хангильдин [Хангилдин 1959: 23]. Изучая слова и их типы, он выделяет три вида:

- 1) Мөстәкыйль сүз – самостоятельное слово;
- 2) Ярдәмлек сүз – вспомогательное слово;
- 3) Ымлык сүз – междометное слово или междометие.

В рамках изучения слов он утверждает, что «существуют основные или самостоятельные слова, которые несут в себе объективную истину, сообщают нам какую-либо информацию; далее идут вспомогательные слова и междометия, которые обозначают добавочное отношение к высказыванию или украшают его для более точного и легкого восприятия». По мнению ученого, полноценное предложение состоит из композиции или правильного использования трех категорий слов [там же]. Он также отмечает тот факт, что некоторые из слов могут переходить из одной категории в другую. Например, в одном предложении слово может выступать как самостоятельная единица, а в другом случае нести в себе добавочное значение. Для сравнения приведем два предложения: *Көн жылы булганлыктан ул өстенә киеп тә тормады. – Так как день был теплый, он ничего сверху не одел* (пример и перевод наш. – Н. М., И. А., А. Г.). *Соңга калу өстенә, ул әле укытучыга каршы да әйтергә өлгергән тормады. – Вдобавок к тому, что опоздал, он еще и учителю нагрубил* (пример и перевод наш. – Н. М., И. А., А. Г.). В первом случае «өстенә» – это «сверху» или «верхняя одежда», во втором – слово переходит в разряд вспомогательных слов и передается сочетанием «вдобавок к тому, что», которое несет в себе значение укора со стороны говорящего тому, кто опоздал и нагрубил. Таких примеров в татарском языке очень много, что указывает на неоднозначность данной категории в татарском языке. В. Н. Хангильдин хотя и отмечает, что отношение к высказываемому может проявляться по-разному, все же отдельно выделяет так называемые «слова, выражающие отношение» [там же], которые изначально, по своему основному смыслу несут в себе отношение говорящего к высказыванию, к реальности или к собеседнику. Это и не удивительно, так как таких модальных слов в татарском языке очень много, и они требуют отдельного рассмотрения. Среди модальных слов ученый называет такие, как «*башлыча, гүя, мәсәлән, хәер, бәс, ичмасам, ягъни, өстәвенә*» и т. д. Он не может отнести такого рода слова к названным ранее трем категориям слов: самостоятельные слова, вспомогательные слова и междометия. Он называет их новым течением для татарской грамматики и утверждает, что «изучением этих слов еще никто в татарской грамматике не зани-

мался» [там же]. Здесь он замечает также, что русские грамматисты определили эти слова в отдельную категорию, которую называли «модальные слова» [там же]. Ученый называет слова, относящиеся к данной категории, татарским термином «*мөнәсәбәтлек*», который на русский язык может быть переведен как «означающий отношение к чему-либо, несущий в себе дополнительный смысл». Данные слова он делит на восемь категорий.

1. Слова заключительные или подводящие итог (*йомгаклау яки нәтижә мөнәсәбәтлекләре*) – *бәс, димәк*, которые в основном располагаются в начале предложения и означают подведение итогов, заключение или выводы по тому или иному вопросу. *Димәк, Нурсәя – әжәлдән дару, яшәү, мәхәббәт символы...* (Хоснияр, 211). *Димәк, бу – үзбөз сайлаган язмы* (Хоснияр, 154). *Ул врач булып эшләгәч, димәк, мәңге фатир алалмаячак* (Хоснияр, 82).

2. Ограничительные слова (*чикләну мөнәсәбәтлекләре*) – *башлыча, ниһаять, ахры, ичмаса*, которые в предложении означают ограничение или высказывание следствия какого-либо процесса, происходившего в течение долгого времени, и говорящий видит целесообразность подведения итогов, высказав свое отношение. *Менә, ниһаять, бер күл янында туктаттылар да, «команда» булганчы ял итәргә куштылар* (Яруллин, 64). *Балакайлар аны аңладылар, ахры, озак кына кымианмый утырдылар* (Яруллин, 135).

3. Слова, выражающие сомнение со стороны говорящего (*шикләну мөнәсәбәтлекләре*) – *ахрысы, ахры* – или неуверенность в объективности высказываемой идеи. *Ахры мәңге оныта алмамын, Тамбов урманнары уртасында усак яфраклары шаулавын...* («Мокамай») (Такташ, 121). *Бәлки аның хәзер үк шиге бардыр. «Кызым» дип бик өзәлеп тормады бит. Аһ, барысына да үзем гаепле* (Яруллин, 258).

4. Слова, выражающие тождественность, схожесть (*охшашу-тиңләшү мөнәсәбәтлекләре*), – *гүя, янәсе*. Эти слова призваны требовать какого-либо доказательства высказывания и зачастую связывают предложение с каким-либо другим предложением. *Ул, гүя, минем кулларымда үлеп китәр өчен генә тырышып, аптекадан кайтканымны көткән иде* (Хоснияр, 92). *Хатынкызлар бәйрәме белән котларга дип чыксам, кухняда Заһидәбануым элгечләргә элгән бер дистә күлмәк тотып тора: үзең кирәкне сайла, янәсе* (Ахунов, 149).

5. Приписывающие слова (*япсару мөнәсәбәтлеге*) – *ди, дигән, диләр*, которые показывают, что автор кого-то цитирует и передает не свои мысли и идеи, а ранее услышанные. Таким обра-

зом говорящий восстанавливает в речи ранее услышанные факты из чужой речи. Зачастую это делается для придания речи большей уверенности и насыщения ее фактами. *Иртә уңмаган кич уңмас, кич уңмаган һич уңмас, диләр* (Мәһдиев, 149). *Сугыш, имеш, яңа елга бетәчәк, ди* (Мәһдиев, 152). *«Акыллы кеше – атын, ахмак үзен мактый, үтә дә ахмак хатынын мактый», – диләр халыкта* (Хоснияр, 152).

6. Слова, несущие в себе смысл утешения (тынычлану – юану мөнәсәбәтлеге), – *хәер*. Такого рода слова показывают стремление автора утешить себя, успокоить свою душу из-за какого-либо события или высказываемой им идеи. *Хәер, яраткан кешең белән бергә булу гөнаһ микән? Гөнаһ белән бозыклыкның чиге кайда? Уф!* (Яруллин, 371). *Андый көчкә ия булсам, мәңгелеккә үземә берәрсен сихерләп куяр идем әле, – диде Жәүһәр. – Хәер, сихерләп каратырдай егетләре бармыни соң?* (Яруллин, 267).

7. Слова, уточняющие и передающие основную идею (тәржемәләү мөнәсәбәтлеге), – *ягъни, димәк*. Они используются для дополнения ранее высказанной идеи, уточнения или выделения особых элементов в высказывании. *Хәер, хәзер пенсионерлар да оста язалар. Күбесе югары белемле. Тәмәкене күп тарта икән. Димәк, пенсионер әби дигән версия юкка чыга* (Яруллин, 167).

8. Слова, обозначающие доказательство (дәлилләү мөнәсәбәтлеге), – *мәсәлән*, которые, по мнению автора, используются часто для доказательства или дополнения фактами высказанной ранее идеи. *Мин, мәсәлән, 30 ел эшләп тә алалмадым, врачларга тиеш түгел, күрәсең* (Хоснияр, 82). *Мәсәлән, Влад Листьев үтерелгәч, аның дуствы Андрей Разбаиш тол хатын (үзезнең милләт кешесе) белән тора башлады* (Хоснияр, 107).

Таким образом, В. Н. Хангильдин одним из первых среди татарских ученых обратил внимание на слова, которые, будучи второстепенными, не неся основного смысла, активно выражали отношение говорящего к высказыванию. В «Грамматике татарского языка» ученый выделил их в особую группу слов, которые в тексте призваны выражать модальность предложения, нести модальную нагрузку высказывания. Данные слова, как отмечал В. Н. Хангильдин, в большинстве случаев встречаются в художественных произведениях.

На особые характеристики проявления категории модальности в татарском языке обращает внимание М. З. Закиев. Он обнаруживает более глубокий, системный и обновленный взгляд на вопрос модальности татарского предложения. Татарские лингвисты неохотно используют слово «модальность». Слово латинского происхож-

дения в татарском языкознании несколько уступает слову «мөнәсәбәтле», а в отдельных случаях – «тойгылы». Первое слово имеет перевод «модальное слово», так как действительно может быть переведено как «выражающее отношение», а вот слово «тойгылы» можно перевести как «эмоциональное, чувственное слово». М. З. Закиев пользуется обоими терминами, но когда он делит предложения по цели высказывания, то отдает предпочтение термину «тойгылы» – предложение, насыщенное мыслями, внутренним миром, взглядами на жизнь, с какими-либо оценочными характеристиками. М. З. Закиев одним из первых пишет о том, что все предложения, независимо от их функциональной или целевой направленности, несут в себе модальное значение в любом его проявлении: например, в предложении «Снег растаял» предикативное слово должно быть передано с изъяснительной интонацией. Иначе предложение потеряет весь свой смысл и перестанет выражать изъяснительное наклонение [Закиев 2002: 10].

Важно также отметить, что М. З. Закиев говорит о модальности только предложения. По его мнению, категория модальности имеет отношение только к предложению и ни к чему другому [там же]. При этом, всесторонне пользуясь словом «модальность», автор указывает на всевозможные пути его проявления в речи говорящего. (Вместе с тем он не связывает свой труд всецело с категорией модальности.) М. З. Закиев очень полно описывает все уровни языка, где может проявляться модальность: изучение интонации и его видов (идет рассмотрение ударений фразового, логического, модального), видов предложений по цели высказывания, при изучении глаголов (рассматриваются особые словосочетания глагола и имени существительного), при рассмотрении сказуемого как особого элемента. Модальность автор предполагает и при изучении обстоятельств и частиц (обращение и вводные слова).

Д. Г. Тумашева, обращаясь к вопросам морфологии татарского языка, считает правильным выделение модальных слов в отдельную языковую группу и признает их самостоятельными частями речи. Она говорит об объективности и субъективности модальных слов и делит их по данному параметру на две большие группы [Тумашева 1986: 276]:

- модальные слова, употребляемые в составе сказуемого и выражающие объективное отношение высказывающегося к действительности: *бар, юк, тиеш, кирәк, мөмкин, ярый, ихтимал, имеш, икән*;
- модальные слова, используемые в качестве вводных слов в предложении и выражающие субъективное отношение говорящего:

ахры, имеш, бугай, бэлки, шаять, ичмасам, албэттә.

Ф. Ю. Юсупов также признает модальные слова самостоятельной частью речи и отмечает, что они в основном употребляются для выражения отношения говорящего к действительности. Он распределяет их в две группы [Юсупов 2005: 12]:

- модальные слова в роли или в составе сказуемого: *бар, юк, мөмкин, икән, ярый, тиеш, инде, соң, кирәк* и т. д.;
- модальные слова в роли вводных слов: *албэттә, дәрәс, чынлап та, ичмасам, шаять, имеш* и т. д.

М. А. Сагитов, Р. Г. Сибагатов, М. В. Зайнуллин предлагают распределение модальных слов согласно их функциональной классификации, так как отмечают главную характеристику модальных слов – их вариативность и зависимость от контекста. Другими словами, модальные слова не могут быть однозначными и в разном контексте их следует понимать по-разному. Но между татарскими лингвистами возникают разногласия при идентификации некоторых слов: союз, или модальное слово, или частица (см.: [там же: 13]).

Эти исследования получают дальнейшее развитие в работах по татарской грамматике, морфологии, стилистике, всесторонне изучаются и углубляются Д. Г. Тумашевой, Ф. Ю. Юсуповым, Р. Г. Миннихметовым, В. Н. Хисамовой и др. Накопленный материал по изучению модальности как особой категории служит основой для дальнейших исследований в данном направлении: это статья И. Ф. Исламовой «Теоретические вопросы категории модальности» [Исламова 2011: 195]; работа Л. Б. Волковой «Сравнительная типология категории модальности немецкого и татарского языков» [Волкова 1988: 48]; статья Г. У. Калимуллиной «Выражение модальности в трансформированных эллиптических предложениях в татарском языке» [Калимуллина 2010: 120]; статья Р. Т. Гильфанова «Лексико-грамматические средства выражения модальности в неродственных языках (на материале немецкого и татарского языков)» [Гильфанов 2004: 140]. Некоторые ученые делают акцент на лексической стороне проявления категории модальности: например, Р. Г. Миннихметов в своем пособии «Модальные слова в татарском языке», детально рассматривает модальность татарских слов, сочетаний слов и выражений, приводя при этом многочисленные примеры [Миннихметов 1999: 84]. Несколько позже появилась еще одна интересная работа – «Глагольная система татарского и английского языков» В. Н. Хисамовой, где автор иллюстрирует примерами случаи употребления и перевода модальных элементов при сопоставительном изучении таких неродственных

языков, как татарский и английский [Хисамова 2004: 250]. Эти труды послужили основой для некоторых диссертационных работ по рассмотрению категории модальности в живом языке общения. Например, исследование Р. Р. Ахунзяновой «Эпистимическая модальность и средства ее выражения в английском и татарском языках» [Ахунзянова 2012]. Работы, посвященные категории модальности в татарском языке, свидетельствуют о четкой направленности к рассмотрению и углублению общих знаний путем детального разбора отдельно взятых, вычлененных вопросов, касающихся данной категории.

Следует отметить, что категория модальности очень многогранна в татарском языке. Не существует четкого разграничения модальных слов. Это вызвано тем, что взгляды татарских филологов сильно разнятся: одни признают универсальность категории модальности, другие говорят о модальности только тех предложений, в которых присутствуют модальные слова. Еще одним критерием признания категории модальности в татарском языке можно назвать его непосредственную привязанность к модальным словам. То же самое наблюдаем и в грамматике английского языка, но современные англоязычные лингвисты все больше говорят о различных уровнях проявления модальности. В то же время в татарском языке структурно обозначены не все средства выражения модальности, а существующие привязаны к распределению модальных слов и модальных фраз. Тем не менее просодические и грамматические средства представления модальности в татарском тексте существуют. Многочисленность лексических средств, скорее, является особенностью татарского языка. Из этого следует, что категория модальности всецело относится и к татарскому языку и проявляет себя как полноценная функционально-семантическая категория. Это, в свою очередь, предполагает широкое понимание модальности, которая охватывает просодические, лексическо-семантические, грамматические, стилистические и фразеологические элементы языка.

Исходя от говорящего лица, модальность о происходящем или происходившем выражает волеизлияние, желание, выражает сожаление и ставит условия. Категория модальности сообщает также о возможности или необходимости какого-либо действия [Хисамова 2015: 92]. Таким образом, категория модальности в татарском языке несет в себе практически все те же функциональные качества, что и категория модальности русского языка. Во многом совпадают и внешние проявления модальности в татарском и русском языках. Если изучать категорию модальности с точки зрения сопоставления русско-

го и татарского языков, то можно убедиться, что они имеют немало общих черт. Это вызвано рядом причин, основная из которых, несомненно, география распространения языка: носители татарского языка, как правило, жили по соседству с русскоязычным населением, вследствие чего переживали одни и те же чувства, о чем в дальнейшем будут свидетельствовать схожие элементы волеизъявления, выражения отношения к высказыванию и т. д. Например, когда кто-то не хочет что-либо говорить или выражать свое отношение к чему-либо, про него говорят: «*как будто в рот воды набрал*». Здесь, несомненно, выражается модальное отношение говорящего, которое базируется на сравнении момента речи с каким-либо жизненным обстоятельством, опытом из прошлой жизни. Задействована модальная частица «*будто*», которая обозначает схожесть или эквивалентность выполняемого в момент речи действия раннему опыту наблюдения. В татарском языке можно передать словами «*авызына су капкан сыман*», что в принципе является практически равноценным переводом русской фразы и не несет в себе какого-либо лишнего элемента, лишнего смысла. Выражается модальность теми же самыми путями, что и в русском языке: морфологически (аффиксом *-мыни*) и лексически (частицей или модальным словом «*сыман*»). Таких параллельных фраз в русском и татарском языках довольно много. Но прежде чем перейти к сопоставлению сложных языковых категорий, было бы правильно рассмотреть все формы и способы выражения модальности в татарском языке.

Анализируя процесс передачи модальности в татарском языке, следует отметить отношение говорящего к высказываемому, которое передается при помощи интонации. Это основной момент передачи идеи, переживаний автора высказывания своему собеседнику. *Булдырабыз бит дуслар!* (Мәһдиев, 527). При этом интонация может быть самостоятельной формой или же выражать модальность наряду с какими-либо другими средствами языка (например, лексическими или морфологическими). *Фронтоник семьясы азгына да мохтажлык, бик азгына да ятимлек сизмәскә тиеш!* (Мәһдиев, 584).

В татарском языкознании интонация занимает особое место. Она может быть выражена несколькими элементами или частями [Закиев 2002: 11].

1. Фраза басымы – фразовое ударение, ударение, которое связывает несколько слов или синтагм вместе, тем самым меняя смысл предложения. *Аңа укырга, укырга кирәк! Гәм ул укытучының сөйләгәннәрен йотылып тыңларга кереште* (Мәһдиев, 396).

2. Пауза – выделяет в предложении отдельные синтагмы или же сами предложения в целом тексте. Благоприятно влияет также на понимание текста, общего смысла и модальности высказываемого суждения. *Кичен чәчәк аткан булдың, Ә таңында... Ә таңында инде коелдың...* (Такташ, 133).

3. Логик басым – логическое ударение, служит для особого выделения того или иного слова в предложении или же целого предложения в тексте. В зависимости от логического ударения в предложении могут наблюдаться естественные перестроения его составных частей. Главным при этом в предложении остается то слово, на которое падает логическое ударение. Логическое ударение широко используется также для построения отрицательных и вопросительных предложений татарского языка. *Үзе матур, Үзе сөйкемле, Үзе усал, Үзе болай бер дә Усал түгел кебек шикелле...* (Такташ, 144).

4. Тойгы басымы – на русский язык можно перевести как «эмотивное ударение», т. е. целенаправленное выделение той или иной части предложения для создания более правильной атмосферы речи или же выделения какого-либо важного элемента высказывания. Обычно при эмотивном ударении слово в татарском языке удлиняется в силу того, что гласные (обычно первого или последнего слога) произносятся чуть дольше обычного. *Кабан, һай, Кабан! Нинди матур, сихри кул иде бит ул* (Ахунов, 133).

5. Сөйләм көе – один из особых показателей речи, который можно перевести как «мелодика речи». Неразрывно связан с паузой, логическим и эмотивным ударением и представляет собой конечный продукт их взаимного использования, но продукт более качественный, чем простое их сочетание. *Кичер мине, әти!.. Сора минем өчен халыктан!..* (Гобәй, 506).

В зависимости от типа интонация в татарском языке может быть полной, восходящей, нисходящей и смешанной. В зависимости от мелодики мы можем различать изъявительную, противительную, интонацию счета и ожидания.

Следующим и не менее важным способом выражения отношения или модальности в татарском предложении являются модальные слова. О них говорил В. Н. Хангильдин в упомянутом труде «Грамматика татарского языка» и выделил несколько групп модальных слов [Хисамова 1993: 302]. Далее рассмотрим расширенные и детальные подходы современных ученых. Они все построены на научных взглядах теоретиков татарской грамматики, но отличаются подробным анализом и многочисленными примерами. Так, в работе Р. Г. Миннихметова мы видим несколько примеров деления модальных слов на

различные классы в зависимости от их семантических качеств, т. е. функции в предложении или живой речи говорящего, в зависимости от происхождения, структурной характеристики модальных слов и т. д. Опираясь на ранние труды А. Н. Кононова, Н. Е. Петрова, М. З. Закиева, автор выделяет несколько аналитических групп модальных слов [Миннихметов 1999: 25].

1. Модальные слова и словосочетания, выражающие утверждение или отрицание: *эйе* – да, *бар* – есть, имеется, *юк* – нет, не имеется, *шулай* – так, *шул-шул* – именно так, *әһә* – да. При этом отмечается, что ранее данные слова относились к другим частям речи. Например, «*юк, бар*» ранее были классифицированы как глаголы, а теперь их правильнее было бы отнести к разряду модальных слов. В зависимости от контекста или ситуации употребления модальные слова данного класса могут выражать различные степени и формы отношений: отрицание, возражение, согласие, несогласие или неспособность лица к какому-либо действию и т. д. Иногда модальные слова могут выступать как полноценные предложения.

2. Модальные слова, выражающие проблематическую достоверность, которые обозначают различную степень вероятности, сомнения, неуверенности, предположения, допущения. Сюда можно отнести такие слова: *ихтимал* – возможно, вероятно; *мөгаен* – наверное, пожалуй, возможно, может быть; *шаять (шәт)* – возможно, пожалуй, наверно; *бугай* – кажется, вроде; *күрәсең (күрәмсең)* – видимо, очевидно; *булса кирәк, булырга кирәк* – может быть, должно быть, по-видимому, кажется; *башлыча* – главным образом, по большей части. Сюда же можно отнести такие единицы (последологи), как *кебек* – как будто; *сыман, сымак* – как будто, кажется; *шикелле* – как, вроде; *төсле* – как будто, кажется.

Данные модальные слова очень широко употребляются в татарском языке и охватывают практически всю ткань речи.

Р. Г. Миннихметов, учитывая существующие труды в данном направлении, предложил самую расширенную классификацию модальных слов и сочетаний татарского языка. При этом он обнаружил несколько подходов к классификации: по функции модальных слов, по структуре и по значению [там же: 84]. Наиболее полной и основательной можно признать его классификацию, в которой он опирается на различные оттенки проявления категории модальности. Автор выделяет следующие типы модальных слов и сочетаний.

1. Модальные слова, выражающие утверждение и отрицание: *эйе, эйедер, эйеме, эйе инде, бар, бардыр, бармы, бар инде, юк, юктыр, юкмы,*

юк инде, юк түгел, шулай, шулайдыр, шулаймы, шулай инде, шул-шул, әһә, мөмкин, мөмкиндер, мөмкинме, мөмкин түгел, кирәк, кирәктер, кирәкме, кирәк түгел. Юк, улым, – ди әнкәсе, – болай гына ачтым... (Яруллин, 180). *Әйе, минем кебекләр юктыр. Үз әти-әнисе өеннән куган кызлар күп булмас* (Яруллин, 343).

2. Модальные слова, выражающие проблематическую достоверность: *балки, шаять, бугай, имеш, ихтимал, ахрысы, балки, мөгаен, янәсе, икән, күрәсең, булса кирәк, сыман, кебек, төсле, әйтерсең, гүя. Без, балки, күрешә алмабыз; без, балки, мәңгегә аерылганбыздыр...* (Ибраһимов, 499). *Ул мине һөҗүмнән курка дип уйлаган, ахры, - аяк басуын йомшарта төшеп, яныма ук килде дә, мөмкин кадәр йомшак, ихлас чыгарырга тырышылган бер тавыш белән сүз башлап...* (Ибраһимов, 200).

3. Модальные слова, выражающие категорическую достоверность: *әлбәттә, билгеле, дөрес, чыннан да, чынлап та, һичшиксез, баксаң-торсаң, һичсүзсез, хак, рас, баксаң, асылда, гадәттә, табигый, дөресе, нигездә. Ул бит мужик малае түгел – ул мәхмүд, ул шәкерт. Аңа андый азгыннар жыенына бару, әлбәттә, әлбәттә, килешми* (Ибраһимов, 277). *Юк, ихтимал гына түгел, булчак та. Шөбһәсез булчак...* (Ибраһимов, 245). *Шөбһә юк, аның аты барын да узачак, шул сылу кара айгыр һәм аның иясе быел бөтен тирә якларга дан чәчеп, барын да аста калдырчак!* (Ибраһимов, 252).

4. Модальные слова, выражающие значения долженствования и необходимости: *кирәк, тиеш, зарур, зарури, лазем, фарыз, мөмкин, имеш, ихтимал. Боларның бере дә яңа түгел, шуңа күрә берсе дә аңарда хәйрат тудырмаска тиеш иде...* (Ибраһимов, 434). *Аннары, билгеле, тимер көрәк, сәнәк һәм башкалар кирәк. Аларын инде болай да беләсез булыр* (Фәттах, 343).

5. Модальные слова, выражающие значение возможности и невозможности: *мөмкин, ярый, мөмкин лә, мөмкин ләбаса, мөмкин бугай, ахры, күрәсең, мөмкин түгел, ярамый. Моннан күчәсе иде, күчәсе иде! – дип уйлана, аз гына кәефсезләнгән саен: – ...Жан бирәм, күрәсең, инде, ходаем, – дип авыр кайгыга төшә иде. Яшен аны коткарды* (Гобәй, 159). *Иген сугылса, атасы да бирер, анасы да актык бер тиеннәрен аямас иде. Болар белән генә җитмәсә, өсәктән арткы юл белән кибетчегә илткәләргә дә булыр иде. Ә хәзер берсе дә мөмкин түгел: сукмаган көлтәне сатып булмый; келәткә керсәң, өсәкләрдә тычкан башы ярылыр* (Гобәй, 402).

6. Модальные слова и словосочетания, выражающие квалификацию отношения содержания какого-нибудь отрезка речи к общей последовательности мысли: *гомумән, кыскасы, ни-*

һаять, мәсәләң, ягъни, алайса, диген, болай, ахыр килеп, азак килеп, соң килеп, инде килеп, хәер, югыйсә, житмәсә, ичмасам, һич булмаса, булмаса, димәк, беренчедән, икенчедән, өченчедән, монысы бер, монысы ике, әйттик, аның каравы, тузга язмаганны, килешмәгәнне, булмаганны, һич югы, юкны, ни пычагыма. Ихсан һаман үзенекен тукый. **Ичмасам**, башкалар кебек акырып кереп әтисенә әләкләсен иде (Яруллин, 205). **Беренчедән**, берничә көн инде бензин булмады, **икенчедән**, бүген шимбә көн: бакча-чылар үз бакчаларына машиналарында элдертә (Яруллин, 211). **Атаң өчен бер тамчы да калдырмагач, ни пычагыма кирәк син!** (Фәттах, 94).

7. Модальные слова, выражающие внезапность припоминания, догадки, присоединения по ассоциации: *әйткәндәй, дигәннән, димәктән, әйтәм аны, әйтәм әжирле, әйтәм, минәйтәм, кем әйтмешли, тиле кеше әйтмешли. Ни гәжәп, мин артык карышмадым. Күңелемдә аңлатып бирмәслек каршылыклы уйлар туды* (Яруллин, 347). **Димәк, сөяргәсә?** – диде ул үз-үзенә, мондый нәрсәгә һич тә ышанасы килмичә. **Димәк, чыңга чыкты, моңа кадәр колакка чалынгалап калган төрле имеш-мишешләр дә, бүген көндөз кибеттәге очрашудан соң туган сизенүләр дә – барысы да чыңга чыкты?** (Фәттах, 326).

8. Модальные слова, выражающие высказывание, приписанное говорящим другому лицу: *имеш, янәсе, ди, диләр, диген. Сине ул өңә дә китереп куй, алып та китә. Ә ул белми, имеш* (Яруллин, 221). **Пәйгамбәр!** – диде Илгиз, үзенә-үзе каршы килеп. – **Нинди пәйгамбәр булсын ул. Ислам-иблис диген!** (Фәттах, 80).

9. Модальные слова и словосочетания, применяемые для привлечения внимания, обращения или побуждения. Они представляют собой призыв, просьбу или желание: *зинһар, гафу, гафу ит, гафу итегез, рәхим ит, рәхим итегез, беләсеңме, беләсезме, аңлыйсыңмы, аңлайсызмы, кара, карагыз, күр, күрегез, берүк, куй, кугыз, житте, житәр, карале, әйдәле, я. Йә, ярый, кабат очрашканга кадәр. Ә бусын әниңә бирерсең* (Яруллин, 219). **Гафу, гөлкәем, – диде Альфред, кинәт юашилань.** – **Мондый матурлыктан башым әйләнеп китте** (Яруллин, 329). **Зинһар, кызым, үзеңне тыныч тотарга тырыш** (Тукай, 243).

10. Модальные слова и сочетания, выражающие эмоциональное отношение к действительности: *бәхеткә каршы, бәхеткә күрә, бәхеткә, кызганычка каршы, кызганыч, кызганычка, миңа дисә, миңа димәгәе, кирәгем исә, ачуым килмәгәе, гәжәпкә каршы, гәжәпкә, бәхетсезлеккә каршы, бигайбә, агай, кодагый, абзый, малай, туган, апаем. Минемчә, иптәшләр... ике тәгъдим булды... – диде ул, авыз эчендә ботка кайнатып*

(Фәттах, 166). **Кесәсеннән, үч иткәндәй, баягы кебектагын гел иллелекләр генә чыкты** (Фәттах, 14). **Карале, Барый туган, баш белән уйлап караганда...** – диде Галимулла, бригадирга якынарак килеп (Фәттах, 340).

Пространство модальных слов татарского языка представляет собой различные структуры, которые могут быть образованы совершенно разными способами. По классификации современных ученых, занимающихся изучением проявления категории модальности в татарском языке, модальные слова могут быть представлены такими частями речи:

- имена существительные: *ихтимал, шайтан, пычагым, раббым* и т. д.;
- глаголы: *курәсең, әйтәм, куй, кугыз, язмаганны, булмаса* и т. д.;
- имена числительные: *бердән, икенчедән, өченчедән* и т. д.;
- местоимения: *миңа, аннан* и т. д.;
- имена прилагательные: *дәрес, билгеле* и т. д.;
- наречия: *һичшиксез, һичсүзсез, шөбһәсез* и т. д.;
- послелогии: *кебек, шикелле, сыман, төсле, бәлки* и т. д. [Сафиуллина 1999: 52].

Изучая татарский язык, его проявления в различных жизненных ситуациях, исследователи отмечают тот факт, что слова в татарском языке могут переходить из нейтрального разряда в разряд экспрессии или же, другими словами, могут стать модальными [там же: 117]. Данный факт отмечали и татарские поэты. Г. Тукай в своих сочинениях также говорил о том, что слова в зависимости от контекста, от факта употребления могут представлять широкий круг различных смысловых красок (Тукай, 177).

Ф. С. Сафиуллина при анализе категории модальности внутри контекста рассматривает различные оттенки синонимического ряда слова «киреләнү», которое может быть переведено как «сопротивление», «нежелание выполнять что-либо» и т. д. В основном глагол употребляется по отношению к детям, которые «отказываются что-либо выполнять». Используя же в тексте синонимы данного слова «үжәтләнү, чыгымчылау, үзсүзләнү, кәжәләнү», мы лишь меняем модальный окрас предложения. При этом само объективное значение глагола не меняется. Например, «үжәтләнү» – это тоже отказ, но в татарском языке в зависимости от контекста употребляется в позитивном значении (имеет значение «не сдаваться, достигать цели, преодолевая трудности»). Точный смысл можно понять лишь в предложении, т. е. в контексте: *«Һаман яманлап торуларына карамастан, ул тагы да үжәтләнәбрәк эшләде, алга барудан туктамады. – Несмотря*

на то, что все пытались выставить его в нехорошем свете, он не сдавался, наоборот, твердо стоял на своем, двигался дальше (пример и перевод наш. – Н. М., И. А., А. Г.). Здесь татарское слово «үжәтләнебрәк» переводится как «не сдаваться», т. е. «настоять на своем», и раскрывает личность, о которой говорится в предложении. Следующий синоним, «кәжәләнү», больше просторечный и обозначает «бессмысленное сопротивление», «сопротивление или отказ, ничем не обоснованный». Әнисе нәрсә генә әйттеп карамады, ә кыз бала тик кәжәләнә бирде, бер сүзен генә дә тыңламады. – Все усилия матери успокоить дочь были тщетны, она ничего не хотела слышать и продолжала хныкать (пример и перевод наш. – Н. М., И. А., А. Г.). Здесь мы для перевода употребили слово «хныкать» вместо татарского «кәжәләнү», так как маленькие дети, которые не слушаются или сопротивляются, обычно «хнычут» и противятся. Иногда, чтобы передать полный смысл модально окрашенных слов татарского текста в русском языке, нам необходимо описать слово, подбирая самые близкие по значению эквиваленты.

Порой даже замена слов в татарском предложении ведет к появлению модального значения всего отрывка. Это хорошо описывает Ф. С. Сафиуллина на основе материала, приведенного С. М. Ибрагимовым в буклете «Газета теле» («Язык газеты»). Автор газетной статьи при попытке написать интересный и юмористический текст описания деятельности проверяющего из района заранее подменяет привычные нам слова странными синонимами. Например, вместо слова «котлета» пишет «мясное изделие», вместо слова «лошадь» – «сила тяги» и т. д., тем самым добиваясь модальности всего отрывка. Автор пишет: Агымдагы жәйнәң гадәттәге бер иртәсе иде. Сәхипжамал ана үзенең мул һәм югары сыйфатлы сәт бирә торган мөгезле эре терлеген саварга да өлгөрмәгән иде эле, Галәү агай жигелмә инвентарьга жирән йонлы тарту көчен жигеп, астына тупас терлек азыгы белән яшел масса салып, халык яшәү пунктына чыгып китте. Вакытны тыгызлау максатларында, ул жигелмә инвентарьның тәгәрмәчләренә майлау материалы да сөртеп тормады.

Безнең юлчы, район үзәгенә килеп туктау белән, тарту көчен дәвалау учреждениесе янына бәйләп куйды да үзәнә йөкләнгән эшләргә тиз рәвештә үти башлады. Башта ул сәүдә чөтәренә кереп чыкты. Аннан соң культура-агарту йортына барды. Соңгысында үзешчән түгәрәк эгзаларының чираттагы репетициясе жәелдерелгән иде. Өстенә тегелгән киём кигән, эшләп һәм галстуктагы бер үзешчән мәдирнең ниндидер киңәшмәдә икәннән астына сызып

әйткәч, Галәү агай, тоткарлыксыз, бу объектны калдырып чыгып китте. Ул башка бик күп аппаратларда, әллә нинди точкаларда булды... Эш арасында гына район капкалап алу пунктына кереп, өч йөз грамм он изделиесе белән бер порция ит изделиесе, ике данә яшелчә, өч данә фрукт ашап алды. Азактан бер бутылка алкогольсез эчемлек эчте [Сафиуллина 1999: 122].

Простые слова заменены простыми сочетаниями, которые в обычном контексте ничего собой не представляют. Однако, будучи в одной логической цепи, создают юмористический отрывок, модально окрашенный текст.

В татарском языкознании известно широкое употребление слов в переносном значении. Например, слово «сузу» можно перевести как «бить, избивать, ударять». Это слово описывает также ситуацию, когда кто-либо что-то быстро съедает. Например: Сугып кына кара миңа, күрмәгәнне күрсәтәм мин синең! – Только попробуй меня ударить, я тебе покажу! (пример и перевод наш. – Н. М., И. А., А. Г.) Здесь значение прямое, а вот другое предложение с тем же словом: Суга гына бу кыз бала йөзем жимешен, чәйнәп тә өлгөрә алмый кала бит. – Ну и уплетает эта девочка изюм, аж не успевает прожевывать (пример и перевод наш. – Н. М., И. А., А. Г.). Слово «сузу» в русском языке передается словом «уплетать».

Особую роль в формировании модальности татарской речи играет целенаправленное сравнение людей с различными животными по поведению или внешнему виду. При этом высмеиваются какие-либо черты человека либо указываются какие-либо уникальные стороны предмета речи. Бигрәк елан инде үзең, бер дә кешең яхшылык булсын димисең. – Ну и змея же ты, однако, нет чтоб человеку добра пожелать (пример и перевод наш. – Н. М., И. А., А. Г.). Кырмыска белән бер бу малай, һич тик тора белми. – Этот малый прям как муравей, никак на месте не устоит (пример и перевод наш. – Н. М., И. А., А. Г.).

Модальность в татарском языкознании в основном изучалась как лексико-грамматическая категория. Тем не менее современные реалии требуют более широкого подхода к языковой категории модальности, так как модальность охватывает практически все слои языка и выходит на уровень функционально-семантической категории. В татарском языке можно выделить просодические (указывающие на интонационную составляющую: ритм, тембр, повышение, понижение голоса, восклицание, а также фразовое ударение, пауза, эмотивное ударение, логическое ударение, мелодика речи), лексическо-семантические (ряд слов с модальным значением, которые в татарском языке распределены в много-

численные подгруппы и насчитывают основной пласт модальности), грамматические (ряд грамматических структур: формы утвердительных и отрицательных предложений, сослагательное наклонение и другие), стилистические (стилистические средства языка, относящиеся к эмоционально-оценочной модальности) и фразеологические (фразеологические обороты) средства выражения модальности. Вместе с тем необходимо отметить, что языковая категория модальности в татарском языкознании часто рассматривается в рамках общих лингвистических исследований. Что касается теоретической литературы, раскрывающей модальность в широком понимании, то ее крайне мало, что указывает на необходимость проведения более масштабных исследований в данном направлении с использованием при этом более современных сравнительно-сопоставительных и прикладных подходов в анализе языковых единиц.

Список источников

Ахуннов Г. Акча күктән яумый: повестьлар, хикәяләр, очерклар, сәнгать парчалары. Казан: Татар. китап. нәшр., 1993. 288 б.

Гобәй Г. Сайланма әсәрләр. Казан: Татгосиздат, 1950. 614 б.

Ибраһимов Г. Сайланма әсәрләр: өч томда. Казан: Таткнигоиздат, 1957. 499 б.

Мәһдиев М. Без – 41 нче ел балалары, Кеше китә – жыры кала: повестлар, истәлекләр, хатлар. Казан: Татар китабы, 1996. 288 б.

Такташ Ы. Сайланма әсәрләр. Казан: Татарстан Республикасы “Хәтер” нәшрияты, 2006. 382 б.

Тукай Г. Әсәрләр. Казан, 1985. Т. 4. 177 б.

Фәттах Н. Сайланма әсәрләр: 5 томда. Казан: Татар китап нәшр., 2002. Т. 2. 431 б.

Хоснияр З. Мин сине ничек яраттым. Казан: “Ак Барс нәшрият йорты” ЖЧЖ, 2004. 288 б.

Яруллин Ф. Сайланма әсәрләр, III томда: повестлар, кереш сүз. Казан: Тат. дәүләт “Мирас” кит. нәшр., 1994. 616 б.

Яруллин Ф. Сайланма әсәрләр: 5 т. Казан: Татар китап нәшр., 2004. 478 б.

Список литературы

Ахунзянова Р. Р. Эпистемическая модальность и средства ее выражения в английском и татарском языках: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 214 с.

Волкова Л. Б. Сравнительная типология категории модальности немецкого и татарского языков. Казань: КГПИ, 1988. 40 с.

Гильфанов Р. Т. Лексико-грамматические средства выражения модальности в неродственных языках (на материале немецкого и татарского

языков) // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казанского ун-та: труды и материалы. Казань, 2004. С. 140–141.

Закиев М. З. Хәзерге татар әдәби теле. Казан: Татар китап нәшрияте, 2002. 336 б.

Исламова И. Ф. Теоретические вопросы категории модальности // Научный Татарстан. 2011. №4. Гуманитарные науки. С. 195–198.

Калимуллина Г. У. Выражение модальности в трансформированных эллиптических предложениях в татарском языке // Татарская культура в контексте европейской цивилизации: материалы междунар. науч. конф. Казань, 2010. С. 120–122.

Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 446 с.

Миннихметов Р. Г. Модальные слова в татарском языке: учеб. пособие. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 1999. 84 с.

Мифтахова И. Г. Развитие грамматической теории в татарском языкознании. Самостоятельные части речи (по татарским грамматикам XIX–XX вв.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1998. 29 с.

Муллагалиев Н. К. Модальность художественного текста (на материале английского и татарского языков): дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2016. 199 с.

Сафиуллина Ф. С. Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология (югары уку йортлары студентлары өчен). Казан: Хәтер нәшрияте, 1999. 52 б.

Тумашева Д. Г. Татарский глагол: опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. 189 с.

Хангилдин В. Н. Татар теле грамматикасы (морфология һәм синтаксис). Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1959. 641 б.

Хисамова В. Н. Глагольная система татарского и английского языков: сопоставительный анализ в аспекте изучения английского языка на базе родного (татарского) языка. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 250 с.

Хисамова В. Н. Проблемы истории татарского языка по англоязычным (и частично немецкоязычным) источникам: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1993. 24 с.

Юсупов Р. А. Соотношение разноструктурных языков и вопросы перевода: на материале русского и татарского языков: учеб. пособие для студ. филол. ф-тов. Казань: КГПУ, 2005. 225 с.

References

Akhunzyanova R. R. *Epistemicheskaya modal'nost' i sredstva ee vyrazheniya v angliyskom i tatarском yazykakh*. Diss. kand. filol. nauk [Epistemic

modality and the means of expressing it in English and Tatar. Cand. philol. sci. diss.]. Kazan, 2012. 214 p. (In Russ.)

Volkova L. B. *Sravnitel'naya tipologiya kategorii modal'nosti nemetskogo i tatarskogo yazykov* [Comparative typology for categories of modality in German and Tatar]. Kazan, Kazan State Pedagogical Institute Press, 1988. 40 p. (In Russ.)

Gil'fanov R. T. *Leksiko-grammaticheskie sredstva vyrazheniya modal'nosti v nerodstvennykh yazykakh (na materiale nemetskogo i tatarskogo yazykov)* [Lexical and grammatical means of expressing modality in non-related languages (a case study of German and Tatar)]. *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: sostoyanie i perspektivy: Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 200-letiyu Kazanskogo un-ta: trudy i materialy* [Russian and comparative philology: status and prospects: Int. sci. conf. dedicated to the 200-anniversary of Kazan University: Proceedings.]. Kazan, 2004, pp. 140–141. (In Russ.)

Zakiev M. Z. *Khazerge tatar adabi tele* [Modern literary Tatar]. Kazan, Tatar kitap neshriyate Publ., 2002. 336 p. (In Tatar)

Islamova I. F. *Teoreticheskie voprosy kategorii modal'nosti* [Theoretical issues of the category of modality]. *Nauchnyy Tatarstan. Gumanit. nauki* [Scientific Tatarstan. Humanities], 2011, issue 4, pp. 195–198. (In Russ.)

Kalimullina G. U. *Vyrazhenie modal'nosti v transformirovannykh ellipticheskikh predlozheniyakh v tatarskom yazyke* [Expressing modality in transformed elliptical sentences in the Tatar language]. *Tatarskaya kul'tura v kontekste evropeyskoy tsivilizatsii: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Tatar culture in the context of European civilization: Proc. of Int. sci. conf.]. Kazan, 2010, pp. 120–122. (In Russ.)

Kononov A. N. *Grammatika sovremennogo uzbekskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of modern literary Uzbek]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960. 446 p. (In Russ.)

Minniakhmetov R. G. *Modal'nye slova v tatarskom yazyke: uchebnoe posobie* [Modal words in the Tatar language: course book]. Ufa, Bashkortostan State University Press, 1999. 84 p. (In Russ.)

Miftakhova I. G. *Razvitie grammaticheskoy teorii v tatarskom yazykoznanii. Samostoyatel'nye chasti rechi (po tatarskim grammatikam 19–20 vv.)*.

Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Development of grammar theory in Tatar linguistics (a case study of Tatar grammar of the 19th–20th centuries). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Kazan, 1998. 29 p. (In Russ.)

Mullagaliev N. K. *Modal'nost' khudozhestvennogo teksta (na materiale angliyskogo i tatarskogo yazykov)*. Diss. kand. filol. nauk. [Fiction text modality (a case study of English and Tatar). Cand. philol. sci. diss.]. Kazan, 2016. 199 p. (In Russ.)

Safiullina F. S. *Khazerge tatar adabi tele. Leksikologiya (yugary uku yortlary studentlary ochen)* [Modern literary Tatar. Lexicology (for Higher Education)]. Kazan, Khæter næshriyate Publ., 1999. 52 p. (In Tatar)

Tumasheva D. G. *Tatarskiy glagol: opyt funktsional'no-semanticheskogo issledovaniya grammaticheskikh kategoriy* [Tatar verb: experience of functional and semantic research on grammar categories]. Kazan, Kazan State University Press, 1986. 189 p. (In Russ.)

Khangildin V. N. *Tatar tele grammatikasy (morfologiya hem sintaksis)* [Tatar grammar (morphology and syntax)]. Kazan, Tatarstan kitap neshriyati Publ., 1959. 641 p. (In Tatar)

Khisamova V. N. *Glagol'naya sistema tatarskogo i angliyskogo yazykov: sopostavitel'nyy analiz v aspekte izucheniya angliyskogo yazyka na baze rodnogo (tatarskogo) yazyka* [Verbal system of Tatar and English: comparative analysis in the framework of studying English on the basis of the native (Tatar) language]. Kazan, Kazan State University Press, 2004. 250 p. (In Russ.)

Khisamova V. N. *Problemy istorii tatarskogo yazyka po angloyazychnym (i chastichno nemetsko-yazychnym) istochnikam*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Problems of the Tatar language history according to English (and partially German) sources. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Kazan, 1993. 24 p. (In Russ.)

Yusupov R. A. *Sootnoshenie raznostrukturnykh yazykov i voprosy perevoda: na materiale russkogo i tatarskogo yazykov: uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov* [Correlation of structurally different languages and the problems of translation: on the material of Russian and Tatar: textbook for the students of philological departments]. Kazan, Kazan State Pedagogical University Press, 2005. 225 p. (In Russ.)

PECULIARITIES OF EXPRESSING MODALITY IN THE TATAR LANGUAGE

Narkiz K. Mullagaliev

Associate Professor in the Department of Foreign Languages in International Relations

Kazan Federal University

18, Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russian Federation. narkizmoullagaliev@mail.ru

SPIN-code: 1180-3642

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5988-3181>

ResearcherID: M-3052-2013

Ildar G. Akhmetzyanov

Associate Professor in the Department of Foreign Languages in International Relations

Kazan Federal University

18, Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russian Federation. ildar-rashit@yandex.ru

SPIN-code: 1596-0724

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6353-3416>

ResearcherID: M-5591-2013

Almira K. Garaeva

Associate Professor in the Department of Foreign Languages in International Relations

Kazan Federal University

18, Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russian Federation. almiragaraeva09@yandex.ru

SPIN-code: 4493-0111

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7540-1007>

ResearcherID: N-1751-2013

Submitted 23.08.2019

The article analyzes the formation and development of studies on the functional and semantic category of modality and modal relations in the Tatar language. Modality in the Tatar language has very extensive forms considered differently by different scientists. A number of scientists describe modality as a special category of the language paying special attention to the speaker's attitude to the statement, or addressing modality while studying the basic linguistic phenomena. The study identifies the most commonly used modal elements of the Tatar language, lists the most common modal constructions, and gives examples of their usage in authentic works of fiction. It should be noted that in the Tatar language not all means of expressing modality are structurally designated, and the existing categories are reduced to listing modal words and modal phrases. The peculiarity of the Tatar language is multiplicity of lexical means, since in the language analytical methods of word-formation prevail over synthetic ones. However, there are prosodic, grammatical, stylistic and phraseological means of representing modalities in Tatar text. Thus, the category of modality in its broad sense fully applies to the language under consideration. The originality of the work is based on the fact that it involves a more global view of the concept of modality. Within the article, this category is considered in terms of phonetics, morphology, lexicology and semantics, taking into account the psychological aspects of the problem. This approach allows going beyond the conventional research on modality of the Tatar language, traditionally associated with the analysis of words and phrases with modal meaning.

Key words: linguistics; philology; modality; lexicology; semantics; structure of the language; fiction; Tatar.

УДК 81'23: 316.276

doi 10.17072/2073-6681-2019-4-45-52

ЗООМОРФНЫЙ КОД В ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА РУССКИХ И КАЗАХСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Марина Васильевна Румянцева**к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков****Уральский государственный аграрный университет**

620075, Россия, г. Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 42. m.rumjanzewa@rambler.ru

SPIN-код: 6078-2062

ORCID: 6078-2062

ResearcherID: <http://orcid.org/0000-0002-7949-8360>

Статья поступила в редакцию 28.05.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:*Румянцева М. В.* Зооморфный код в языковой образности художественной картины мира русских и казахских писателей // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 45–52. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-45-52**Please cite this article in English as:**Rumyantseva M. V. Zoomorfnyy kod v yazykovoy obraznosti khudozhestvennoy kartiny mira russkikh i kazakhskikh pisateley [The Zoomorphic Code in the Linguistic Imagery of the Artistic Picture of the World in Works by Russian and Kazakh Writers]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 4, pp. 45–52. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-45-52 (In Russ.)

Представлен лингвокультурологический анализ сравнительных конструкций художественных произведений русских и казахских писателей первой половины XX в. на предмет выявления содержащихся в них в качестве агента сравнения лексем, номинирующих объекты дикой фауны, которые содержат следующие категории: животные, птицы, рыбы.

Исследование является попыткой определить значение зооморфных универсалий в жизни народа, а также установить стратегии именования в языке, т. е. понять, какие свойства воспринимаются и отражаются в человеческом сознании, когда речь идет об определенном объекте животного мира. Природные универсалии рассматриваются как составная часть универсалий этнических, связанных с местом существования этноса. Отмечается, что традиционность природной универсалии определяет стабильность ее вхождения в языковую и культурный фонд этноса и объем ее ассоциативных связей. Все области существования этноса реализуются в языке в виде системы культурных кодов, базовыми среди которых являются временной, пространственный, соматический, предметный, биоморфный и др.

Исследование выявило, что в русской литературе зооморфный код представлен наименованиями зверей – объектами охотничьего и рыбацкого промысла (заяц, тетерев, ерш). Для русского сознания важна утилитарная функция дикого животного: животные являются источником продуктов питания, материалом для изготовления предметов быта. Для казахского менталитета важна проективная функция: наделение животных человеческими чертами. Идентификация себя с животными существует как результат усвоения исторического культурного опыта, корни которого уходят в глубокое прошлое, где существовал тотемный культ зверей (волк, беркут, змея).

Проблема языковой картины мира тесно связана с проблемой сравнения как одним из способов ее создания. Сравнение представляет особый интерес для лингвистов, психолингвистов, а также культурологов, так как отражает одновременно этнические стереотипы мышления и индивидуальный взгляд на мир, являясь отражением оппозиции человек – окружающий мир.

Ключевые слова: язык; культура; языковая картина мира; зооморфный код культуры; метафорическое сравнение.

Окружающий человека мир, животный и растительный, а также географические и климатические условия местности, являющиеся основой лингвокультурной ситуации, оказываются определяющими для формирования этнической модели или картины мира. Как утверждает Д. Г. Мальцева, «первое, что определяет лицо народа, – это природа, среди которой он живет и вершит свою историю» [Мальцева 1990: 54]. Ей вторит А. Т. Хроленко: «Природа, климат, рельеф местности, где складывается этнос, – все это способствует появлению «стереотипа поведения», именуемого национальным характером» [Хроленко 1996: 87]. Все области существования этноса (природа, мифология, религия, нравы и обычаи, наука и др.) репрезентируются в языке в виде некоей системы культурных кодов. Код культуры – это «сетка, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризирует и оценивает его» [Красных 2002: 232]. Коды культуры соотносятся «с древнейшими архетипическими представлениями человека» [там же].

При переносе характеристик из одного кода в другой в языке происходит создание вторичного наименования. Это символы, фразеологизмы, метафоры, а также образное (метафорическое) сравнение. Метафорические сравнения интересны тем, что, создавая новое знание, они сопоставляют разные категории, соизмеряя мир с объемом имеющихся у человека знаний и представлений, с системой этнокультурных ценностей, т. е. человек здесь – мера всех вещей. «Ассоциативные признаки, актуализируемые в процессе вторичной номинации, соответствуют таким смысловым признакам переосмысленного значения, которые соотносятся с фоновыми знаниями носителей языка о данной реалии или о внутренней форме значения, с понятными для человеческого восприятия образами и символами, в том числе и теми, которые получают статус ценностно-определенных стереотипов» [Ахманова 1977: 47]. Средства компаративности актуализируют языковую картину мира, помогая тем самым человеку постигать окружающий мир.

Как отмечает В. В. Красных, базовых культурных кодов существует немного, они универсальны. «Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [Красных 2002: 232]. В современной лингвокультурологии отсутствуют единые принципы классификации культурных кодов. Г. А. Багаутдинова выделяет антропоморфный, биоморфный, анимичный, объектный, мифологический, темпоральный коды [Багаутдинова 2007]. М. Л. Ковшова предлагает тематический принцип классификации, в

результате чего возникают космический, соматический, пищевой и другие коды [Ковшова 2009]. В. В. Красных называет такие базовые коды русской культуры, как пространственный, временной, соматический, предметный, биоморфный и духовный [там же: 233].

Видно, что биоморфный код культуры признают многие лингвисты. Биоморфный код культуры есть совокупность наименований человека (антропоморфный код), флоры (фитоморфный код) и фауны (зооморфный или анимальный, териоморфный код).

В данной статье с точки зрения лингвокультурологии проанализируем сравнительные конструкции (отобранные методом сплошной выборки из произведений художественной литературы первой половины XX в.), у которых в качестве референта сравнения находим лексемы, номинирующие диких животных (о домашних животных см.: [Румянцева 2014]). Это позволит нам проследить проявление зооморфного культурного кода в художественных текстах русских и казахских авторов первой половины XX в., а значит, глубже понять языковую картину определенного этноса.

Из обобщающих понятий в русских текстах встретились лексемы *животное*, *птица*, *насекомое*. Следует заметить, что эти лексемы создают размытый образ животного: *...игривая волна вскакивала на берег и бежала к нам, сверкая в темноте пеной, точно животное, которое резвится, пробегая мимо человека (В. Короленко. Сон Макара). ...а осень проходит мгновенно и оставляет впечатление промелькнувшей за окном золотой птицы (К. Паустовский. Подарок).*

В казахских текстах таковыми лексемами явились *животные*, *зверь*, *птица*. Но за обобщающей лексемой здесь находим яркий, выписанный до мельчайших подробностей образ, поэтому все сравнения развернутые, что позволяет в деталях представить описываемого референта. Примечательно, что для казахов большое значение имеет разделение животных на диких или одичавших и прирученных, что и зафиксировано в сравнениях. Глаз казаха завораживают несметные стада одичавших животных, с которыми сравним бурный горный поток: *Издали слышен хрипучий и гулкий голос белогривого потока. А вблизи его ледяное кипение устрашает. Диким холодом, неумной мощью веет от зеленой воды, сплетенной в стремительные струи, невольно отступаешь от берега, и все же не оторвать от воды глаз! ...Кажется, что не волны, а тысячи одичавших животных с оглушительным топотом в паническом ужасе несутся по руслу потока, и спины их громоздятся друг на друга (М. Ауэзов. Выстрел на перевале).* Чувство гордости испытывает казах за

прирученного зверя. Правда, у М. Ауэзова с прирученным зверем сравнивается строптивый бедняк, вынужденный прийти на поклон к баю: *Давно ли Жарасбай показывал Бахтыгула баям, точно прирученного зверя, и те возносили бая, а батрака трепали по плечу, внушали ему, что есть праведный путь (М. Ауэзов. Выстрел на перевале)*. С большой хищной птицей сравнивается лихой всадник: *Теперь всадник походил на большую крепкозрудую птицу, которая медленно приподнимает крылья. Эта птица – старожил и хозяин здешних мест, горных высей, снежных белков. Вот-вот она расправит крылья, взмоет в небо и повиснет над скалистыми глыбами, бездонными ущельями Алатау, зорко высматривая добычу. Прицелится и вдруг ударит со свистом, схватит и изломает железными когтями (М. Ауэзов. Выстрел на перевале)*.

Большинство же объектов сравнения в исследуемых текстах – это названия конкретных видов животных, т. к. обыденному сознанию свойственна конкретизация животных, дифференциация их поведения и практической ценности.

Животные. Дикие животные представлены широким спектром наименований. В роли агента сравнения в текстах русских авторов находим названия зверей, являющихся объектом охотничьего промысла: *заяц, медведь, кабан*.

На первом по частоте месте в сравнениях русских авторов стоит заяц как самый распространенный по всей территории России зверь (не случайно он является персонажем почти всех русских сказок о животных). Сравнения отражают различные поведенческие особенности этого животного: бегать, прыгать, метаться, стоять на задних лапах. С зайцем сравнимы другие животные и человек: *Травка даже поднялась на задние лапы, как заяц (М. Пришвин. Кладовая солнца)*. Он (мальчишка) же *вырвался, прыгнул, как заяц, на прыжке оглянулся и удрал (М. Пришвин. Старый гриб)*. В сравнениях наблюдается повторение сценария «зайцы мечутся на островке во время половодья» из произведения Н. А. Некрасова «Дед Мазай и зайцы»: *Весь путь до Раскидухи Живой метался по своей пристани, как заяц по островку, обрезанный половодьем (Б. Можаев. Живой)*.

Второе место по частотности употребления в роли агента сравнения в русских рассказах занимает медведь. Особое отношение к медведю связано, по всей видимости, с идущей из глубины веков первичной медвежьей магией, возникшей в языческий период истории религиозных воззрений охотников-неандертальцев. Б. А. Васильев отмечает, что культ медведя является чрезвычайно древним, относится к «дошаманскому» периоду в истории религиозных верований. «Медвежий культ (может быть, как самый пер-

вый в истории человечества) оказался необычайно устойчивым. В лесных, богатых медведями местах он дожил до средневековья» [Васильев 1948: 79–80]. По утверждению Б. Рыбакова, «за глубокую древность медвежьего культа говорит и то, что он прочно укоренился у народов, давно ставших земледельческими. <...> У славян до сих пор название этого зверя осталось в древней табуированной, иносказательной форме: «медведь» – «мед ведающий», а исконная запретная форма была, очевидно, близка к североиндоевропейской (нем. Bär), так как зимнее жилище медведя повсеместно в России называется «бер-логой», т. е. «логовом бера». <...> Почти повсеместно медведь называется «стариком», «дедом», «священным зверем»; славяне явно ощущают свою родственную связь с медвежьим родом» [Рыбаков 1980: 60–62].

В отличие от русских народных сказок, где медведь предстает простодушным, глуповатым или добродушным увальнем, в сравнениях исследуемой литературы видим медведя неуклюжим созданием свирепой наружности, проживающим в берлоге, представляющим опасность, если не уснул зимой или разбужен (медведь-шатун): *Терентий – нескладный, как медведь... (В. Шишов. Свежий ветер)*. *Макар узнал чалганца Алёшку: ему ясно видна была его небольшая коренастая фигура, согнутая вперед, с походкой медведя (В. Короленко. Сон Макара)*. *Барахтающийся в сугробе егерь походил на медведя, вылезавшего из берлоги... (Л. Бородин. Третья правда)*. *Взгреб он меня лапцами, да и давай меня корежит, ну чисто медведь-шатун (В. Белов. Плотничьи рассказы)*. Возникает также образ танцующего медведя, веселящего народ на больших гуляньях: *В передаче детским голосом и не везде с буквой «р» эти песенки производили впечатление танцующего медведя (А. Грин. Алые паруса)*.

Среди диких животных – агентов сравнения в русских рассказах – встречается дикий кабан. Это зверь опасный, для борьбы с ним нужна особая сноровка, об этом знает каждый охотник: *Власть, что царил там, везде за пределами тайги, он представлял себе в образе разъяренного кабана, не только четырьмя свинячьими копытами приросшего к земле, но и всей своей неуклюжей плотью. Опасный зверь, нет слов! Но разве нет на него сноровки да смекалки! (Л. Бородин. Третья правда)*.

В казахских текстах находим больше наименований диких животных, чем в русских. Для агентов сравнений казахские авторы выбирают таких животных, как: *волк, лиса, барс, косуля, лань, кабан, горный козел, еж*. Все они обитают на территории Казахстана.

На первом месте по частоте употребления стоит *волк*. Как отмечает Н. М. Джусупов, «волк

является важной составляющей культурной памяти и менталитета казахского народа». Согласно древней легенде, родоначальницей всех тюрков является синяя (голубая) волчица. В истории тюркских народов имя великого воинственного хана Ашина тесно связано с образом волка. А в китайских летописях названия «тюркский хан» и «волк» употреблялись в качестве синонимов [Джусупов 2011: 125, 127]. Волка отличает завидный аппетит: *Живот у Бахтыгула подвело, как у волка (М. Ауэзов. Выстрел на перевале). Торговцев из этого каравана – несметное количество. Как голодные волки, рыскают они по базару, ища выгодных покупателей (Д. Досжанов. Отрар)*. Казахам известна кровожадность этого зверя: *Похоже, что каждая кровавая битва, в самом деле, влияет на рассудок хромца! Он уподобляется взбесившемуся волку, который ворвался в овчарню и режет овец одну за одной; больше, чем нужно для прокорма, просто потому, что не в силах остановиться (М. Скакбаев. Поэт хромого Тимура)*. Вот он поднялся на высокую сопку, – за ночь ветер освеживал её, как волк овечку (Д. Досжанов. Серебряный караван). Казахское сознание фиксирует способность волка издавать только один звук – страшный тоскливый вой: *Заунывный, занудливый звук... будто за спиной его завыл волк (А. Кекильбаев. Купы джиды)*. Несмотря на наличие отрицательного компонента значения этого животного, которое определяется жизненными реалиями, тотемическое значение волка для тюрков обуславливает его частотность употребления в качестве эталона сравнения в казахской художественной литературе.

Второе место занимает лиса, известная всем приписываемыми ей хитростью и лукавством: *Мусатай давно сидел, как лисица у входа в нору, обнюхивал носом воздух (С. Шаймерденов. Перелетные птицы)*. Ахан оскалилсь беззвучно, как лиса (М. Ауэзов. Сиротская доля). С алтайской лисой авторы сравнивают богатство, видимо, имея в виду коварство этого внешне очень красивого животного и опасность, исходящую от него: *...богатство, словно алтайская лиса: взмахнет хвостом и исчезнет вдали, за высокой сопкой (Д. Досжанов. Много ли богатства нужно человеку)*.

Для описания внешнего вида мужчин и женщин используются лексемы барс, кабан и косуля, лань соответственно: *Летел на коне, чернопятнистый от оспы, как барс... (М. Ауэзов. Выстрел на перевале)*. *Этот пузатый, исходящий слюной, с узким лбом и коротким, как у кабана, тупым носом, – это же вышедший из могилы Жантай (М. Магауин. Шахан-шер)*. *Иначе как объяснить, что из несметного табуна яркопестрых девок, иньряющих по улицам города,*

точно косули по вольной степи, ни одна тебя не приголубит (А. Кекильбаев. Теплый снег). *«Единственная моя дочь, – сказал он, – выросшая среди старших братьев, как легконогая лань, моя любимица... (М. Магауин. Шахан-шер)*.

Умение и ловкость коня точнее передает сравнение его с горным козлом: *Его Сивый (конь), крепкий, бывалый, привык карабкаться на кручи, ходить над обрывами, он цепок и ловок, как горный козел (М. Ауэзов. Выстрел на перевале)*. Кабанным загривком видится автору хвойный лес, а шерсть волка напоминает колючки ежа: *За скалой, подобно кабаньему загривку, цетинился хвойный лес (М. Ауэзов. Выстрел на перевале)*. *Плотная жесткая шерсть стояла на нем, как колючки на еже (М. Ауэзов. Серый Лютый)*.

Среди агентов сравнения казахских писателей встречаются рептилии и пресмыкающиеся черепаха, змея, ящерица. Большинство таких сравнений базируется на внешнем сходстве референта и агента или на сходстве в манере поведения: *Один конец дороги, извиваясь как змея, спускался в озеро... (С. Муканов. Золотой край)*. *Узкие, как змеиная головка, длинные пушистые листья (А. Кекильбаев. Купы джиды)*. *...подружки... пошли тихим шагом, словно песчаные черепахи, в Кызылкумы следом за овцами... (Д. Досжанов. У тигра своя тропа)*. Присутствуют сравнения, где в качестве модуса сравнения взяты умения животных быть тихими и неприметными: *Сняв со спины кремневку, он, подобно ящерице, неслышно, неприметно, стал красться по гребню котловины (М. Ауэзов. Выстрел на перевале)*. Ряд сравнений рисует нам змею как опасного ядовитого гада: *Он выругался, отбросил перо, на кончике которого вертелись лишь ядовитые, будто жало змеи, слова (М. Скакбаев. Поэт хромого Тимура)*. *Язык у муллы, что жало змеи. Говорит сладко, жалит больно (Д. Досжанов. Много ли богатства нужно человеку)*.

Особый интерес вызвало следующее сравнение: *...его жилище всегда отличалось необыкновенной опрятностью. О таком степняки говорят: будто змеёй вылизано – все блестит и сверкает (А. Кекильбаев. Купы джиды)*. По всей видимости, наличие такого сравнения в казахской литературе следует объяснять существованием культа змей в языковом сознании тюркских народов, о котором пишет С. Кондыбай: «До сегодняшнего дня это животное сохранило значимое место в верованиях казахов. Наряду с обладанием тайным знанием и магией, казахи приписывают змее роль покровителя и помощника. Иначе говоря, культ змей – одна из главных черт мифологии предказахов. В мифологическом миропонимании казахов и некоторых других тюркских народов есть разновидность «үй жыланы»

(домашняя змея) и «жұрт жылань» («йорт еланы» – «змея стоянки, поселения»). В казахских верованиях, легендах и сказках часто повторяется мотив об угощенной молоком змее, в благодарность помогающей по дому и приносящей хозяевам дома счастье и богатство» [Кондыбай 2008: 257]. Следовательно, у казахов, как и у многих народов, имели место представления о злых и добрых змеях. По мнению исследователей, «оберегающих змей мы должны считать именно ужами, так как у греков, армян, украинцев, белорусов, литовцев, болгар и сербов мы тоже встречаем древний культ ужа. Ужей держали в домах, поили молоком, почитали как священное существо, покровителя дома, огорода и полей» [Афанасьев 1965: 538–551].

Несмотря на двоякое отношение к змее, культ этого животного продолжает свою жизнь в казахском языковом сознании. Подтверждением тому может являться сравнение со змеей такой базовой категории восприятия мира, как время: *Время, казалось, потеряло протяженность, упругость. Как раненая змея, ползло оно, то растягиваясь, то сжимаясь* (М. Магауин. *Шахан-шер*). Заметим, что в своих исследованиях Б. А. Рыбаков пишет об аналогичном представлении о змее (точнее, об уже) у древних славян: «Ужи – покровители дома, посредники между небом и землей, кроме того, так же как и солнце, являлись показателем времени, что связано с сезонным «умиранием» и «оживанием» змей, т. е. с ритмом осенне-зимней спячки и весеннего пробуждения» [Рыбаков 1980: 130].

Птицы. Полезность для русского охотника представляет птица тетерев, одна из самых крупных промысловых птиц, особый интерес вызывает тетеревиный весенний ток: *...самовар уже булькал у шестка, словно разгулявшийся весенний тетерев* (В. Белов. *Плотницкие рассказы*).

Не приносящие пользу, но повсюду встречающиеся русскому человеку птицы – это *воробей, ворона, грач, галка, чайка, ласточка*. Но сравнения с данными объектами единичны. Важным для русских писателей оказывается их размер и, в отличие от домашних птиц, умение хорошо летать: *Курица эта летала, как ворона...* (К. Паустовский. *Жильцы старого дома*). *Бекас – это болотная птичка, серая, величиной в два воробья* (М. Пришвин. *Знакомый бекас*). *Рябчики... маленькие, с воробья, а уже отлично летные и сторожкие, совсем как большие* (М. Пришвин. *Около гнезда*). Отличительным признаком грачей и галок является их умение громко и дружно кричать (галдеть), что тоже фиксирует народное сознание: *Ребятишки день-деньской кричат, как грачи, на тополиной горке – кто в городки играет, кто в лапту...* (Б. Можжаев. *Живой*). *А бабы, будто галки за плу-*

гом, с галдецей, коли еще не притомились, или уже молча к закату дня, всё собирают и собирают свеклу в корзины... (Е. Носов. *Шуба*). Чайка восхищает своим умением ловить рыбу, для чего нужны скорость и точность движений: *И его речь, утратив неравномерную, надменно застенчивую текучесть, стала краткой и точной, как удар чайки в струю за трепетным серебром рыб* (А. Грин. *Алые паруса*). Ласточка всегда была символом женской грации и легкости: *Ассоль была выразительно легка и чиста, как полет ласточки* (А. Грин. *Алые паруса*).

Особое место среди птиц занимает голубь, символизирующий душу, духовную любовь, милосердие в христианстве. Все сравнения с агентом *голубь* в русских текстах носят только позитивную окраску: *Голубем встрепенулась радость в груди: или это день прибавляется, и вечером голубеют снега, и открывается тайная дверь, и в нее за крестную муку народа проходит свет голубой и готовит отцам нашим воскресение?* (М. Пришвин. *Мирская чаша*).

Самой распространенной лексемой – агентом сравнения, номинирующей птиц в казахских рассказах, явилась лексема *беркут*. Ассоциации беркута – самого крупного орла – со священной птицей господствовали во многих культурах. Наибольшее распространение в культуре казахов получило значение беркута как олицетворения мужества, величия и победы: *...Балуан Шолак, словно беркут, рывком глотнувший баранью кость, нагнул голову, мотнул ею, и руки Битабара с треском отлетели в стороны* (С. Шаймерденов. *Перелетные птицы*). Не менее важное значение для кочевых народов имела традиция охоты с беркутом, которая имеет очень древнюю историю. Об этом свидетельствуют петроглифы, найденные на территории соседней Монголии и относящиеся к периоду бронзового века. Восприятие беркута как хищной охотничьей птицы видим в следующих сравнениях: *Теперь пес походил на беркута, высматривающего со скалы добычу* (М. Ауэзов. *Серый Лютый*). *Длинные вислые его усы над вступшими лихорадочно горевшими губами подчас смахивали на крылья беркута, прижавшего к снегу рыжую лису* (М. Ауэзов. *Выстрел на перевале*). Среди кочевых народов Северной Азии эта птица имела значение в шаманизме и считалась помощником шамана, воплощением Духа. Фигуры летящих орла и беркута изображались на тыльной стороне шапки шамана. На плечах – украшения, пучки перьев беркута, символизирующие двух беркутов или двух орлов, – считалось, что эти птицы являются посредниками между людьми и духами. К беркуту обращался шаман в своих призывах – «с луновидными крыльями, черный мой беркут» [Орел 2013: 333]. Принимая во внимание

этот факт, становится понятным смысл сравнения: *«Ну вот, невестушка... сторожила-берегла я очаг единственного сына от чужого глаза и недобрых слов, словно дряхлая орлица свое гнездо»* (А. Кекильбаев. *Теплый снег*).

Среди других объектов сравнения, обозначающих птиц, в творчестве казахских писателей встретились лексемы *ласточка, лебедь, ворона, индюки-улары, куропатка, дрофа, журавль, дикий гусь*. Примечателен тот факт, что вместо привычного для нас сравнения пригожей девушки или женщины с ласточкой у С. Шаймерденова находим сравнения сильного, проворного мужчины с этой изящной птицей: *Посмотришь на парня – кулаком камень расплющит, а на ногу быстр и ловок, как ласточка на лету* (С. Шаймерденов. *Перелетные птицы*). А вот красивых девушек казахские авторы сравнивают с лебедем: *Девушки вспорхнули, словно лебеди, и рассыпались, кто куда...* (Д. Досжанов. *Отрар*). Сравнивая пожилого человека с вороной, автор, по-видимому, имеет в виду нереспектабельного человека, его склонность к уединению: *«Эй, старик, иди сюда. Что сидишь на отшибе, словно старая ворона на навозной куче?»* (О. Сарсенбаев. *За пустынным горизонтом*). Людской гомон похож на голоса горных индюков: *...уже собравшиеся сесть за ужин жители аула зашумели. Заголосили, как гонные индюки-улары* (К. Муханбеткалиев. *Закрытый враг*). С пойманной куропаткой сравнивается сердце человека, испытывавшего чувство сильного эмоционального переживания: *Сердце бешено заколотилось в груди, как пойманная куропатка* (С. Шаймерденов. *Перелетные птицы*). Очень яркий образ возникает при сравнении мыслей человека со степными дрофами: *Думы черной старухи разбредаются, как дрофы в степи* (А. Кекильбаев. *Теплый снег*).

Рыбы. В казахской литературе наименования рыб редко встречаются в роли агента сравнения. Нами найдены лексемы *щука, кит* – исполин океанских вод, *сом* – великан вод речных и *сазан*. Все лексемы привлекаются для создания образных сравнений: *Пронырливый и хитрый Мусатай был в своей стихии, чувствовал себя, как щука в реке* (М. Сундетов. *Аул в песках*). *Он бугрился на песке, точно кит, выброшенный морем на берег* (О. Сарсенбаев. *За пустынным горизонтом*). Объектами рыбацкого промысла являются сомы и сазаны: *...или взять Сырдарью – то она несется буйным потоком, бьется, словно пойманный в сети могучий сом* (Д. Досжанов. *Серебряный караван*). *Горе охватило всех, от мала до велика. Мужчины дубасили себя кулаками по головам, бились, точно сазаны, угодившие в сеть* (А. Кекильбаев. *Баллада забытых лет*). Мерцающие на ночном небе звезды сравнимы в

казахском языковом сознании с морскими рыбами: *Блестят, подмигивают звезды, похожие на рыбок в серебристой чешуе, плывущих по спокойной и темной морской глади* (М. Сундетов. *Аул в песках*).

В русских рассказах наименования рыб встречаются тоже не часто. Это в основном обитатели рек: *ерш, щука, налим, пескарь, карась*. Так, у Э. Шима находим сравнение маленьких елочек с ершами, в основе которого лежит «колючее» качество и тех и других: *...везде на старых бороздах и холмиках поднимаются крохотные елочки, будто зеленые ершики* (Э. Шим. *Цветной венок*). Со щуками В. Шишов сравнивает русских мужиков в представлении женщин: *Давайте, товарищи, удочку закинем и будем мужиков ловить, как щук* (В. Шишов. *Свежий ветер*). Черных от пыли и копоти рабочих А. Чапыгин сравнивает с налимами, видимо, принимая во внимание темный цвет этих рыб: *...два черных человека, словно большие налимы, неслышно соскользнули с полка* (А. Чапыгин. *Лободыры*). Примечательно сравнение М. Пришвина, в котором он ассоциирует представителей разных этносов в Крыму с разными видами рыб в обмелевшем пруду: *Турки, армяне, греки, татары скоро смешались для нас в одну толпу, кипели остатки великого передвижения народов, как в спущенном пруду пескари, караси, головастики, и над ними с горы дедушка-скиф свесил свою белую бороду* (М. Пришвин. *Славны бубны*).

Встречаются и обобщающие лексемы, номинирующие такие породы рыб, как лососевые и сиговые, толк во вкусе которых русский человек знает испокон веков: *...жившие в этих местах казались непосвященным горожанам людьми изысканного сорта, людьми особенными, отмеченными Божьим перстом; это как бы из рыбьей мелочевки ты сразу попадал в разряд вежливых и почитаемых, и хоть перескакивая в семью пусть и не лососевых, но в сиговые породы точно* (В. Личутин. *Сукин сын*). Есть в сравнениях и привычная нам сельдь: *Кипит люд на площади, будто сельди в Белом море* (М. Пришвин. *Крутой арский зверь*).

Таким образом, в роли агента сравнений выступают те животные, которые выполняют для человека как представителя того или иного этноса определенные функции. Самая важная функция для русского человека – это функция утилитарная: животные являются источником продуктов питания, а также материалом для изготовления предметов быта (заяц, медведь, тетерев, ерш). Для казахского сознания не менее важной является функция проективная: наделение животных человеческими чертами, мыслями и чувствами. Идентификация себя с животными существует как результат усвоения исторического

культурного опыта, корни которого уходят в глубокое прошлое, где существовал тотемный культ животного (волк, беркут, змея).

Проблема языковой картины мира тесно связана со сравнением как одним из способов ее создания. Сравнение представляет интерес не только для лингвистов, но и для психолингвистов, этнолингвистов и культурологов, так как отражает одновременно этнические стереотипы мышления и индивидуальный взгляд на мир, являясь отражением оппозиции *человек – окружающий мир*. Познание окружающего мира и самопознание нельзя представить без образного мышления. Понимание себя как части мира и мира как самого себя, уподобление одного фрагмента реальности другому, отбор одной частицы концептосферы для сравнения ее с другой – это главные механизмы образования множества концептов, которые в результате образуют единую картину мира.

Список источников

- Ауэзов М. Племя младое // Избранные произведения. Алма-Ата: Жазушы, 1977. 520 с.
- Белая аруана. Казахские рассказы. М.: Худож. лит., 1976. 471 с.
- Караван выходит на рассвете: Казахские исторические повести. Алма-Ата: Жазушы, 1989. 432 с.
- Паустовский К. Повести и рассказы. Л.: Худож. лит., 1985. 320 с.
- Пришвин М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4: Мои тетрадки. М.: Худож. лит., 1957. 724 с.
- Русская проза первой половины XX века: в 2 т. М.: Дрофа, 2003.

Список литературы

- Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов. М., 1965. Т. 1. 736 с.
- Ахманова О. С., Гюббенет И. В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47.
- Багаутдинова Г. А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Казань, 2007. 45 с.
- Васильев Б. А. Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 4. С. 79–104.
- Джусупов Н. М. Тюркский символ в художественном тексте (лингвокогнитивный аспект). Астана: Изд-во «Сарыарка», 2011. 218 с.
- Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 48 с.
- Кондыбай С. Мифология предказахов. Кн. 3 / пер. с каз. яз. З. Наурызбаевой. Алматы, СаГа, 2008. 436 с.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Мальцева Д. Г. Национально-культурный аспект фразеологии: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 520 с.

Орел В. Е. Культура, символы и животный мир. Харьков: Гуманит. центр, 2013. 592 с.

Пименова М. В. Языковая картина мира. М.: ФЛИНТА, 2014. 109 с.

Румянцева М. В. К проблеме отображения объективной реальности в языковой образности // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). С. 190–195.

Сабитова З. К. Прошлое в настоящем. Русско-тюркские культурные и языковые контакты. Алматы: Қазақ университеті, 2007. 320 с.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1980. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=85956> (дата обращения: 20.08.2018).

Хроленко А. Т. Этническое своеобразие языка фольклора // Проблемы русистики (лексикология и грамматика): тезисы Межрегион. науч. конф. Белгород, 1995. С. 116–118.

References

- Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy, v svyazi s mifologicheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov* [Poetic views of the Slavs on nature: Experience of a comparative study of Slavic traditions and beliefs in connection with the mythological tales of other kindred peoples]. Moscow, 1965, vol. 1. 736 p. (In Russ.)
- Akhmanova O. S., Gyubbenet I. V. 'Vertikal'nyy kontekst' kak filologicheskaya problema ['Vertical context' as a philological problem]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 1977, issue 3, p. 47. (In Russ.)
- Bagautdinova G. A. *Chelovek vo frazeologii: antropotsentricheskii i aksiologicheskii aspekty*. Avtoreferat diss. ... d-ra filol. nauk [Man in phraseology: Anthropocentric and axiological aspects. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Kazan, 2007. 45 p. (In Russ.)
- Vasil'ev B. A. *Medvezhiy prazdnik* [Bear holiday]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1948, issue 4, pp. 79–104. (In Russ.)
- Dzhusupov N. M. *Tyurkskiy simvol v khudozhestvennom tekste (lingvokognitivnyy aspekt)* [Turkic symbol in fiction text (linguo-cognitive aspect)]. Astana, Saryarka Publ., 2011. 218 p. (In Russ.)
- Kovshova M. L. *Semantika i pragmatika frazeologizmov: lingvokul'turologicheskii aspekt*. Avtoreferat diss. ... d-ra filol. nauk. [Semantics and pragmatics of phraseological units: Linguoculturological aspect. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2009. 48 p. (In Russ.)

Kondybay S. *Mifologiya predkazakhov* [Mythology of the pre-Kazakh]. Transl. from Kazakh by Z. Naurzbaeva. Almaty, SaGa Publ., 2008, vol. 3. 436 p. (In Kazakh)

Krasnykh V. V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lektsiy* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: Course of lectures]. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 284 p. (In Russ.)

Mal'tseva D. G. *Natsional'no-kul'turnyy aspekt frazeologii*. Diss. kand. filol. nauk [National and cultural aspects of phraseology. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1990. 520 p. (In Russ.)

Orel V. E. *Kul'tura, simvoly i zhyvotnyy mir* [Culture, symbols and wildlife]. Kharkov, Humanitarian Center Publ., 2013. 592 p. (In Russ.)

Pimenova M. V. *Yazykovaya kartina mira* [The language picture of the world]. Moscow, FLINTA Publ., 2014. 109 p. (In Russ.)

Rumyantseva M. V. K probleme otobrazheniya ob'ektivnoy real'nosti v yazykovoy obraznosti

[To the problem of the objective reality reflection in the linguistic imagery]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [CSU Bulletin], 2014, issue 7 (336), pp. 190–195. (In Russ.)

Sabitova Z. K. *Proshloe v nastoyashchem. Russko-tyurkskie kul'turnye i yazykovye kontakty* [The past is in the present. Russian-Turkic cultural and language contacts]. Almaty, Kazak Universiteti Press, 2007. 320 p. (In Russ.)

Rybakov B. A. *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Available at: <http://www.litmir.net/br/?b=85956> (accessed 16.05.2019). (In Russ.)

Khrolenko A. T. Etnicheskoe svoeobrazie yazyka fol'klora [Ethnic originality of the folklore language]. *Problemy rusistiki (leksikologiya i grammatika). Tezisy Mezhhregional'noy nauchnoy konferentsii* [Issues of Russian studies (lexicology and grammar). Abstracts of the Interregional sci. conf.]. Belgorod, 1995, pp. 116–118. (In Russ.)

THE ZOOMORPHIC CODE IN THE LINGUISTIC IMAGERY OF THE ARTISTIC PICTURE OF THE WORLD IN WORKS BY RUSSIAN AND KAZAKH WRITERS

Marina V. Rumyantseva

Associate Professor in the Department of Foreign Languages

Ural State Agrarian University

42, K. Libknekhta st., Ekaterinburg, 620075, Russian Federation. m.rumjanzewa@rambler.ru

SPIN-code: 6078-2062

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7949-8360>

ResearcherID: <http://orcid.org/0000-0002-7949-8360>

Submitted 28.05.2019

The article presents a linguoculturological analysis of comparative structures in works of fiction by Russian and Kazakh authors written in the first half of the 20th century. The analysis aims to identify lexemes contained in these structures as an agent of comparison and nominating objects of wild fauna such as animals, birds and fish. The research attempts to establish the importance of particular animal universals in cultural life of the ethnos and also to reveal the cognitive strategy of naming in language, i. e. to determine what properties are perceived and reflected in human consciousness when referring to a certain animal. Natural universals are considered as part of ethnic universals connected with the location of a certain ethnos. At the same time, it is noted that the traditional character of a natural universal determines the durability of its inclusion into cultural and language fund of the ethnos and the scope of its associative links. All the areas of the ethnos's existence are reflected in the language as a system of cultural codes, fundamental ones among which are temporal, spatial, somatic, substantive, biomorphic, etc. The existence of the biomorphic code of culture is recognized by many linguists. It is a set of names of man (anthropomorphic code), flora (phytomorphic code) and fauna (zoomorphic code).

The study has revealed that in Russian literature the zoomorphic code is represented by the names of animals that are objects of hunting and fishing. For Russian consciousness, the utilitarian function of a wild animal is important: animals are a source of food and material for making household items. In Kazakh mentality, the importance is attached to the projective function: giving animals human traits. Identification of themselves with animals exists as a result of learning historical cultural experience, whose roots go back to the deep past, where there was a totemic cult of animals.

The problem of the language picture of the world is closely connected with the problem of comparison as a way of creating it. Being the reflection of the opposition between man and the world, it reflects both national stereotypes of thinking and a personal worldview, therefore comparison is of special interest not only for linguists but also for psycholinguists and cultural scientists.

Key words: language; culture; language picture of the world; zoomorphic code of culture; metaphorical comparison.

УДК 81.111
doi 10.17072/2073-6681-2019-4-53-61

ИНТЕНЦИОНАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПАТЕНТА

Наталья Владимировна Соколова

**к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода
Пермский национальный исследовательский политехнический университет**

614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский просп., 29. ntlk0@mail.ru

SPIN-код: 2391-7440

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0550-2272>

ResearcherID: K-4038-2018

Статья поступила в редакцию 04.09.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Соколова Н. В. Интенционально-функциональный подход к описанию лингвистических особенностей англоязычного патента // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 53–61. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-53-61

Please cite this article in English as:

Sokolova N. V. Intentsional'no-funktsional'nyy podkhod k opisaniyu lingvisticheskikh osobennostey angloyazychnogo patenta [The Intentional and Functional Approach to Describing the Linguistic Features of the English-Language Patent]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 4, pp. 53–61. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-53-61 (In Russ.)

Представлено описание лингвистических особенностей англоязычного патента с точки зрения интенционально-функционального подхода, в рамках которого данные особенности рассматриваются как результат реализации коммуникативной интенции автора и соответственно функции патента, а жанр понимается как модель построения текста.

Цель – выявить разноуровневые лингвистические единицы в тексте патента, использование которых является результатом реализации интенции автора и функции жанра и типично для патента.

Применяется следующая методика анализа: 1) определение коммуникативной интенции автора; 2) выявление коммуникативной функции, соответствующей интенции автора; 3) описание разноуровневых лингвистических средств реализации коммуникативной функции в тексте, т. е. проведение функционально-стилистического анализа.

Теоретические положения демонстрируются на материале патентов сферы информационных технологий – периферийного жанра научного стиля, входящего в научно-деловой подстиль.

Патент обслуживает сферу патентного права и подтверждает право обладателя на научно-техническое изобретение. Экстралингвистическая целеустановка, или интенция, автора – сообщить новое научное знание об изобретении в точной форме – определяет информирующую функцию жанра патента и реализуется на лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях в виде следующих лингвистических особенностей: многокомпонентные терминологические коллокации, распространенные причастными оборотами и придаточными предложениями; полипредикативные предложения, осложненные однородными членами; особая композиция жанра патента.

Интенционально-функциональный подход позволяет представить лингвистические особенности патента не просто как набор отдельно взятых составляющих в виде архаизмов, канцеляризмов и терминов, а как модель, состоящую из взаимосвязанных элементов.

Ключевые слова: функциональный стиль; функция; текст; патент; термин.

Введение

Защита авторских прав на научно-технические изобретения приобретает все большую значимость в современном мире, претерпевающим значительные изменения вследствие процесса глобализации [Мирских 2012]. Документальным подтверждением такой защиты является патент, обслуживающий официально-деловую сферу патентного права [Шугурова 2003].

Согласно определению на сайте Федеральной службы по интеллектуальной собственности Российской Федерации «Роспатент», патент – это «охраненный документ, который удостоверяет исключительное право физического или юридического лица на объект патентного права» [Объекты патентного права]. Объектами патентного права могут быть научно-техническое изобретение, полезная модель, а также промышленный образец. На веб-сайте Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) представлено следующее определение патента: «Патент – это исключительное право, предоставляемое на изобретение. Иными словами, патент – это исключительное право на изделие или процесс, который, как правило, представляет собой новый способ выполнения того или иного действия или предлагает новое техническое решение той или иной задачи. Для получения патента требуется, чтобы техническая информация об изобретении была раскрыта... в заявке на патент» [Патенты].

Патенты относят к научному стилю, выделяя его среди других письменных жанров научной коммуникации [Федорова 2014: 102] в качестве периферийного жанра научно-делового подстиля [СЭСРЯ 2006: 58; Троянская 1984], обслуживающего сферу патентного права и научно-техническую отрасль.

Исследователи отмечают пограничный характер жанра патента, характеризующегося наличием элементов как официально-делового, так и научного стиля [Гредина 2010: 8; Шершукова 2017: 182], к которому жанр патента принадлежит. Изучаются отдельные составляющие патента, к примеру, лексические маркеры официально-делового стиля, архаизмы, канцеляризмы [Триноженко, Гончарова 2016; Шершукова 2017: 182–184]; рассматриваются особенности сочетаемости специальной лексики в тексте патента в рамках языка для специальных целей [Darren Hsin-hung Lin a, Shelley Ching-yu Hsieh 2010]; анализируется частотность употребления тех или иных частей речи в тексте патента [Cascini, Neri 2010]. Обширна литература по проблемам патентов в рамках курсов научно-технического перевода [Гредина 2010; Коваленко 2003].

Что касается данной работы, то мы опираемся на положения функциональной стилистики [СЭСРЯ 2006: 58; Троянская 1984], а также полагаем, что интенционально-функциональный подход к описанию патента позволит представить его доминирующие лингвистические особенности не как некий набор отдельно взятых составляющих, к примеру, архаизмов, канцеляризмов или терминов, а как типовую модель, состоящую из взаимосвязанных элементов.

Методология и материал исследования

Под жанром в отечественном языкознании традиционно понимается «устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказывания» [Бахтин 1986: 255], т. е. некая модель, в рамках которой функционирует конкретный текст, что требует разграничения понятий «текст» и «жанр»: *At a general level, text refers to a sequence of sentences serving an overall rhetorical purpose ..., genre refers to the conventional linguistic expression associated with speech and writing in certain contexts of situation (e. g. the letter to the editor)* [Routledge Encyclopedia of Translation Studies 2011: 89].

В рамках данного подхода к жанру патента как некоей модели и тексту как реализации этой модели в конкретной ситуации может быть применен функционально-стилистический анализ [СЭСРЯ 2006: 576], т. е. анализ композиции и лингвистического наполнения текстов как результата реализации функции в определенной сфере. Такой анализ представлен, к примеру, в работе Е. Малиновска, отмечающей информативно-директивный характер официально-делового стиля [Малиновска 2013: 279].

Однако чрезвычайно важным нам представляется в данном случае включение в анализ также интенции автора [Клушина 2012], поскольку именно интенция автора является текстопожарожающей и задающей функцию текста.

Обслуживая научно-техническую и официально-деловую сферы и реализуя интенцию авторов сообщить новое знание точным образом, патенты передают информацию об изобретении в форме, не допускающей инотолкования [СЭСРЯ 2006: 242, 245, 274].

Таким образом, экстралингвистическая целеустановка автора в рамках того или иного вида деятельности, определяющая коммуникативную функцию, должна находить отражение в конкретном тексте, а анализ множества таких текстов позволяет формулировать вывод о типовых особенностях жанра. Исходя из этих положений, в данной работе мы считаем целесообразным опираться на следующую методику анализа жанра патента: 1) определение коммуникативной

интенции автора в рамках социально значимой деятельности. В нашем случае перед авторами, заявителями и агентами стоит цель передать новое знание об изобретении, модели и прочем максимально точно; 2) учет коммуникативной функции текста, задаваемой коммуникативной интенцией автора. Для жанра патента, обслуживающего официально-деловую сферу патентного права и удостоверяющего право обладателя на использование научно-технического изобретения, это точное информирование об изобретении, модели и прочем, т. е. реализуется информирующая функция; 3) выявление и анализ разноуровневых языковых средств, используемых в тексте для реализации этой функции.

Патенты доступны в режиме онлайн на веб-сайтах таких организаций, как: Всемирная организация интеллектуальной собственности, Евразийское патентное ведомство, Европейское патентное ведомство. Действуют также ведомства на уровне отдельных стран, к примеру, Бюро по регистрации патентов и товарных знаков США, Роспатент – Федеральная служба по интеллектуальной собственности РФ и другие, ввиду того, что патентное право применимо лишь к территории той страны либо стран, где была подана заявка на патентную охрану изобретения (Международные организации и патентные ведомства).

Крупнейшие базы патентов представлены на сайте Европейского патентного ведомства *Espacenet* (Espacenet) – свыше 100 миллионов до-

кументов, а также в базе Всемирной организации интеллектуальной собственности – *Patentscope* (Patentscope), где можно найти 75 миллионов патентных документов различных стран.

В рамках данного исследования доступ к англоязычным патентам был получен через базу данных *Patentscope*, а в качестве материала были выбраны патенты сферы информационных технологий в объеме свыше 400 тысяч знаков без пробелов. Патенты были зарегистрированы на территории Соединенных Штатов Америки, а их авторами и заявителями выступили носители английского языка.

Анализ материала

Целью данной работы является выявление разноуровневых языковых единиц в тексте патента, использование которых является результатом реализации информирующей функции.

Композиция. Для жанра патента характерна типовая структура, или композиция, т. е. схема организации и структурной упорядоченности целого текста [СЭСРЯ 2006: 168].

На веб-сайте патентной базы *Patentscope* представлены вкладки, объединяющие в себе ряд типовых композиционных блоков патента под заголовками *National Biblio. Data, Description, Claims, Drawings, Documents* (US20090070297), последовательно реализующими функцию информирования об изобретении как в вербальной, так и невербальной форме в виде чертежей.

The screenshot shows the WIPO Patentscope interface for patent US20090070297. The page title is "1. (US20090070297) Apparatus and Method for Performing Analyses on Data Derived from a Web-Based Search Engine". The interface includes a search bar, navigation tabs for "National Biblio. Data", "Description", "Claims", "Drawings", and "Documents", and a "Machine translation" button. The patent details are as follows:

Office :	United States of America		
Application Number:	12175917	Application Date:	18.07.2008
Publication Number:	20090070297	Publication Date:	12.03.2009
Publication Kind :	A1		
IPC:	G06F 7/06 (P) G06F 17/30		
Applicants:	IPVISION, INC.		
Inventors:	Hadzima, JR, Joseph G. Albrecht Paul Toong Hoo-Min D.		
Agents:	BROMBERG & SUNSTEIN LLP		
Priority Data:			
Title:	(EN) Apparatus and Method for Performing Analyses on Data Derived from a Web-Based Search Engine		
Abstract:	(EN)		

Типовые композиционные блоки патента
Standard elements of a patent

На вкладке *National Biblio. Data* представлена следующая библиографическая информация: номер патента, ведомство, зарегистрировавшее заявку на патент, заявители, авторы изобретения, агенты, название, а также реферат патента.

На вкладке *Description* (Описание) представлены такие типовые композиционные блоки патента, как *Related Applications* (Родственные заявки) и *Technical field* (Область (технического) применения / Область изобретения), а также *Background Art* (Уровень техники/ Предпосылки изобретения). В блоке *Summary of the Invention* (Сущность изобретения) приводится описание изобретения, а в разделе *Brief Description of the Drawings* (Краткое описание чертежей) и *Detailed Description of Specific Embodiments* (Описание конкретных внедрений) – непосредственно чертежи.

На вкладке *Claims* (Формула изобретения) присутствуют разъяснения по методологии; а на вкладках *Drawings* (Чертежи) и *Documents* (Документы) – соответствующая информация о графических материалах и документах.

Таким образом, композиционные блоки жанра патента составляют структуру, позволяющую последовательно передать всю релевантную информацию, причем как в вербальной, так и невербальной форме на примере чертежей.

Многокомпонентные коллокации. В рамках данной композиции жанра патента функционируют термины – слова и словосочетания, соотношенные со специальными научными понятиями [СЭСРЯ 2006: 544], а также тематическая лексика.

Анализ показал, что в текстах патентов термины и тематическая лексика могут образовывать многокомпонентные сочетания, реализуя функцию патентов по точному, исключительному интолкованию информированию.

Зависимые уточняющие слова располагаются слева от главного слова, а ограничивать такое сочетание может артикль: *a Web search engine user interface; an enterprise cloud computing platform; the search engine user interface* (WO2017151408: Brief Summary).

С учетом современных воззрений на данное явление такие терминологические сочетания могут именоваться «коллокации». Так, М.В. Влавацкая отмечает следующее: «... коллокация уточняет и конкретизирует значение слов, которые ее образуют. Точное значение слова в любом контексте обусловлено окружением данного слова, т. е. его распространителями (коллокатами), или словами, которые объединены вокруг него и образуют коллокацию» [Влавацкая 2011: 135].

В выдержке из патента US20090070297 далее наблюдается использование коллокаций с количеством существительных от двух до пяти: 0044

FIG. 16 provides an example of highlighting of items in Google Patent search engine results corresponding to a selected item of analysis results, where the analysis results are specified as assignee histogram data (US20090070297: Brief Description of the Drawings) (здесь и далее выделение в примерах жирным шрифтом наше. – Н. С.).

Уточняющими элементами в коллокации также могут выступать имена собственные: *FIG. 1 illustrates a Google Patent Search (Beta) homepage* (US20090070297: Background Art); *An Application Date Analysis sorts the patents by the US patent application filing date* (US20090070297: Detailed Description of Specific Embodiments).

При этом артикли позволяют определить границы таких коллокаций. В следующем предложении коллокация *a Google Patents search results page* из пяти компонентов в единственном (*search*) и множественном числе (*Google Patents, results*) сопровождается неопределенным артиклем: *The result is a list of US patents, as illustrated in FIG. 2, which shows a Google Patents search results page* (US20090070297: Background Art); в примере ниже наблюдается коллокация из четырех элементов с определенным артиклем: *Web search results are ... communicated for presentation in the search engine user interface in the user's Web browser* (WO2017151408: Brief Summary).

Такие многокомпонентные коллокации могут быть распространены уточняющими словосочетаниями, выделенными графически, к примеру, кавычками. В следующих примерах кавычками выделены названия элементов интерфейса программы в виде повелительных и номинативных предложений: *There is also a "sort by relevance" option* (US20090070297: Background Art); *Google Patent Search presents nothing beyond these "search" and "display a patent" features. There is an "advanced search" page but all this does is allow the user to be more specific in his or her search terms* (US20090070297: Background Art).

В качестве графического элемента, объединяющего отдельные элементы в коллокации и указывающего на их смысловые отношения, выступает также дефис, что наблюдаем в примере далее, где дефис используется со словами *computer* и *readable*: *In addition, another embodiment provides one or more computer-readable storage media for storing computer-readable instructions* (US20140149429: Summary).

В примерах ниже синтагматические отношения между лексическими единицами в составе коллокации также отражены за счет использования дефисов: *Query-based Web search engines are useful online services* (US20140149429: Detailed Description); *In one embodiment, the invention provides a computer-implemented method of perfor-*

ming patent analysis on data derived from a web-based search engine (US20090070297: Summary of the Invention).

Помимо этого, коллокации могут быть распространены уточняющими сочетаниями: *positive query-document pairs* and *negative query-document pairs* (US20140149429: Summary); причастиями: *Specialized Search Engines* (US20090070297: Background Art).

Таким образом, функция информирования находит свою манифестацию в многокомпонентных коллокациях, где главное слово уточняется за счет определяющих его компонентов.

Определительные причастные обороты и придаточные предложения. Функция точного информирования определяет также синтаксические особенности патента: предложения могут быть осложнены причастиями и причастными оборотами, определяющими как отдельные лексические единицы, так и их коллокации.

В следующем примере сочетание of-phrase *addresses of all inventors* определяется причастными оборотами с причастиями прошедшего и настоящего времени (Participle I и Participle II), а коллокация *locator icon* определена причастием *having*: *For example, addresses of all inventors listed in such patents and having a common assignee may be indicated on the geographic map by a locator icon having a common icon characteristic. More particularly, addresses of all inventors or assignees listed in such patents and having only expired patents may be indicated on the geographic map by a locator icon having a common icon characteristic* (US20090070297: Summary of the Invention).

Причастия часто сопровождаются наречиями, типичными для официально-делового стиля: *practice of the technology described herein* (WO2017151408: Brief summary); *memory having computer-executable instructions stored thereon* (WO2017151408: Claims).

В роли определений могут выступать предложения, которые вводятся союзом *that*, что наблюдается в следующей выдержке, где словосочетание *a database of documents* определено придаточным предложением: *A Web search engine typically maintains a database of documents that are fetched from the World Wide Web* (WO2017151408: Background).

Примечательно, что лексические единицы, определяемые причастиями, могут следовать друг за другом, образуя последовательности определяемых коллокаций и определительных оборотов: *documents containing keywords specified in the search query* (WO2017151408: Background); *display of advertisements based on at least one item included in at least one of the analysis results and the search results content; data associ-*

ated with the search results content in a computer process according to criteria, specified by a user (US20090070297: Summary of the Invention).

В роли определений могут выступать лексические единицы, являющиеся маркерами официально-делового стиля: к примеру, оборот *pertaining to*, определяющий слово *information* в следующем примере: *By graphically selecting a specific pointer, one can review information pertaining to particular inventors having one or more patents identified by the search engine in the location of the pointer* (US20090070297: Detailed Description of Specific Embodiments).

Определительные предложения могут вводиться также союзом *wherein*, характерным для текстов официально-делового стиля: *The method of claim 1, wherein each of the positive query-document pairs and the negative query-document pairs comprises a query-title pair* (US20140149429: Claims), что типично для композиционного блока *Claims*.

Однородные члены предложения. Реализуя функцию точного информирования в жанре патента, предложения в тексте рассматриваемых патентов осложнены также однородными членами, к примеру, однородными подлежащими и сказуемыми: *Additional objects, advantages, and novel features of the technology described herein will be set forth in part in the description which follows, and in part will become apparent to those skilled in the art upon and because of examination of the following, or may be learned by practice of the technology described herein* (WO2017151408: Brief summary).

В роли однородных дополнений могут выступать как существительные: *including icon selection, color, size, appearance, and shape* (US20090070297: Summary of the Invention); так и герундий: *... the method comprising: receiving a patent search query at a web-based search engine; operating the web-based search engine to make search results content available in response to the search query; analyzing data associated with the search results content in a computer process according to criteria, specified by a user when specifying the search query, to produce analysis results; and causing display, in a client digital computing device, of a web page ...* (US20090070297: Claims).

Встречаются также однородные обстоятельства, например, обстоятельства цели, выраженные инфинитивами: *A computing system comprising: a processor; and computer storage memory having computer-executable instructions stored thereon which, when executed by the processor, configure the computing system to: receive a search query from a user by way of a Web search user interface presented in a Web browser, determine that the user is asso-*

ciated with an enterprise, **determine** an intent of the search query, **retrieve**, based on the search query, Web search results from a Web content data store that stores Web content accessible to a Web search engine, **communicate** the Web search results to the Web browser (WO2017151408: Claims).

Типичны и однородные определения, позволяющие точно передать всю необходимую информацию о том либо ином объекте либо субъекте: *As another example, the address of each inventor or assignee listed in such patents and holding a plurality of patents may be indicated on the geographic map* (US20090070297: Summary of the Invention).

Вводные слова. Точное информирование требует уточнения информации в виде конкретных примеров, и для патентов характерно использование сочетания *for example*: *For example a fix for increasing application server performance by predefined percentage on particular platform might be of no interest for some customers, for example customers not using the particular platform, while being critically important for other customers using the particular platform and waiting for performance improvements* (US20160291964: Background).

В начале предложений в тексте патентов могут встречаться разнообразные уточняющие наречия: *more particularly, in particular, with reference to, additionally (in addition), due to*, а также наречия, характеризующие ход действий: *secondly, finally, etc.*

В следующей выдержке мы наблюдаем использование вводного оборота *for example*, а далее используется оборот *more particularly*: *For example, addresses of all inventors listed in such patents and having a common assignee may be indicated on the geographic map by a locator icon having a common icon characteristic. More particularly, addresses of all inventors or assignees listed in such patents and having only expired patents may be indicated on the geographic map by a locator icon having a common icon characteristic* (US20090070297: Summary of the Invention).

Пояснительные конструкции. В текстах патентов присутствуют пояснительные конструкции, после которых также могут следовать однородные члены предложения, к примеру, *such as, that is, etc.*, а также разъяснения относительно вариантов реализации изобретения *in yet another embodiment, in related embodiment*.

В следующей выдержке коллокация *other internet-capable devices* поясняется как *a personal digital assistant (PDA) and an internet-capable mobile telephone*, а само пояснение предвращается оборотом *such as*: *A digital computing device includes a digital computer system with a browser ap-*

plication capable of executing an applet or JavaScript, as well as other internet-capable devices, such as a personal digital assistant (PDA) and an internet-capable mobile telephone, that can execute an applet or JavaScript (US20090070297: Detailed Description of Specific Embodiments).

Обороты для ввода пояснений могут многократно повторяться в рамках предложения. К примеру, *such as* используется два раза в следующей выдержке: *... including an object oriented programming language such as Java®, Smalltalk, C++, or the like and conventional procedural programming languages, such as the “C” programming language or similar programming languages* (US20160291964: Detailed Description).

Модель реализации функции информирования. Все вышеизложенное позволяет нам представить модель реализации интенции и функции точного информирования в рамках жанра патента, объединяющую сразу несколько уровней: слов и словосочетаний в виде многокомпонентных коллокаций, а также предложений с рядами распространенных однородных членов, составляющих текст патента. Многокомпонентность коллокаций и распространенность предложений характерны для указанных в работе композиционных блоков жанра патента.

Обобщенная модель предложения, типичного для текста патента, могла бы выглядеть следующим образом, при этом в скобки заключены однородные члены, которых может быть несколько: *вводное слово – подлежащее в виде многокомпонентной коллокации – определение – (союз – подлежащее в виде многокомпонентной коллокации – определение) – сказуемое – (союз – сказуемое) – дополнение – определение в виде многокомпонентной коллокации – (союз – дополнение определение в виде многокомпонентной коллокации) – пояснительная конструкция (such as).*

По результатам анализа указанных в материале исследования патентов были выявлены также следующие модели терминологических коллокаций, типичные для патента: *артикульное / указательное местоимение + существительное + существительное ... + существительное с количеством существительных от двух до пяти (a Google Patents search results page); прилагательное / причастие + существительное (Specialized Search Engines); артикульное / указательное местоимение + существительное + дефис + причастие / прилагательное + существительное (a computer-implemented method; Query-based Web search engines); коллокация прилагательного и существительного + существительное (positive query-document pairs); артикульное / указательное местоимение + предложение в кавычках + существительное (these “display a patent” features).*

Заключение

Изучение жанра патента в функциональном аспекте относится к сфере функциональной стилистики и жанроведения и заключается в выявлении и описании признаков текста патента, специфика которых экстралингвистически обусловлена, т. е. обусловлена интенцией автора и соответственно – доминирующей функцией жанра патента – точного информирования. Данная интенционально-функциональная обусловленность находит свою системную манифестацию на уровнях словосочетания, предложения и текста патента.

Полагаем, что данный подход позволяет представить лингвистические особенности патента не просто как набор отдельно взятых составляющих, к примеру, архаизмов и терминов, а как модель, состоящую из взаимосвязанных элементов, реализующих единую функцию.

Список источников

Международные организации и патентные ведомства / Федеральный институт промышленной собственности. URL: <https://www1.fips.ru/elektronnye-servisy/internet-resursy/mezhdunarodnyye-organizatsii-i-patentnye-vedomstva.php> (дата обращения: 12.07.2019).

Espacenet – Patent Search. URL: <https://worldwide.espacenet.com/> (дата обращения: 12.07.2019).

Patentscope – WIPO Patentscope. URL: <https://patentscope.wipo.int/> (дата обращения: 12.07.2019).

US20090070297 – Apparatus and Method for Performing Analyses on Data Derived from a Web-Based Search Engine / WIPO Patentscope. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=US43000585&tab=NATIONALBIBLIO> (дата обращения: 12.07.2019).

US20140149429 – Web Search Ranking / WIPO Patentscope. URL: https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=US97632924&_cid=P20-JY16LH-51894-1 (дата обращения: 12.07.2019).

US20160291964 – Enterprise Wide Software Version Recommendation / WIPO Patentscope. URL: https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=US178079191&_cid=P20-JY16O6-52105-1 (дата обращения: 12.07.2019).

WO2013023030 – Application Performance Analysis That Is Adaptive to Business Activity Patterns / WIPO Patentscope. URL: https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=WO2013023030&_cid=P20-JY16SU-52475-1 (дата обращения: 12.07.2019).

WO2017151408 – Blending Enterprise Content And Web Results / WIPO Patentscope. URL: https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=WO2017151408&tab=PCTBIBLIO&_cid=P20-JY16IZ-51668-1 (дата обращения: 12.07.2019).

Список литературы

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 250–296.

Влавацкая М. В. Теоретические проблемы комбинаторной лингвистики. Лексикология. Лексикография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. 506 с.

Гредина И. В. Перевод в научно-технической деятельности: учеб. пособие. Томск: Изд-во Томск. политехн. ун-та, 2010. 121 с.

Клушина Н. И. Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме // Медиастилистика. 2012. № 4. URL: <http://mediastyle.ru/node/1242> (дата обращения: 18.06.2019).

Коваленко А. Я. Общий курс научно-технического перевода: пособие по переводу с англ. языка на рус. Киев: Фирма ИНКОС, 2003. 320 с.

Малиновская Е. Официально-деловой стиль – его статус, особенности и категории // Стилистика как речеведение: сб. науч. трудов славянских стилистов, посвящ. памяти проф. М. Н. Кожинной / под ред. проф. Л. Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2013. С. 235–243.

Мирских И. Ю. Охрана интеллектуальной собственности в условиях глобализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 3(17). С. 138–144.

Объекты патентного права / Роспатент. Федеральная служба по интеллектуальной собственности. URL: <https://rupto.ru/ru/objects-of-patent-rights> (дата обращения: 12.07.2019).

Патенты / Всемирная организация интеллектуальной собственности. URL: https://www.wipo.int/patents/ru/faq_patents.html (дата обращения: 12.07.2019).

СЭСРЯ. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.

Триноженко М. Д., Гончарова Ю. Л. Специфика перевода патентной литературы // Молодой исследователь Дона. 2016. Вып. 1(1). С. 1–6. URL: <http://mid-journal.ru/upload/iblock/63f/63fb0dab8c82800b766fbc77bf47dbd2.pdf> (дата обращения: 12.07.2019).

Троянская Е. С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М.: Наука, 1984. С. 16–27.

Федорова М. А. Жанровый подход к развитию культуры научной речи // Омский научный вестник. 2014. Вып. 3(129). С. 101–104.

Шершукова Н. В. Особенности перевода научно-технических текстов (на примере перевода патентов) // Филологические науки. Вопросы

теории и практики. 2017. Вып. 3(69): в 3 ч. Ч. 2. С. 182–184.

Шугурова И. В. Международно-правовая охрана изобретения как объекта промышленной собственности: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 220 с.

Cascini G., Neri F. Natural Language Processing For Patents Analysis and Classification. January 2010. URL: https://www.researchgate.net/publication/233869234_Natural_language_processing_for_patents_analysis_and_classification (дата обращения: 12.07.2019).

Darren Hsin-hung Lin a, Shelley Ching-yu Hsieh. The Specialized Vocabulary of Modern Patent Language: Semantic Associations in Patent Lexis [Electronic Resource] // The Proceedings of the 24th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation (PACLIC). 2010. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/Y10-1047> (дата обращения: 12.07.2019). P. 417–424.

Routledge Encyclopedia of Translation Studies / ed. by Mona Baker and Gabriela Saldanha. Second edition. Routledge. Taylor and Francis Group. L.; N. Y., 2011. 674 p.

References

Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Bakhtin M. M. The aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, pp. 250–296. (In Russ.)

Vlavatskaya M. V. Teoreticheskie problemy kombinatornoy lingvistiki. Leksikologiya. Leksikografiya [Theoretical issues of combinatorial linguistics. Lexicology. Lexicography]. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University Press, 2011. 506 p. (In Russ.)

Gredina I. V. Perevod v nauchno-tehnicheskoy deyatel'nosti: uchebnoe posobie [Translation in the research and development field: Textbook]. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Press, 2010. 121 p. (In Russ.)

Klushina N. I. Intentsional'nyy metod v sovremennoy lingvisticheskoy paradigme [Intentional method in the modern linguistic paradigm]. *Media-stilistika* [Media Stylistics], 2012, issue 4. Available at: <http://mediascope.ru/node/1242>. (accessed 18.06.2019). (In Russ.)

Kovalenko A. Ya. Obshchiy kurs nauchno-tehnicheskogo perevoda: Posobie po perevodu s angl. yazyka na rus. [The general course in scientific and technical translation: Textbook on translation from English into Russian]. Kiev, Firma INKOS Publ., 2003. 320 p. (In Russ.)

Malinovskaya E. Ofitsial'no-delovoy stil' – ego status, osobennosti i kategorii [The official business style – its status, features and categories]. *Stilistika*

kak rechevedenie: Sbornik nauchnykh trudov slavyanskikh stilistov, posvyashchenny pamyati professora M. N. Kozhinoy [Stylistics as speech studies: Collection of scientific works of Slavic stylisticians dedicated to the memory of professor M. N. Kozhina]. Ed. by Professor L. R. Duskaeva. Moscow, Flinta Publ., 2013, pp. 235–243. (In Russ.)

Mirskikh I. Yu. Okhrana intellektual'noy sobstvennosti v usloviyakh globalizatsii [Intellectual property protection in conditions of globalisation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2012, issue 3(17), pp. 138–144. (In Russ.)

Ob'ekty patentnogo prava [Objects of patent law]. *Rospatent. Federal'naya sluzhba po intellektual'noy sobstvennosti* [Rospatent. Federal Service for Intellectual Property]. Available at: <https://rupto.ru/ru/objects-of-patent-rights> (accessed 12.07.2019). (In Russ.)

Patenty [Patents]. *Vsemirnaya organizatsiya intellektual'noy sobstvennosti* [World intellectual property organization]. Available at: https://www.wipo.int/patents/ru/faq_patents.html (accessed 12.07.2019). (In Russ.)

Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka [The stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Ed. by M. N. Kozhina. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006. 696 p. (In Russ.)

Trinozhenko M. D., Goncharova Yu. L. Spetsifika perevoda patentnoy literatury [Specific nature of translating patent literature]. *Molodoy issledovatel' Dona* [Young Researcher of the Don], 2016, issue 1(1), pp. 1–6. Available at: <http://mid-journal.ru/upload/iblock/63f/63fb0dab8c82800b7-66f6e77bf47dbd2.pdf> (accessed 12.07.2019). (In Russ.)

Troyanskaya E. S. Polevaya struktura nauchnogo stilya i ego zhanrovyykh raznovidnostey [Field structure of scientific style and its genre variations]. *Obshchie i chastnye problemy funktsional'nykh stiley* [General and specific issues of functional styles]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 16–27. (In Russ.)

Fedorova M. A. Zhanrovyy podkhod k razvitiyu kul'tury nauchnoy rechi [Genre approach to academic literacy development]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2014, issue 3(129), pp. 101–104. (In Russ.)

Shershukova N. V. Osobennosti perevoda nauchno-tehnicheskikh tekstov (na primere perevoda patentov) [Specific features of scientific-technical translation (by the example of patent translations)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2017, issue 3(69) in 3 pts., pt. 2, pp. 182–184. (In Russ.)

Shugurova I. V. Mezhdunarodno-pravovaya okhrana izobreteniya kak ob"ekta promyshlennoy sobstvennosti. Diss. kand. jurid. nauk [International legal protection of an invention as an industrial property object. Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2003. 220 p. (In Russ.)

Cascini G., Neri F. *Natural language processing for patents analysis and classification*. January 2010. Available at: https://www.researchgate.net/publication/233869234_Natural_language_processing_for_patents_analysis_and_classification (accessed 12.07.2019). (In Eng.)

Darren Hsin-hung Lin, Shelley Ching-yu Hsieh. The specialized vocabulary of modern patent language: Semantic associations in patent lexis. *The Proceedings of the 24th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation (PACLIC)*. 2010, pp. 417–424. Available at: <https://www.aclweb.org/anthology/Y10-1047> (accessed 12.07.2019). (In Eng.)

RETS. Routledge encyclopedia of translation studies. Ed. by Mona Baker and Gabriela Saldanha. 2nd ed. London and New York, Routledge, Taylor and Francis Group, 2011. 674 p. (In Eng.)

THE INTENTIONAL AND FUNCTIONAL APPROACH TO DESCRIBING THE LINGUISTIC FEATURES OF THE ENGLISH-LANGUAGE PATENT

Natalya V. Sokolova

**Associate Professor in the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation
Perm National Research Polytechnic University**

29, Komsomolskiy prospekt, Perm, 614990, Russian Federation. ntlk0@mail.ru

SPIN-code: 2391-7440

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0550-2272>

ResearcherID: K-4038-2018

Submitted 04.09.2019

The intentional and functional approach is taken to describe the linguistic features of the English-language patent which are viewed upon as the result of the author's communicative intention and the patent function respectively, while the genre is understood as a text-building model.

The goal is to identify linguistic features of different levels present in the text of patents under study, resulting from the author's intention and the genre function as well as being typical of patents.

The methodology is as follows: 1) identifying the author's communicative intention; 2) identifying the communicative function resulting from the author's intention; 3) describing linguistic features of different levels carrying out the communicative function in the text, that is, undertaking the functional and stylistic analysis.

The theoretical assumptions are demonstrated drawing upon information technology patents, while patents are understood to be a peripheral genre of the scientific style and part of the scientific and official substyle.

Patents are part and parcel of the patent law evidencing the owner's right for a specific scientific and technical invention. The author's extralinguistic goal, or intention, is to convey new knowledge about the invention in a precise form, which results in the informative function of the patent genre, manifesting itself at the lexical, syntactical, and textual levels in the form of the following linguistic features: multicomponent collocations of terms expanded with participle constructions and subordinate clauses; multi-predicate sentences expanded with homogenous parts; as well as the patent-specific composition.

The intentional and functional approach allows for describing the linguistic features of patents not only as a set of individual units, such as archaisms, officialese, and terms, but as a model composed of inter-related and intertwined components.

Key words: functional style; function; text; patent; term.

УДК 81'25 (811.581+811.161.1)
doi 10.17072/2073-6681-2019-4-62-67

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ «БЕСЕД И СУЖДЕНИЙ (ЛУНЬЮЙ)» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Тянь Юйвэй

д. филол. н., лектор кафедры русского языка

Хэйлунцзянский университет

150001, Китай, г. Харбин, ул. Сюефу, 74. tianyuwei9099@163.com

SPIN-код: 4211-3730

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9391-3762>

Статья поступила в редакцию 04.09.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Тянь Юйвэй. Особенности переводов «Бесед и суждений (Луньюй)» на русский язык // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 62–67. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-62-67

Please cite this article in English as:

Yuwei Tian. Osobennosti perevodov «Besed i suzhdeniy (Lun'yuy)» na russkiy yazyk [‘The Analects of Confucius’: Specific Features of Translation into Russian]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 4, pp. 62–67. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-62-67 (In Russ.)

Конфуций – известный китайский просветитель, мыслитель и основатель особой религиозно-философской системы (конфуцианства); и сегодня суть его мыслей по-прежнему влиятельна в Китае и в мире. «Лунь юй» – один из основополагающих текстов конфуцианства, составленный учениками Конфуция из кратких заметок, а также диалогов с его участием. Сравнение с численностью переводов других китайских классиков показывает, что количество переводов и исследований перевода «Лунь юй» самое большое. С началом российской миссии в Китае в XVIII в. русские синологи стали переводить и интерпретировать китайскую конфуцианскую классику. Целью оригинального перевода «Бесед и суждений (Луньюй)» было ознакомление русских читателей с конфуцианством и его классическими произведениями. После появления первого перевода «Бесед и суждений (Луньюй)» все больше русских синологов начинают проявлять интерес к конфуцианству и знание о нем постепенно распространяется в мире. Будучи классическим трудом конфуцианства, «Беседы и суждения (Луньюй)» подробно объясняют суть идей конфуцианства. Поэтому в конфуцианской классике переводы и исследовательские работы, касающиеся «Бесед и суждений (Луньюй)», тоже являются популярными. Переводы и результаты исследований всех синологов оказали положительное влияние на конфуцианство, а также на распространение древней китайской традиционной культуры в зарубежных странах. Однако переводчики имеют различное культурное происхождение и уровень знаний, поэтому разные переводы различаются своими достоинствами. В данной статье делается попытка проследить историю русских переводов «Бесед и суждений (Луньюй)», а также проанализировать характер этих переводов и сопоставить их, чтобы определить закономерности их развития и контекст.

Ключевые слова: Конфуций; «Беседы и суждения»; русские переводы; история перевода; методика перевода.

1. Краткая история русских переводов «Бесед и суждений (Луньюй)»

1.1. XVIII в. – 1921 г.

В 1741 г. была основана Российская академия наук. И. К. Россохин был назначен переводчиком при академии и преподавателем во-

сточных языков в академической гимназии. В процессе обучения, основанного на традиционных китайских методах преподавания, помимо заданий по запоминанию классики он также давал студентам переводить многочисленные китайские классические произведения. Рукопись «Четыре книги» (в ней содержатся «Бесе-

ды и суждения (Луньюй)» (四书), переведенная студентом Я. Волковым, стала самым ранним русским переводом «Четырех книг».

Чтобы изучить китайское конфуцианство и древнюю китайскую философию, в XVIII в. русские православные миссии отправились в Пекин, и из миссии образовалась первая группа конфуцианских экспертов в области культурологии, возглавлял девятую русскую православную миссию Н. Я. Бичурин. Как классика конфуцианства «Четыре книги», естественно, стали учебным материалом для тех, кто хотел овладеть китайским языком и понять древнюю китайскую культуру. Бичурин считал, что «Четыре книги» являются классикой китайского богословия и философии и поэтому должны использоваться на уровне базового образования для студентов. После изучения данной книги и китайского языка перевод китайской классики стал одним из основных направлений деятельности миссии. С тех пор перевод и исследование классики вошли в число важнейших задач русской традиционной синологии и заложили основу перевода конфуцианских трудов в России.

По сравнению с исследованием И. К. Россихина и его учеников перевод Н. Я. Бичурина имеет более высокую степень завершенности, была значительно улучшена и точность понимания конфуцианских концепций. Поскольку Бичурин пришел к пониманию того, что конфуцианская классика была написана на китайском языке, а маньчжурская и монгольская классика были в основном переведены с китайского, он отказался от изучения маньчжурского языка и сосредоточил внимание на изучении китайского языка. Соответственно его работы прямо переведены с китайского на русский, что отличает их от перевода предыдущего переводчика (с маньчжурского на русский язык), – это снизило потерю информации и повысило точность перевода.

Позже В. П. Васильев, будучи членом двенадцатой миссионерской группы, отправился в Китай для изучения конфуцианской культуры, а затем стал основателем русской петербургской школы. В 1868 г. он опубликовал трехтомный учебник «Китайская хрестоматия, изданная для руководства студентов В. П. Васильевым», второй том которого включал в себя «Луньюй». В помощь студентам в том же году В. П. Васильев опубликовал три комплекта вспомогательных аналитических учебников, которые содержали перевод и объясняли исходный текст дословно. Классики конфуцианства положительно оцениваются в «Очерке истории китайской литературы (中国文学史纲要)». Считается, что работа В. П. Васильева является «самой ранней историей китайской литературы» [Li Mingbin 2008: 44].

Ученик В. П. Васильева, А. С. Попов, находился под сильным влиянием своих учителей и также занимался изучением конфуцианства. После того как А. С. Попов стал Генеральным консулом в Пекине, он выполнил и опубликовал новый перевод «Луньюй» (1910). Поскольку в его работе содержался не только перевод оригинального текста «Луньюй», но и переводы комментариев к «Луньюй», в то время эта книга считалась наиболее полным и влиятельным переводом. А. С. Попов изучал перевод В. П. Васильева во время своего обучения в университете, однако, поскольку этот перевод использовался только в качестве основного учебного пособия для преподавания, он выбрал вариант «Луньюй» с более подробными примечаниями, работая над своим переводом [Yan Guodong 2007: 467]. Поэтому перевод А. С. Попова является более точным, и каждая глава объясняется дословно: стиль перевода и его язык просты, и читателям его легко читать. Он также использовался в качестве учебника для факультета восточных языков.

1.2. 1921–1991 гг.

В. М. Алексеев считал, что в толковании «Луньюй» А. С. Поповым существуют проблемы, например, нечеткая интерпретация терминов; поэтому в 1921 г. он выполнил свой перевод «Луньюй», но по историческим и политическим причинам были переведены только первые три главы. В дополнение к переводу оригинального текста данный перевод содержит полные комментарии Чжу Си. Комплект комментариев Чжу Си основан на теории семьи и его собственной оценке «Луньюй». В. М. Алексеев перевел не только комментарий Чжу Си, но и оценку Чжу Си каждого из аналектов. Поскольку автор начинает с цели ознакомления с китайской литературой, то целью его перевода является всестороннее объяснение языковых особенностей конфуцианской идеологии, коннотации китайской культуры и т. д. По сравнению с переводами, ранее используемыми в учебных целях, его перевод является более полным.

В последующие 20 лет по политическим причинам переводческая работа по «Луньюй» постепенно замирает [Liu Lifan 2014: 5]. В период до 1959 г. Н. И. Конрад публиковал переводы некоторых глав «Луньюй» в «Избранных произведениях китайской литературы». Изучение конфуцианства постепенно возобновляется. В 1958 г. Н. И. Конрад работал в Институте восточных языков Академии наук СССР, на следующую год он опубликовал книгу «Хрестоматия китайской литературы», в которую вошли русские переводы некоторых глав «Луньюй». Позднее перевод был включен в книгу 1973 г.

«Поэзия и проза Древнего Востока». Перевод этого материала представлен в виде антологии, которая служит только введением в китайскую литературу, поэтому в этом издании меньше комментариев и пояснений к комментариям.

Л. Д. Позднеева включила перевод «Луньюй» в «Хрестоматию по истории Древнего Востока» 1963 г. Книга содержит литературные произведения из восьми стран, включая Египет, Индию, Иран, Китай и др. Большая часть китайских литературных произведений переведена самой Л. Д. Позднеевой. Она училась в Ленинградском университете на факультете восточных языков и перевела более десяти классических произведений, в числе которых «Луньюй» и «Менций». Поскольку в то время Китай испытывал влияние движений новой культуры, изучение конфуцианства было не таким активным, как раньше, поэтому изучение конфуцианства и в Советском Союзе тоже замедлилось. В этот период большинство переводов были переводами китайской поэзии и прозы.

Из конфуцианских произведений этого периода видно, что переводы «Луньюй» Позднеевой и Конрада включены как фрагменты в подборку произведений восточной литературы и не представлены как отдельные произведения. Переводчики здесь более склонны к буквальному переводу, т. е. стараются сохранить исходную структуру предложений и их значение без изменений. По сравнению с переводами предыдущего периода, их полнота постепенно уменьшается, сокращаются комментарии и исследования по переводу. Как известно, исследования и переводы «Луньюй» этого периода практически замирают.

В дополнение к монографиям переводы «Луньюй» выполнялись и изучались как материалы для понимания содержания философских идей. В 1972 г. «Беседы Конфуция» в переводе В. А. Кривцова были опубликованы в книге «Древнекитайская философия в 2 томах». Во введении переводчик впервые подчеркнул важность Конфуция и конфуцианства для Китая, показал возникновение и развитие данной философской системы, а также указал на роль «Луньюй» во времена различных исторических династий Китая. Поскольку перевод В. А. Кривцова включен в философские монографии, его содержание смещено в сторону толкования коннотаций отдельных ключевых терминов в аспекте философской классики.

Позднее, в 1982 г., А. М. Карапетьянц опубликовал книгу «Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики», которая знакомит с развитием исследований конфуцианской мысли в различные периоды существования Советского Союза, с традиционными философскими концепциями,

терминологическими системами и др. [Делюсин 1982]. В ней также рассматривается развитие конфуцианства в различные исторические периоды, особенно социальная деятельность китайского антиконфуцианства в начале XX в. (в статье «Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий»), но главные идеи этой работы основаны на изучении исследований китайских историков или философов, поэтому в ней мало информации, связанной с переводом.

До 1987 г. Был сделан перевод «Луньюй» И. И. Семененко, который нарушил медленное развитие перевода конфуцианских произведений; его переводы стали неоднократно переиздаваться (1987, 2009, 2013, 2014, 2015). И. И. Семененко окончил факультет азиатских и африканских языков Московского университета, его перевод «Луньюй» явился важным документом в изучении конфуцианских произведений. Он исходил из того, что «Луньюй» – это законченная работа. Рассматривая текст оригинала как классику конфуцианства, автор сосредоточил внимание на сохранении первоначальной формы, считая, что не должно изменять внешнюю структуру перевода и произведение должно интерпретироваться как полный текст.

Мастерство переводчиков «Луньюй» на этом историческом этапе постепенно повышалось, качество переводов улучшалось, а число публикаций переводов постепенно увеличивалось. Методы перевода также совершенствовались в сравнении с таковыми предшественников.

1.3. 1991 г. – настоящее время

Л. И. Головачёва – синолог и переводчик, ее основные научные интересы – традиционная китайская философия (конфуцианство, даосизм) и ее функционирование в современном обществе. В 1992 г. в журнале «Рубеж» был опубликован новый русский перевод «Бесед Конфуция». Ею Л. И. Головачёва заложила основу для проведения дальнейших исследований [Головачёва 1992]. В том же году В. В. Малявин опубликовал свой перевод «Луньюй». В. В. Малявин – русский синолог, который преподавал в Московском университете, переводил многие произведения древней китайской классики, занимался ее комментированием, а также пытался раскрыть ее коннотации. Он глубоко исследовал идеологию Конфуция и подчеркнул философскую, эстетическую и социальную природу конфуцианства. В своей книге «Жизнь замечательных людей: Конфуций» (1992) [Алексеев 2003] он резюмировал и комментировал жизнь Конфуция, а в конце книги дал приложение – частичный перевод «Луньюй», отметив, что данный перевод основан на переводе П. С. Попова.

Опираясь на переводы и методы перевода предшественников, синолог Л. С. Переломов в 1998 г. опубликовал новый русский перевод «Луньюй», который стал самым популярным, – это «Аналекты переводчика». В своей серии переводов и работ он постоянно помещает все новые комментарии и излагает новые мысли о конфуцианстве.

В книге «Конфуций: жизнь, учение, судьба» [Переломов 1993], автор подчеркивает важность перевода комментариев для точного понимания читателем оригинального текста и конфуцианства в целом. В третьей главе представлен его русский перевод. Автор считает, что основная цель в процессе перевода и исследования заключается в том, чтобы правильно понять значение конфуцианских терминов в тексте. Так, из «Луньюй» было отобрано 20 основных терминов конфуцианства и произведено сравнение толкований этих 20 терминов в восьми словарях и переводах других сиологов (И. И. Семенов, П. С. Попов и др.).

А. С. Мартынов прокомментировал перевод Л. С. Переломова в работе «Переломов: Конфуцианство», опубликованной в 1998 г. [Мартынов 1998]. Прежде всего автор подтвердил социальный статус и важность перевода, остановившись на способе и роли аннотаций в переводе Л. С. Переломова. Во-вторых, он поставил под сомнение некоторые конфуцианские термины, переведенные Переломовым. В то же время интерпретация этих конфуцианских терминов и соответствующих переводов осуществляется в контексте традиционных конфуцианских идей и культурно-исторического фона. Основываясь на теоретическом анализе, А. С. Мартынов в 2001 г. опубликовал работу «Конфуцианство. Луньюй», подробно объяснив конфуцианство, жизнь и основные идеи Конфуция. Книга разделена на два тома: в первом томе автор знакомит читателя с жизнью и доктриной Конфуция и прослеживает влияние конфуцианства в политической и литературной областях, во втором – представлен перевод «Луньюй».

В 2000 г. свой перевод «Луньюй» опубликовал А. Е. Лукьянов [Лукьянов 2000]. Он изучал древнекитайские философские идеи и участвовал в составлении «Словаря философской энциклопедии», который посвящен сравнительному изучению идеологической русской и китайской культуры. Проще говоря, перевод Лукьянова похож на набор поэтических текстов и разбит на определенные разделы. Из-за формальных ограничений перевод отличается более лаконичным языком.

В этот период в связи с постоянным углублением понимания и расширением потребностей читателей постепенно меняется методика пере-

вода «Луньюй». Она не ограничивается соответствием значений, наследованием идеологических коннотаций, но на этой основе прослеживается стремление к эквивалентности форм, т. е. аналекты переводятся с учетом риторических и стилистических особенностей.

2. Эволюция и перспективы перевода

2.1. Переведенная форма: учебники, монографии

Начиная с XVIII в. русские цари отправляли в Китай миссии, которые проявляли большой интерес к конфуцианской классике. Следовательно, ранние переводы [Бичурин 1820; Васильев 1868; Попов 1910; Алексеев 1921] были созданы миссионерами, главной целью которых было как можно полнее изучить китайский язык, получить представление об истории Китая, проникнуться культурными идеями и т. д. Миссионеры привезли оригиналы «Луньюй» на родину и использовали их перевод как учебник в качестве материала для практического перевода и обучения методам перевода.

Практика перевода обусловила потребность читателей в понимании культурного контекста, и «Луньюй» использовался для его изучения; с его помощью студенты могли точнее понять конфуцианскую культуру и идеологические коннотации. Методы исследования менялись от простого обзора перевода к изучению конфуцианства. По целям современные переводы «Луньюй» также отличаются от учебников начала XIX в. В конце XX в. ученые все больше стали обращать внимания на перевод примечаний «Луньюй», как следствие, появляется больше монографий, посвященных исследованию «Луньюй», и больше его публикаций.

2.2. Стратегии перевода: от буквального перевода к свободному переводу

Из анализа работ переводчиков-предшественников приходит более глубокое понимание «Луньюй», и метод перевода не ограничивается буквальным переводом. Постепенно увеличивается доля работ, выполненных в русле свободного перевода. По сравнению с буквальным переводом, свободный перевод облегчает читателю понимание исходного текста и позволяет избежать двусмысленности. По мере того как читатели углубляют свое понимание конфуцианской культуры, стратегии перевода постепенно отходят от буквального перевода и перевес свободного перевода становится логичным.

Вывод

Данная статья основана на изучении истории русскоязычных переводов «Луньюй»; в ней анализируются исследования и разработки русской

версии «Луньюй» на разных исторических этапах и прослеживается влияние различных исторических предпосылок на мышление переводчика. Анализ русскоязычных переводов «Луньюй» разных эпох позволяет наблюдать эволюцию трех аспектов:

1) изменение формы: переведенный на русский язык текст как учебник – как избранное литературное чтение – как философское чтение – как материал монографии;

2) акцентирование перевода: на содержании – на форме – на риторических особенностях;

3) метод перевода: буквальный перевод – свободный перевод.

Список литературы

Конфуций. Луньюй. Пекин: Китайское изд-во, 2006. 191 с. 孔子. 论语. 北京: 中华书局, 2006, 191 p. (Kong zi. lun yu. bei jing: zhong hua shu ju, 2006. 191 p.)

Ли Минбинь. История русской синологии. Чжэнчжоу: изд-во Китая Дасян, 2008. 276 с. 李明滨. 俄罗斯汉学史. 郑州: 大象出版社, 2008. 276 p. (Li ming bin. e luo si han xue shi. zheng zhou: da xiang chu ban she, 2008. 276 p.)

Лю Лифэн. Переводы «Луньюй» в России // Иностранные языки в Китае. 2014. № 5. С. 96–103 с. 刘丽芬. 《论语》翻译在俄罗斯. 中国外语, 2014(5). P. 96–103 (Liu li fen. lun yu fan yi zai e luo si. zhong guo wai yu. 2014(5). P. 96–103)

Чжу Си. Комментарий «Суждения и беседы». Пекин: Коммерческое изд-во Китая, 2015. 300 с. 朱熹. 论语集注. 北京: 商务印书馆, 2015. 300 p. (Zhu xi. lun yu ji zhu. bei jing: shang wu yin shu guan, 2015. 300 p.)

Ян Годон. Очерк истории русской синологии. Пекин: Изд-во народа, 2007. 731 с. 阎国栋. 俄国汉学史. 北京: 人民出版社, 2007. 731 p. (Yan guo dong. e guo han xue shi. bei jing: ren min chu ban she, 2007. 731 p.)

Алексеев В. М. Труды по китайской литературе. М.: Восточная литература, 2003. Кн. 2. 514 с.

Беседы и суждения Конфуция. СПб.: ООО Изд-во Терция, 2001. 1119 с.

Головачева Л. И. Беседы и суждения Конфуция // Рубеж. 1992. № 1. С. 259–310.

Делюсин Л. П. Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики. М.: Наука, 1982. 264 с.

Конфуций. Суждения и беседы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 224 с.

Кривцов В. А. (пер.) Лунь Юй. Древнекитайская философия // Кривцов А. А. Собрание текстов: в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 1. 363 с.

Лукьянов А. Е. Конфуций Луньюй. М.: Восточная литература РАН, 2000. 384 с.

Малявин В. В. Конфуций. М.: Молодая гвардия, 1992. 336 с.

Мартынов А. С. Классическое Конфуцианство: в 2 т. Т. 1: «Лунь Юй». СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 368 с.

Переломов Л. С. Конфуций: Лунь Юй. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 588 с.

Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М.: Наука, 1993. 440 с.

Протоиерей О. К. История религий. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2016. 776 с.

References

Confucius. *Lun' Yuy* [The Analects]. Beijing, Zhonghua Book Company Publ., 2006. 191 p. (In Chin.)

Li Mingbin. *Istoriya russkoy sinologii* [The history of Russian sinology]. Zhengzhou, Elephant Publ., 2008. 276 p. (In Chin.)

Lyu Lifen. *Perevody 'Lun' Yuy' v Rossii* [Translations of 'The Analects' In Russia], *Foreign Languages in China*, 2014, issue 5, pp. 96–103. (In Chin.)

Zhu Xi. *Kommentariy 'Suzhdeniya i besedy'* [Variorum edition of 'The Analects']. Beijing, The Commercial Press, 2015. 300 p. (In Chin.)

Yan Guodong. *Ocherk istorii russkoy sinologii* [Essays on the history of Russian sinology]. Beijing, People's Publishing Press. 2007. 731 p. (In Chin.)

Alekseev V.M. *Trudy po kitayskoy literature* [Papers on Chinese literature]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003. 514 p. (In Russ.)

Besedy i suzhdeniya Konfutsiya [The Analects of Confucius]. St. Petersburg, Tertsiya Publ., 2001. 1119 p. (In Russ.)

Golovacheva L. I. *Besedy i suzhdeniya Konfutsiya* [The Analects of Confucius]. *Rubezh* [Frontier], 1992, issue 1, pp. 259–310. (In Russ.)

Delyusin L. P. *Konfutsianstvo v Kitae: problemy teorii i praktiki* [Confucianism In China: Issues of theory and practice]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 264 p. (In Russ.)

Confucius *Suzhdeniya i besedy* [The Analects]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2011. 224 p. (In Russ.)

Krivtsov V. A. (transl.) *Lun' yuy. Drevnekitayskaya filosofiya* [The Analects. Ancient Chinese Philosophy]. *Krivtsov V. A. Sbranie tekstov: v 2 t.* [Krivtsov V. A. Collection of texts in 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1972, vol. 1. 363 p. (In Russ.)

Luk'yanov A. E. *Konfutsiy Lun' Yuy* [Confucius 'The Analects']. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 2000. 384 p. (In Russ.)

Malyavin V. V. *Konfutsiy* [Confucius]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1992. 336 p. (In Russ.)

Martynov A. S. *Klassicheskoe Konfutsianstvo: v 2 t.* [Classical Confucianism. In 2 vols.]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2001, vol. 1. Lun' Yuy [The Analects]. 368 p. (In Russ.)

Perelomov L. S. *Konfutsiy: Lun' Yuy* [Confucius: The Analects]. Moscow, Moscow University Press, 1998. 588 p. (In Russ.)

Perelomov L. S. *Konfutsiy: zhizn', uchenie, sud'ba* [Confucius: life, doctrine, destiny]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 440 p. (In Russ.)

Protoierey O. K. *Istoriya religiy* [History of religions]. Moscow, St. Cyril and Methodius Institute of Post-Graduate Studies Press, 2016. 776 p. (In Russ.)

‘THE ANALECTS OF CONFUCIUS’: SPECIFIC FEATURES OF TRANSLATION INTO RUSSIAN

Yuwei Tian

Lecturer in the Department of Russian Language

Heilongjiang University

74, Xuefu road, Harbin, 150001, China. tianyuwei9099@163.com

SPIN-code: 4211-3730

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9391-3762>

Submitted 04.09.2019

Confucius is a famous Chinese enlightener, thinker and the founder of Confucianism; today his teachings are still influential not only in China but worldwide. *The Analects of Confucius* is a classic Confucian work, it plays an extremely important role in the history of Chinese and world literature and ideology. *The Analects* was compiled by the disciples of Confucius and is composed of sayings, records of Confucius's deeds and dialogues with him. If compared with other Chinese classic papers, translated versions and translation studies of *The Analects of Confucius* are the greatest in number. Russian sinologists began translating and interpreting Chinese Confucian classics in the 18th century, when Russian mission was established in China. The purpose of the original translation of *The Analects* was the acquaintance of Russian readers with Confucianism and its classical works. After the first translation, more and more Russian sinologists turned attention to Confucianism, and this teaching was gradually recognized and understood by the world. Being the classic work of Confucianism, *The Analects* fully explains thoughts and ideas of this school. Thus, in Confucian classics, translations and research papers devoted to *The Analects* are also popular. Translations and research results of all sinologists have had a positive effect on Confucianism and even on the dissemination of ancient Chinese traditional culture in foreign countries. It should be noted that translators are representatives of different epochs, they have different cultural background and level of knowledge, so different translations have their own specific merits. This article attempts to trace the history of Russian translation of *The Analects*, as well as to compare and analyze the characteristics of the translations in order to present their development patterns and context.

Key words: Confucius; *The Analects*; Russian translations; translation history; translation method.

УДК 81'25

doi 10.17072/2073-6681-2019-4-68-83

ПОНЯТИЕ «ОБРАЗ» В РЕФРАКЦИОННОЙ МОДЕЛИ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Наталья Валерьевна Шутёмова**д. филол. н., профессор кафедры лингвистики и перевода****Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. lingconf14@mail.ru

SPIN-код: 6361-4981

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4188-0310>*Статья поступила в редакцию 09.09.2019***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Шутёмова Н. В. Понятие «образ» в рефракционной модели поэтического перевода // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 68–83. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-68-83***Please cite this article in English as:***Shutemova N. V. Ponyatie «obraz» v refraktsionnoy modeli poeticheskogo perevoda [The Notion of Image in the Refraction Model of Poetry Translation]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 4, pp. 68–83. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-68-83 (In Russ.)*

Рассматриваются процессы, связанные с изменением образности поэтического произведения при репрезентации его сущности в принимающей культуре. Образность трактуется как типологическое свойство художественного текста, генерируемое в процессе художественного осмысления ценностного аспекта отношения «человек – мир», мотивированное художественной концепцией автора, объективируемое в художественной языковой форме. В единстве со свойствами идейности, эмотивности и художественной языковой формы образность составляет типологическую доминанту художественного текста, понимаемую как его сущность. Необходимость репрезентации сущности оригинала в переводной культуре обуславливает актуальность передачи образности авторского художественного мышления, что составляет переводческую трудность, преодоление которой требует поиска творческих решений. В статье рассматривается трактовка понятия «образ» в переводоведении, дается его определение с философско-эстетических позиций, характеризуются процессы, связанные с репрезентацией образности оригинала при переводе. Изменение образности ИТ при репрезентации его сущности в ПТ трактуется в терминах рефракционной модели художественного перевода в соотношении с метафорическим представлением о степенях «преломления» сущности ИТ в ПТ и соответствующих типах художественного перевода. На основе сопоставительного анализа ИТ и ПТ выявлены следующие процессы, связанные с репрезентацией и «преломлением» образности оригинала в принимающей культуре: относительно полная репрезентация, элиминация, замена образов, образная конкретизация и генерализация, детализация и развитие образности ИТ в ПТ, изменение логики связей между образами.

Ключевые слова: перевод; поэтический текст; типологическая доминанта художественного текста; репрезентация образности; рефракция.

Поэтический перевод, являясь одним из видов творческой деятельности человека по созданию культурных ценностей, направлен на репрезентацию ценностей исходной художественной литературы в принимающей культуре. Он имеет

многовековую историю и способствует взаимобогащению национальных литератур, оказывая влияние на эволюцию мировой культуры в целом. В связи со сложной организованностью поэтического текста «вечной» проблемой перевода

поэзии стала трансляция целостности оригинала в единстве его формы и содержания. Невозможность передать на ПЯ все свойства ИТ обуславливает актуальность поиска его сущности и ее репрезентации при переводе. С философских позиций сущность трактуется как система свойств объекта, определяющих в единстве его специфику, отличие от других объектов. Одним из таких свойств произведения словесного творчества, а также других видов искусства, является образность, что детерминировано соответствующим характером художественного мышления. Образность относится к типологическим свойствам художественного текста, составляющим в единстве его сущность.

Ключевое в искусстве понятие «образ» стало одним из основных в практике и теории поэтического перевода. Актуальность репрезентации сущности оригинала в принимающей культуре обуславливает необходимость передачи образности авторского художественного мышления, что составляет переводческую трудность, преодоление которой требует поиска творческих решений. В данной статье, основываясь на философско-эстетической трактовке понятия «образ», рассмотрим процессы, связанные с трансляцией образности ИТ при репрезентации его сущности на ПЯ.

В переводоведении свойство образности традиционно рассматривается в контексте переводческого анализа оригинала, а также в качестве принципа сопоставительного анализа ИТ и ПТ, что преимущественно характерно для метатекстов-комментариев самих переводчиков и для разработки проблем художественного перевода с позиций литературоведения. Так, в статье «Два “Лесных Царя”» Марина Цветаева сопоставляет вольный перевод, выполненный В. Жуковским, и свой дословный прозаический перевод с целью сравнить образы, созданные Гёте и В. Жуковским. Как полагает М. Цветаева, В. Жуковский создает отличные от оригинала образы отца, который представлен стариком, ребенка, который издрог еще до того, как увидел Лесного Царя, являющегося результатом «брёда, чего нет у Гете, у которого ребенок дрожит от достоверности Лесного Царя» [Цветаева 1987: 305]. Кроме того, М. Цветаева отмечает, что Царь у В. Жуковского – старик, «величественный, “в темной короне, с густой бородой”», а у Гете это существо «неопределенное – неопределимое! – неизвестно какого возраста, без возраста» [там же: 306]. При этом Лесной Царь Гёте, по мнению М. Цветаевой, лучше понимал психологию ребенка, предлагая ему игры, которые более заманчивы, чем обещание богатства Лесным Царем В. Жуковского. Если ответ отца на жалобы ре-

бенка в оригинале М. Цветаева называет «потрясенным, сердцебиенным», «умоляющим, заклинающим» [там же: 307], то в переводе – «олимпийским» [там же], в силу его возвышенности и спокойствия.

Вопросы трансляции образности оригинала осмысляются также в связи с проблемами буквализма и канцелярита, многостильности и ритма оригинала, выбора стратегии передачи его иностранного колорита на ПЯ. Например, Н. Галь отмечает трудность репрезентации образности оригинала при переводе устойчивых выражений, полагая, что «даже малый сдвиг в идиомах может коварно подсунуть сознанию читателя совсем не ту мысль, ощущение, образ, какие имел в виду автор» [Галь 2001: 152]. К. И. Чуковский критически относится к изменению образности «Одиссеи» Гомера в переводах О. И. Сенковского, которое возникло вследствие применения стратегии «антихудожественного русификаторства» [Чуковский 1988: 104–105], и поэзии Шелли в переводах В. Д. Меркурьевой, характеризующихся стремлением к эквиритмии и эквилинерности. Не переданы, с его точки зрения, многостильность и связанная с ней образность комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» в переводах Г. Генри, а также русский колорит известных образов басен И. Крылова в переводах Б. Пэйрса. В то же время переводы, выполненные М. Бэрингом, Р. Хьюиттом, У. Арндтом, Ю. Кейденом, А. Тарковским, С. Липкиным, В. Звягинцевой, характеризуются бережным отношением к оригиналу.

Трудность репрезентации образности также является одним из традиционно исследуемых вопросов теории художественного перевода, где оно развивается в контексте эволюции таких понятий, как эквивалентность, соответствие, адекватность, функция языкового знака, универсальные переводческие приемы. Необходимо отметить, что важную роль в разработке понятия «образ» в переводоведении сыграли стилистические концепции художественного перевода. Так, в трудах А. В. Федорова решается вопрос о способах репрезентации при переводе эстетической функции оригинала и о создании на ПЯ произведения, равного ИТ по своей эстетической значимости [Федоров 1971, 1983]. При этом языковые аспекты перевода рассматриваются с позиций сопоставительной стилистики неразрывно с трудностями передачи идейности, эмотивности и образности оригинала, которые необходимо преодолеть на основе анализа функций языковых знаков и понимания контекста в условиях асимметрии языков, литератур, культур, исторических национальных традиций, индивидуальных особенностей художественного сознания автора

и переводчика. В концепции А. Поповича [1980] вопросы, связанные с репрезентацией образности оригинала в принимающей культуре, вписаны в систему таких понятий, как образная эквивалентность, стилистический сдвиг, стилистическая позиция переводчика. Разработанная им классификация тематических и стилистических изменений при переводе включает: 1) стилистическое соответствие, к частным проявлениям которого относятся приемы стилистической субституции и стилистической замены; 2) стилистическое усиление, включающее приемы стилистической типизации и стилистической индивидуализации; 3) стилистическое ослабление, проявляющееся в стилистической нивелировке и стилистической утрате.

В современных теориях происходит углубление лингвистической трактовки художественного перевода, который рассматривается в связи с фундаментальными проблемами понимания и творческого мышления, соотносится с понятиями интертекстуальности, интерпретации, конструирования лингвистической реальности, смыслоформирования, изучается с позиций культурологии, герменевтики, теорий игры и сотрудничества [Борисова 2010; Карпухина 2013; Куницына 2010; Псурцев 2009; Davis 2019; Hvelplund 2019; Mossip 2019; Wang 2019; West 2019]. Перевод в целом трактуется не столько как вид межъязыкового посредничества, сколько как мыслительная деятельность переводящей личности. Когнитивная транслятология описывает процесс перевода с точки зрения активизации в сознании переводчика концептов языковыми знаками оригинала и их репрезентации единицами ПЯ и выдвигает тезис о значимости концептуальных систем в трансформации смысла оригинала [Фесенко 2002]. Актуальность приобретает философия перевода, интенсивную разработку в переводоведческом аспекте получают понятия рефлексии, понимания, смысла, информации, асимметрии, вторичности, гармонии, эвристики, типологических свойств текста [Автономова 2008; Алексеева 2000, 2010, 2012, 2013, 2016; Биbihин 2001; Галеева 1999; Казакова 2003, 2006; Кузьмина 2009; Кушнина 2009; 2011; Минченков 2007; Нестерова 2005; Сорокин 2003; Фесенко 2002; Chirilă 2016; Cristinoi 2016; Data-Bukowska 2016; Filanti 2016; Gutt 2000; Hatim, Jurewicz, Kubiak 2017; Mason 1997; Lederer 1990; Malmkjar 2005; Prencipe 2017; Pugliese 2005; Seleskovitch, Lederer 1984; Steele 2005; Steiner 1988; Venuti 2004; Walter 2017].

В контексте когнитивной парадигмы понятие образности рассматривается преимущественно при когнитивно-сопоставительном моделировании концептосферы оригинала и перевода, ин-

терпретации интертекстуальности и подтекста ИТ [Богатырев 2007; Мальцева 2008; Нуждова 2008; Огнева 2009; Проскурин 2004; Соколовский 2009; Степаненко 2007; Усачева 2011]. Когнитивную трактовку оно получает, в частности, в концепции Т. А. Казаковой, которая рассматривает художественный перевод как психосемиотический процесс, сущность которого заключается в «понимании и истолковании логической и образной информации в условиях совмещения разных картин мира и разных способов выражения» [Казакова 2006: 141]. С точки зрения исследователя, решение задач художественного перевода предполагает «определение и воссоздание сложной структуры образного концепта» [там же: 150]. Последний характеризуется свернутостью и представлен в виде целого художественного образа, в отличие от концепта, являющегося «системой суждений и представлений о существенных и частных признаках и свойствах объекта в реальном или вымышленном мире» [там же]. Поскольку она формируется как «отвлечение от реального образа, итог размышлений, последовательности суждений и других процедур анализа» [там же], то ей свойственна развернутость. Образный концепт объединяет когнитивное и эмотивное, что обуславливает необходимость двух процедур развертывания художественного образа в процессе перевода: процедуры концептуального анализа и эмотивной оценки. Если концептуальный анализ художественного образа заключается в выявлении его существенных субъектно-предикатных свойств и способов их выражения, то эмотивный анализ нацелен на определение эмотивной основы образного концепта. При этом, по мнению Т. А. Казаковой, «равновесие логического и эмоционального в оценке исходного текста и его перспектив в переводе является оптимальным условием успешной переводческой стратегии» [там же: 155].

В нашем исследовании понятие «образ» рассматривается в связи с изучением репрезентации сущности ИТ в принимающей культуре. Основываясь на философском определении сущности и исследованиях в области теоретической поэтики, мы трактуем сущность поэтического текста как систему его типологических свойств, составляющих в единстве его поэтичность как типологическую доминанту и отличие от других типов текста. Учитывая целостность художественного произведения и специфику художественной деятельности человека, включающей процессы художественного познания ценностного отношения «человек – мир», его образного осмысления и художественной объективации, полагаем возможным выделить такие типологические свойства художественного, и в частности поэтическо-

го, текста, как идейность, эмотивность, образность и художественная языковая форма. В целом типологическая доминанта поэтического текста является результирующей его типологических свойств и имеет не аксиологический, а онтологический статус. При этом образность составляет свойство глубинного уровня текста, представляя собой в процессуальном аспекте образное осмысление ценностного аспекта отношения «человек – мир». Образность художественного текста имеет когнитивный характер и мотивирована художественным мышлением автора. В отличие от образа-представления, возникающего при отражении объекта как такового, художественный образ основывается на идейно-эмотивном единстве, которое генерируется автором при художественном освоении этого соотношения и воплощается в материальной форме. Производность от художественной идейности и эмотивности обуславливает специфику образности художественного текста по сравнению с образностью рекламы, научного дискурса, публицистики.

В генезисе художественного образа задействованы такие виды человеческой деятельности, как отражение и преобразование действительности. Они обуславливают диалектику художественного образа, в котором «отражение действительности выступает в форме ее преобразования» [Каган 1997: 266]. Художественный образ генерируется «творческой фантазией», которая осуществляет «идеальное реконструирование реальности» [там же].

Проблема соотношения отражения и преобразования мира в искусстве стала одной из центральных при осмыслении понятия художественного образа еще античными философами, отмечавшими в нем единство общего и единичного. В концепции «подражательных искусств» Платон трактует образ («эйдос») как копию реальных предметов, которые являются копиями вечных идей, Аристотель считал образ стоящим над вещами и заключающим в себе общее, а не единичное, Плотин определял образ как «внутренний эйдос» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 255]. Представители новоевропейской эстетики (Кант, Гете, Шиллер) отмечали в художественном образе сочетание чувственности и рассудка. Г. В. Ф. Гегель, видевший цель искусства в «чувственном изображении абсолютного» [Гегель 1971: 75], ввел в эстетику понятие художественного образа как диалектического единства идеального и материального.

Взаимосвязь отражения и преобразования жизни в искусстве позволяет рассматривать искусство как образное мышление и способ образного моделирования мира. Как отмечал Ю. М. Лот-

ман, если научные модели объясняют мир, стремятся к полному воссозданию его связей и отношений, нацелены на познание объективной истины, то художественные модели характеризуются условностью, не нацелены на воссоздание всех связей и отношений мира, создают вымышленную художественную реальность [Лотман 1994]. Модель в искусстве воспроизводит целостность объекта действительности, которому автор приписывает определенную структуру. Она воспроизводит единичное, которое приобретает характер общего. Художественная модель создается по аналогии, характеризуется неоднозначностью и зависит от мировоззрения автора, одновременно являясь моделью объекта действительности и авторской личности, что обуславливает историографичность образности мировой художественной культуры. Так, в отличие от концептосферы эпохи Возрождения, образы произведений авангардизма мотивированы идеей отсутствия достойного места для человека в мире, поиском причин проблемы и ее решений. При этом ключевой для авангарда образ хаоса трактуется как закон мирового порядка и получает разнообразную интерпретацию во множестве течений предмодернизма, модернизма, неомодернизма, постмодернизма.

Необходимо отметить, что когнитивные процессы репрезентации в ИТ сущности оригинала в целом и его образности в частности детерминированы двумя этапами переводческой деятельности, коррелирующими с процессами интериоризации и экстериоризации, происходящими при восприятии и порождении текста соответственно [Мурзин 1991]. На первом этапе происходит восприятие и интерпретация ИТ, переводчиком анализируется его целостность, свойства идейности, эмотивности, образности, художественной формы, идет понимание текста и формируется индивидуальная переводческая модель сущности ИТ, которая зависит от степени понимания оригинала [Богин 1982] и применения переводчиком психогерменевтических процедур [Сорокин 2003]. Мотивированность интеллектуально-эмоциональным целым, генерируемым в процессе художественного познания отношения «человек – мир», и реализуемость в языковой форме обуславливают необходимость сочетания разных типов понимания: семантизирующего, когнитивного и распремечивающего [там же: 53]. На втором этапе происходит вербализация сформированной переводчиком модели сущности ИТ в целом и образности в частности.

Субъективно-объективный характер процесса понимания, гетерогенность сознания автора и переводчика, языков, литературных традиций и культур обуславливают при переводе изменение

сущности оригинала, включая его образность. Фактор гетерогенности позволяет метафорически трактовать сознание автора и переводчика как разные медиумы и рассматривать изменение поэтичности оригинала в сознании реципиента, как в среде, отличной от авторского сознания. Такое представление характера изменения поэтичности при переводе можно ассоциативно связать с понятием «рефракция» (или «преломление»), которое обозначает в физике изменение направления распространения волны, обусловленное ее переходом из одной среды в другую. Соответственно модель поэтического перевода, создаваемая на этой основе в соотношении с понятием поэтичности, является метафорической. По предложению доктора филологических наук Н. В. Васильевой (Институт языкознания РАН), высказанному при оппонировании нашей диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук «Типологическая доминанта текста в теории поэтического перевода» [Шутёмова 2012], понятие «преломление» может быть использовано для характеристики модели и специальной теории перевода как «рефракционной».

Проведенный нами сопоставительный анализ произведений русской и английской поэзии и их переводов позволяет условно выделить высокую, среднюю, низкую и нулевую степени репрезентированности поэтичности оригинала в ПТ, степени «преломления» сущности ИТ в ПТ, и соответствующие типы поэтического перевода: консонансный, консонансно-диссонансный и диссонансный. Высокая степень репрезентированности ТД оригинала в ПТ соотносима в данной модели с минимальной степенью ее «рефракции» при переводе. Средняя степень репрезентированности поэтичности ИТ в ПТ коррелирует со средней степенью «преломления» сущности оригинала в переводной культуре. Низкая степень репрезентированности типологических свойств подлинника в создаваемом переводчиком тексте означает максимальную степень изменения сущности оригинала в ПТ и принимающей культуре. Редукция всех типологических свойств ИТ, обуславливающая нулевую степень транслированности поэтичности ИТ, может быть охарактеризована как нулевая степень «рефракции», т. е. «полное внутреннее отражение».

Консонансный перевод предполагает высокую степень репрезентированности всех типологических свойств оригинала в ПТ. Это означает, что переводчик смог освоить идейность, эмотивность, образность и специфику художественной формы оригинала и передать их на ПЯ, таким образом консонансно репрезентировав сущность оригинала в принимающей культуре. Консонансно-диссонансный перевод характеризуется

средней степенью репрезентированности типологической доминанты ИТ при редукции одного из типологических свойств оригинала, что может являться следствием неполной освоенности его сущности или непреодоленной трудности вербализации понятого на ПЯ. Соответственно при этом типе перевода диссонанс может возникнуть при репрезентации системы образов ИТ. Переводческую трудность может составлять, с одной стороны, ее понимание, с другой – ее передача на ПЯ. Диссонансный перевод сопровождается репрезентированностью сущности оригинала в низкой или нулевой степени. Это означает, что два и более свойств ИТ не репрезентированы в ПТ вследствие непреодоленной трудности их освоения или передачи на ПЯ. Таким образом, с одной стороны, переводчик может верно освоить образность ИТ и быть способным репрезентировать ее на ПЯ, при этом переводчик понимает и передает на ПЯ ее идейно-эмотивную основу и особенности художественной объективации, что вносит в перевод консонанс. С другой стороны, неверное понимание системы образов ИТ или в случае ее консонансного освоения непреодоленные трудности вербализации понятого на ПЯ (в частности, в связи с проблемами передачи метра, размера, рифмы оригинала) вносят в перевод диссонанс, препятствуя полной репрезентации сущности ИТ в принимающей культуре.

Сопоставительный анализ произведений английской и русской поэзии в переводах позволил нам выявить следующие процессы, связанные с репрезентацией образности оригинала в принимающей культуре: относительно полную репрезентацию образности ИТ в ПТ, элиминацию образа ИТ в ПТ, замену образа ИТ другим образом в ПТ, образную конкретизацию, генерализацию, компрессию, детализацию, развитие образности ИТ в ПТ, изменение логики связей между образами ИТ в ПТ. Необходимо иметь в виду, что данные процессы имеют психическую природу, задействуют процессы отражения и вторичного преобразования, осмысления и переосмысления, не ограничены вербальным мышлением и поэтому трактуются нами не в узком, языковом, аспекте, а в широком, когнитивном, плане. Рассмотрим обозначенные процессы, выявленные в результате сопоставительного анализа ИТ и ПТ:

Относительно полная репрезентированность образности оригинала при переводе характеризуется сохранением идейности, эмотивности, самой картинкой-представления и принципов ее развертывания в тексте, а также воссозданием специфики художественной формы, в которой эти свойства вербализованы в ИТ. Например, бережным отношением к оригиналу и консонансной репрезентацией его образности характе-

ризуется переводческий метод Ю. Кейдена, в частности, перевод одного из последних стихотворений М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (1841), относимых литературоведами к числу лучших произведений поэта. Идеино-эмотивную основу стихотворения формируют сквозные для всего творчества поэта темы одиночества и скитаний, свободы и покоя, жизни и смерти, которые реализуются в центральном макрообразе гармоничного ночного пейзажа. В стихотворении осмысливаются сквозные для творчества поэта образы пустыни и звезд, появляется любимый М. Ю. Лермонтовым образ «голубого сиянья»:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

(Лермонтов 1972: 194)

Цветовая характеристика пейзажа актуализируется посредством ритмически обособленного стиха, представляющего собой инвертированное двусоставное предложение. Важно отметить, что «голубое сиянье» является любимым цветом поэта. Этот образ интертекстуально связан с образом «пространств синего эфира» («Демон») и с образом ночной голубизны «Русалки» [Роднянская 1981: 96] и придает земному пейзажу космический характер.

Перевод Ю. Кейдена характеризуется репрезентативностью названных образов стихотворения М. Ю. Лермонтова:

Lone I walk at night upon the highway;
In a mist the stony road gleams far.
Still the night; to God the barren listens,
And each star speaks softly to each star.

In the skies what majesty and wonder!
Field and wood dream in a haze of blue.
Why unresting then my troubled spirit?
Do I wait on days of hope anew?

(Translated by Eugene M. Kayden)
(Lermontov 2009: 221)

Прежде всего, в данном переводе консонансно репрезентируется значимый для творчества поэта образ «голубого сиянья» («Field and wood dream in a haze of blue»), что свидетельствует, с одной стороны, о его консонансной освоенности переводчиком, предполагающей понимание значимости его идейно-эмотивной основы и интертекстуального характера, с другой – о способности вербализовать понятое на ПЯ. Отметим так-

же консонансную интерпретацию Ю. Кейденом сквозного в творчестве М. Ю. Лермонтова образа пустыни, вводящего русского читателя в интертекст, например, таких известных стихотворений поэта, как «Три пальмы», «Благодарность», «Пророк» («Still the night; to God the barren listens»). Пустыня для лирического героя является местом, где возможно уединение, где лирическое восприятие достигает максимальной степени концентрации и душа открывается для понимания гармонии вселенной.

Заметим, однако, что в переводе И. Железновой происходит изменение значимых для творчества поэта образов:

Lone's the mist-cloaked road before me lying;
On and on it winds and draws me far.
Night is still, all earthly sounds are dying;
Nature lists to God; star speaks to star.

2

Clothed in dark is earth and wrapt in slumber,
And the skies are full of majesty.
Why, then, does reflection, drear and sombre,
Plague my heart and slay felicity?

(Translated by I. Zheleznova)
(Lermontov 1983: 148–149)

В переводе образ «пустыни» **элиминируется**, образ «кремнистого пути» **заменяется** образом дороги, окутанной туманом, а образ «голубого сиянья» – образом земли, окутанной темнотой («Clothed in dark is earth and wrapt in slumber»). Интересно, что прилагательное «темный» («dark») обозначает практически полное отсутствие света, смешение основного цвета с черным или даже сам черный цвет («with no or very little light», «(of colour) not reflecting much light; nearer black than white») [Hornby 1982: 218], что актуализируется в переводе за счет инверсии.

Отсутствие в переводе И. Железновой образов «голубого сиянья», «пустыни», именно «кремнистого пути» (а не просто окутанной туманом дороги) создает в переводе художественный образ, отличающийся по своей емкости и живописности от художественного образа, созданного в оригинале, что свидетельствует о его диссонансной освоенности переводчиком или непреодоленной трудности репрезентации этих образов на ПЯ. Понимание диалогичности названных сквозных образов на этапе предпереводческого анализа могло бы позволить переводчику осознать их роль «смысловых вех» в ИТ [Новиков 1983] и передать в ПТ. В противном случае читатель ПТ получает неполное и даже искаженное (и поэтому диссонансное) представление об идейно-эмотивной основе и образности оригинала, художественном мышлении автора, проецируя его на творчество поэта в целом.

Примером замены художественного образа является и перевод известного сонета 130 У. Шекспира, выполненный И. Мамуной, который с 1859 по 1902 г. опубликовал переводы шести сонетов великого английского поэта. Изменение при переводе сонета 130 претерпевает образ возлюбленной лирического героя, являющийся главным в произведении. Во-первых, переводчик придает ему более возвышенный характер, не свойственный оригиналу, во-вторых, изменяется колористика микрообразов, составляющая важный компонент главного образа. Например, в переводе утрачивается цветовой компонент микрообраза «black wires» («If hairs be wires, **black wires** grow on her head»). В оригинале он имеет прямую номинацию, но в переводе характеризуется косвенно, опосредованно, неточно через невозможность сравнения «с золотом» («И с золотом сравнить нельзя кудрей волну»).

Если Шекспир сравнивает оттенок цвета губ возлюбленной с цветом коралла и номинирует его с помощью нейтрального высокочастотного эпитета «red», то переводчик вводит дополнительную оценочную характеристику «нежных (уст)» и задает более интенсивный цвет «пурпур», актуализируя семантику этого существительного посредством структуры словосочетания, в котором оно является главным. Интересно заметить, что данное существительное восходит к латинскому и в свою очередь греческому слову, обозначающему багрянку (т. е. улитку, дающую багряную краску), и называет в русском языке багряный, красно-фиолетовый цвет, ценившийся ранее очень высоко, а также пурпурную ткань, из которой в древности изготавливалась одежда царей, а в настоящее время – кардиналов.

В оригинале цвет кожи возлюбленной характеризуется через противопоставление белизне снега (описываемого с помощью эпитета «white») и получает прямую номинацию с помощью эпитета «dun», что репрезентировано в ПТ лишь частично, поскольку переводчик приписывает свойство белизны образу возлюбленной, вследствие чего противопоставление колористики становится менее категоричным.

Создаваемый переводчиком микрообраз «ланит» возвышен относительно оригинала, в котором в отличие от перевода используется не возвышенное, а гипермаркированное нейтральное существительное «cheeks». Цвет лица возлюбленной характеризуется в ИТ через противопоставление колористике дамасских роз, что актуализируется прилагательными, находящимися в постпозиции относительно главного существительного в словосочетании («I have seen **roses damask'd red and white**, / But no such roses see

I in her cheeks»). Для понимания мысли автора важно отметить, что дамасские розы (*Rosa damascene*) с давних времен выращивались на Ближнем Востоке, имеют ароматные махровые цветки средних размеров. Согласно классификации роз, созданной Американским обществом розоводов и утвержденной в 1976 г. Всемирной федерацией обществ розоводов, дамасские розы представляют собой целый класс, относящийся к старым садовым розам и включающий различные сорта, в том числе и *Rosa 'Isphahan'*, при этом оттенок лепестков варьирует от бледно-розового до красного. Данный образ репрезентируется в переводе с помощью перифразы «роза пышная роскошного Востока», перед которой «бледнеет» цвет ланит героини, однако и в данном случае свидетельством характерного для мышления переводчика приукрашивания образа возлюбленной является использование атрибута «пленительных».

Аналогично в ПТ изменяется и микрообраз «дыхания», который объективирован в оригинале путем противопоставления возвышенной лексики («perfume», «delight») и нейтральной гипермаркированной («breath», «reeks»). Переводчик вновь репрезентирует сам принцип сравнения возлюбленной с некоторым эталоном, но снова создает ее более возвышенный образ, используя вместо существительного «дыхание» словосочетание «амброзия ее дыхания» и глагол «не затмит», имеющие возвышенную коннотацию и меньшую частотность употребления. Существительное «амброзия» является поэтизмом (в настоящее время устаревшим), имеющим контекстуальное значение «благовоние, аромат», а также вызывающим ассоциации с древнегреческой мифологией, в которой амброзия считалась пищей богов, дававшей им молодость и бессмертие. Более возвышенным относительно оригинала является и эталонный образ «фимиама смол Аравии далекой», которые высоко ценились на Востоке и даже входили в легендарные дары волхвов, при этом главное существительное в этом словосочетании является поэтизмом (также устаревшим в настоящее время), означая «благоухание». Нельзя не увидеть также и большую **развернутость, детализацию** данных микрообразов ПТ относительно ИТ.

Те же характеристики мышления переводчика можно выявить и при анализе микрообраза «речь возлюбленной». В оригинале он развивается за счет противопоставления музыке, что объективируется контрастом нейтрального гипермаркированного глагола «speak», характеризующего манеру говорения героини, и эпитета «far more pleasing», описывающего звучание музыки. В ПТ речь возлюбленной сопоставляется с песней со-

ловья, при этом нейтральность глагола «to speak» заменяется нежно-ласкательной коннотацией существительного «лепет», нейтральность глагола «to hear» – возвышенностью глагола «внимаю», означающего высокую степень концентрации внимания при восприятии звуков, а эмотивность глагола «love» повышается за счет экспрессивности наречия образа действия «восторженно (внимаю)», означающего необыкновенный подъем чувств, высокую степень переживания радостных эмоций.

Пожалуй, единственной образной деталью, избежавшей возвышения в ПТ, является характеристика походки героини, вербализованная в оригинале с помощью словосочетания «treads on the ground», в котором используется нейтральный глагол, имеющий значение «ходить, ступать» («walk, put the foot or feet down») и способный сочетаться с наречием «lightly» для характеристики «легкой походки». Переводчик усиливает заданное в оригинале противопоставление возлюбленной и богини, уточняя существительное «поступь» эпитетом «тяжелая».

Вполне очевидно, что все названные сдвиги в образности ИТ сопровождаются «преломлением» его идейно-эмотивной основы. Однако замена образа ИТ другим образом в ПТ не всегда сопровождается изменением идейности и эмотивности оригинала и может быть мотивирована, наоборот, стремлением переводчика репрезентировать идейно-эмотивное пространство оригинала. Ярким примером являются, на наш взгляд, переводы стихов из сказки Л. Кэрролла «Приключения Алиса в Стране чудес», выполненные Б. Заходером и В. Набоковым и нацеленные на передачу нонсенса как главного смысла оригинала. О необходимости замены образов для передачи идейности и эмотивности оригинала рассуждает и К. И. Чуковский в книге «Высокое искусство», рассматривая недостатки буквального перевода узбекской поэзии на русский язык, проявившиеся в следующих строках: «О, долго ль будешь красотой ты ранить **печень** мне?», «Ты мой обожаемый **попугай**» [Чуковский 1988: 55]. Буквальная передача образности, по мнению К. И. Чуковского, создает в данном случае несвойственный оригиналу эффект комизма, искажая передаваемые автором мысли и чувства персонажа.

Примером **конкретизации и генерализации образности** оригинала является перевод сонета бб У. Шекспира, выполненный В. Г. Бенедиктовым. Идейно-эмотивную основу стихотворения, с лирическим героем которого, вероятно, отождествляет себя автор, составляют его тягостные мысли и переживаемое им чувство смертельной усталости, которые вызваны обесценением вечных

ценностей в современном герою обществе. Художественная идея реализуется в развернутой системе образов, основанной на принципах антитезы и олицетворения и объективируемой с помощью абстрактных существительных. Абстрактность образов ИТ, преимущественно консонансно репрезентируемая в переводе Б. Пастернака, частично утрачивается в переводе В. Г. Бенедиктова. Так, образ обессиленной мощи («And Strength by limping Sway disabled»), сохраняющий абстрактность в переводе Б. Пастернака («И видеть мощь у немощи в плену»), конкретизируется в переводе В. Г. Бенедиктова («А сила где была последняя – и та / Среди слепой грозы параличом разбита»). Образ оклеветанной истины («And simple Truth miscall'd Simplicity») репрезентируется абстрактными существительными Б. Пастернаком («И прямотушь простотой слывет»), но конкретизируется в образе шута В. Г. Бенедиктовым («На истину давно надет колпак дурацкий»). Образ глупости («And Folly, doctor-like, controlling Skill») сохраняет абстрактность в переводе Б. Пастернака («И разум сносит глупости хулу»), но конкретизируется В. Г. Бенедиктовым («Безумье кафедрой владеет») и С. Я. Маршаком («И глупость в маске мудреца, пророка»).

В то же время в первом катрене перевода В. Г. Бенедиктова можно проследить **компрессию и генерализацию образов**, развернутых в ИТ с помощью эпитетов в синтаксически параллельных конструкциях (например, «And purest Faith unhappily forsworn, / And gilded Honour shamefully misplaced»). Переводчик обобщает образы, выделяя главное, и репрезентирует их лаконично посредством синтаксического параллелизма («Насмешками покрыта, / Проголодалась честь, в изгнании правота, / Корысть – прославлена, неправда – знаменита»). Приведенные выше строки из перевода Б. Пастернака также демонстрируют компрессию образности.

Примером **детализации и развития образности** ИТ в ПТ является выполненный С. Киш перевод стихотворения М. Ю. Лермонтова «Желание», в котором лаконизм и емкость образа прародины сменяются ее развернутым, детализированным описанием, основанным на игре воображения переводчика. В структурном аспекте это выражается в развитии одной (II) строфы оригинала тремя строфами (II, III, IV) в тексте перевода. Кроме того, образ прародины получает в нем дополнительное развитие в последней (VI) строфе, в которой переводчиком прямо номинируется и развивается мотив противопоставленности двух родин: чуждости заснеженной страны, где родился герой, и душевной устремленности к идеальной далекой родине праотцов. В целом

развитие идейности и образности оригинала в переводческой модели его поэтичности, сопровождающееся изменением структурного аспекта его художественной языковой формы (строфики и композиции) при трансляции, не передает лаконизма и стройности образного мышления М. Ю. Лермонтова.

Примером детализации и развития образа является также перевод стихотворения П. Б. Шелли «To —», выполненный К. Д. Бальмонтом. Оригинал характеризуется точностью и емкостью каждого слова, лаконизмом вербальной формы, организованной в виде двух строф посредством анафор, синтаксического параллелизма, рекурренций, актуализирующих семантику повторяющихся и различающихся языковых единиц. В переводе К. Д. Бальмонта неопределенные емкие образы «one word» и «one feeling» уточняются эпитетом «заветный», образы «надежды» и «отчаяния» («One hope is too despair») переосмысливаются и получают более уточненную и развернутую объективацию как «счастье надежд» и «отчаянье горькое», а лаконичный стих «And pity from thee more dear» переосмысливается и детализируется в образе «И слова сострадания, что с уст твоих нежных сорвались». Аналогично переводу стихотворения «Желание», образная детализация в данном случае не передает специфики художественного мышления автора.

В рассмотренном ранее переводе сонета 66 У. Шекспира, выполненном В. Г. Бенедиктовым, происходит развитие образности стиха «And Folly, doctor-like, controlling Skill» и вводится новый оценочный, резко негативный, образ «адского праздника» («Безумье кафедрой владеет. Праздник адский!»), при этом сдержанная, внутренне напряженная тональность стиха сменяется повышенной эксплицированной эмотивностью, отличной от оригинала.

Изменение логики связей между образами характерно для перевода стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива», в котором запечатлевается редкое для поэта состояние гармонии с собой, миром и Богом. В финальной строфе поэтическая идея автора разворачивается именно от земного к небесному («И счастье я могу постигнуть на земле, / И в небесах я вижу бога...»), однако в переводе И. Железновой он получает обратное направление («Above me, in the skies, God do I see; / On earth, know rich, rewarding gladness»), при этом сопровождающая оригинал апоисопеза утрачивается. Отметим, что в переводе Ю. Кейдена логика образных связей передается: «I then behold on earth my happiness, / And in the sky the face of God...».

При переводе стихотворения М. Ю. Лермонтова «Отчего» (1840), которое относится к ше-

деврам творчества поэта и, по предположению Б. Эйхенбаума, обращено к княгине М. А. Щербатовой, большое значение для передачи образности и поэтического смысла имеет сохранение логики структуры оригинала:

Отчего

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

(Лермонтов 1972: 167)

Анализ структуры произведения показывает, что оно является не столько монологом-предсказанием страданий возлюбленной, сколько выражением смысла «безвыходное противоречие», «трагичность жизни». На уровне структуры этот смысл выражается посредством замкнутой кольцевой композиции произведения, построенного как одна строфа с обрамляющими ее синтаксически параллельными конструкциями, включающими в себя анафору («Мне грустно») и актуализирующими антитезу («Мне грустно... потому что весело тебе»). Смысл противоречивости и трагичности выражается и зеркальной композицией обрамленных стихов. Каждый стих о красоте и счастье возлюбленной (второй и четвертый) в строгой последовательности чередуется со стихом о ее печальной судьбе (третий и пятый стихи), находя в них искаженное зеркальное отражение: любой «плюс» меняется на «минус», что обуславливает логику чередования положительных и отрицательных образов и помогает понять настрой лирического героя в восприятии внешнего мира как глубоко пессимистический и трагический. Однако перевод, выполненный А. Паймен, характеризуется изменением зеркальной композиции ИТ как принципа развертывания его образности, идейности и эмотивности:

Because

If I am sad it is because I am in love with you,
And well I know: the light of rumour most untrue
Will not forbear to mark your blooming youth
with sorrow.

For every hour of joy Fate will exact tomorrow,
A toll of tears and pain that you alone must pay.
So I am sad, my dearest love, because you are so gay.

(Translated by Avril Pymen)
(Lermontov 1983: 138)

Заметим, что данный принцип является сквозным для лирики М. Ю. Лермонтова и позволяет даже графически выражать смысл «противоречие, противостояние». Такая композиция репрезентирует одну из особенностей поэтиче-

ского мышления автора, его поэтического мировосприятия, которая более полно передана в переводе, выполненном Ю. Кейденом:

Wherefore

I grieve because I love, and, loving you,
I know their crafty rumours will pursue
Your youth in flower, lying out of spite.
For every shining hour and true delight
Fate will demand in hurt and tears its pay.
I grieve – because you are so free and gay.

(Translated by Eugene M. Kayden)
(Lermontov 2009: 159)

В отличие от данного перевода в переводе А. Паймен происходит смешение противопоставленных в оригинале образов и смыслов, что лишает ее текст графического способа выражения авторской идеи и в определенной мере снимает на уровне структуры текста остроту противоречия между лирическим героем и миром, смягчает остроту конфликта, изменяя смысл категоричности неприятия мира лирическим героем, что не позволяет консонансно репрезентировать в иностранной культуре образность произведения художественной литературы и его сущность.

В целом полагаем, что рассмотренные процессы влияют на репрезентацию сущности оригинала в переводной культуре. Происходящее при переводе осмысление образности ИТ является преобразованием, которое носит вторичный характер. Сохранение образности оригинала в единстве с его идейно-эмотивной основой и способами художественной вербализации позволяет наиболее полно и консонансно передать его сущность. Изменение идейно-эмотивной основы образа или формы, в которой он воплощается, обуславливает диссонанс при переводе. «Преломление» образности ИТ в ПТ объясняется субъективно-объективным характером понимания, гетерогенностью сознания автора и переводчика, гетерогенностью языков, литературных традиций и культур. Взаимосвязь с идейностью, эмотивностью и спецификой языковой художественной формы произведения обуславливает трудности репрезентации образности ИТ при переводе. В прикладном аспекте результаты исследования могут учитываться в обучении методике сопоставительного анализа ИТ и ПТ, методике предпереводческого анализа текста, а также для развития у студентов творческого мышления.

Список источников

Лермонтов М. Ю. Выхожу один я на дорогу... // Лермонтов М. Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени. М.: Худож. лит., 1972. Т. 93. С. 194. (Библиотека всемирной литературы).

Лермонтов М. Ю. Когда волнуется желтеющая нива... // Лермонтов М. Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени. М.: Худож. лит., 1972. Т. 93. С. 133. (Библиотека всемирной литературы).

Лермонтов М. Ю. Отчего // Лермонтов М. Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени. М.: Худож. лит., 1972. Т. 93. С. 167. (Библиотека всемирной литературы).

Лермонтов М. Ю. Желание // Лермонтов М. Ю. – Lermontov M.Y. «Нет, я не Байрон, я другой...» = «No, I'm not Byron, it's my Role...»: Избр. поэзия = Poetical Works. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. С. 44.

Шекспир В. Сонет 66 / пер. С. Я. Маршака // Шекспир В. Трагедии. Сонеты. Серия первая. Т. 36. М.: Худож. лит., 1974. С. 726. (Библиотека всемирной литературы).

Шекспир В. Сонет LXVI / пер. Б. Л. Пастернака // Английская поэзия в русских переводах (XIV–XIX века): сб. / сост. М. П. Алексеев и др. М.: Прогресс, 1981. С. 77–79. На англ. и рус. яз.

Шекспир В. Сонет 66 / пер. В. Г. Бенедиктова // Английская поэзия в русских переводах (XIV – XIX века): сб. / сост. М. П. Алексеев и др. М.: «Прогресс», 1981. С. 626–627. На англ. и рус. яз.

Шекспир В. Сонет 130 / пер. И. Мамуны // Сонеты / сост. А. Н. Горбунов. М.: Радуга, 1984. С. 251. На англ. яз. с парал. рус. текстом.

Шелли П. Б. К... / пер. Б. Пастернака // Английская поэзия в русских переводах (XIV – XIX века): сб. / сост. М. П. Алексеев и др. М.: Прогресс, 1981. С. 673. На англ. и рус. яз.

Шелли П. Б. Слишком часто заветное слово людьми осквернялось / пер. К. Д. Бальмонта // Английская поэзия в русских переводах (XIV–XIX века): сб. сост. М. П. Алексеев и др. М.: Прогресс, 1981. С. 375–377. На англ. и рус. яз.

Lermontov M. Y. Because // Из русской поэзии XIX века (Пушкин, Лермонтов, Баратынский, Кольцов, Тютчев, Толстой, Некрасов, Фет). М.: Радуга, 1983. С. 138. На англ. яз.

Lermontov M. Y. Wherefore // Лермонтов М.Ю. «Нет, я не Байрон, я другой...» = «No, I'm not Byron, it's my Role...»: Избр. поэзия = Poetical Works. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. Р. 159.

Lermontov M.Y. When comes a gentle breeze and sways the yellowing meadow... // Из русской поэзии XIX века (Пушкин, Лермонтов, Баратынский, Кольцов, Тютчев, Толстой, Некрасов, Фет). М.: Радуга, 1983. С. 120. На англ. яз.

Lermontov M. Y. When fields of rye wave golden in the wind... // Лермонтов М. Ю. – Lermontov M.Y. «Нет, я не Байрон, я другой...» = «No, I'm not Byron, it's my Role...»: Избр. поэзия =

Poetical Works. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. С. 101.

Lermontov M. Y. The Wish // Лермонтов М. Ю. – Lemontov M. Y. «Нет, я не Байрон, я другой...» = «No, I'm not Byron, it's my Role...»: Избр. поэзия = Poetical Works. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. С. 45.

Lermontov M. Y. Lone I walk at night upon the highway // Лермонтов М.Ю. – Lermontov M. Y. «Нет, я не Байрон, я другой...» = «No, I'm not Byron, it's my Role...»: Избр. поэзия = Poetical Works. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. С. 221.

Lermontov M. Y. Lone's the mist-cloaked road before me lying... // Из русской поэзии XIX века (Пушкин, Лермонтов, Баратынский, Кольцов, Тютчев, Толстой, Некрасов, Фет). М.: Радуга, 1983. Р. 148–149. На англ. яз.

Shakespeare W. Sonnet LXVI // Английская поэзия в русских переводах (XIV – XIX века): сб. / сост. М.П. Алексеев и др. М.: «Прогресс», 1981. С. 76–78. На англ. и рус. яз.

Shakespeare W. Sonnet 130 // Сонеты / сост. А. Н. Горбунов. М.: Радуга, 1984. С. 176. На англ. яз. с парал. рус. текстом.

Shelley P.B. To – // Английская поэзия в русских переводах (XIV – XIX века): сб. / сост. М. П. Алексеев и др. М.: Прогресс, 1981. С. 374, 376. На англ. и рус. яз.

Список литературы

Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: Росс. полит. энцикл., 2008. 704 с.

Алексеева Л. М. Теория эквивалентности перевода как теория об относительности // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2000. С. 64–83.

Алексеева Л. М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1(7). С. 45–51.

Алексеева Л. М. Специфика научного перевода / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013. 125 с.

Алексеева Л. М., Шутёмова Н. В. Типология перевода / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2012. 198 с.

Алексеева Л. М., Шутёмова Н. В. Типологическая доминанта текста в переводе / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2016. 204 с.

Бибихин В. В. Слово и событие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 280 с.

Богатырева Е. Д. Художественный перевод как интерпретация: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 19 с.

Богин Г. И. Филологическая герменевтика. Калинин: Калин. гос. ун-т, 1982. 88 с.

Борисова Е. Б. Художественный образ в английской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод: дисс. ... д-ра филол. наук. Самара, 2010. 383 с.

Галеева Н. Л. Параметры типологии художественных текстов в деятельностной теории перевода: дисс. ... д-ра филол. наук. Тверь, 1999. 352 с.

Галь Н. Слово живое и мертвое: от «Маленького принца» до «Корабля дураков». М.: Междунар. отн., 2001. 368 с.

Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. М.: Искусство, 1971. Т. 3. 600 с.

Каган М. С. Эстетика как философская наука. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 544 с.

Казакова Т. А. Imagery in Translation. Практикум по художественному переводу: учеб. пособие. СПб.: Союз, 2003. 320 с.

Казакова Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 224 с.

Карпущина В. Н. Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры: дисс. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2013. 443 с.

Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2009. 228 с.

Куницына Е. Ю. Лингвистические основы людической теории художественного перевода: дисс. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2010. 474 с.

Кушникова Л. В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009. 196 с.

Кушникова Л. В. Перевод как синергетическая система // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3(15). С. 81–86.

Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Сов. энцикл., 1987. 752 с.

Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. 560 с.

Лунькова Л. Н. Интертекстуальность художественного текста: оригинал и перевод: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 35 с.

Мальцева И. Г. Адекватность перевода цветочных концептов Г. Тракля на русский язык: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 374 с.

Минченков А. Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. СПб.: Антология, 2007. 256 с.

Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 172 с.

Нестерова Н. М. Вторичность как онтологическое свойство перевода: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2005. 42 с.

- Новиков А. И.* Семантика текста и его формализация. М.: Наука, 1983. 215 с.
- Нуждова Е. Н.* Лексическая репрезентация концепта «ЛЮБОВЬ» в переводах лирики А. С. Пушкина на английский и французский языки: автореф. дисс. ... канд. филол. наук М., 2008. 21 с.
- Огнева Е. А.* Когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы художественного текста: на материале перевода русской прозы на французский и английский языки: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2009. 42 с.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1987. 750 с.
- Псурцев Д. В.* Смыслоформирование художественного текста: теоретические основания лингвостилистического подхода: дисс. ... д-ра филол. наук. М.: 2009. 499 с.
- Попович А.* Проблемы художественного перевода. М.: Высш. шк., 1980. 199 с.
- Проскурин Е. Г.* Когнитивная лакуарность текста как проблема межкультурной коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 146 с.
- Соколовский Я. В.* Соотношение оригинала и перевода художественного текста: изоморфно-когнитивный подход: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 21 с.
- Сорокин Ю. А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. 160 с.
- Степаненко Е. В.* Культурологические аспекты перевода македонской драмы на русский язык (на материале пьес Горана Стефановского): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 19 с.
- Усачева А. Н.* Когнитивные стратегии как базис языковой активности переводчика // Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации: теория и практика: тез. докл. междунар. науч. конф. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 147–148.
- Фесенко Т. А.* Перевод в зеркале когнитивной науки // С любовью к языку: сб. науч. трудов, посвящ. Е. С. Кубряковой. М.; Воронеж: ИЯ РАН, Воронеж. гос. ун-т, 2002. С. 65–71.
- Фёдоров А. В.* Очерки общей и сопоставительной стилистики. М.: Высш. шк., 1971. 194 с.
- Фёдоров А. В.* Искусство перевода и жизнь литературы. Л.: Сов. писатель, 1983. 194 с.
- Чуковский К. И.* Высокое искусство. М.: Сов. писатель, 1988. 350 с.
- Chirilă A.* Preserving the Allusions in Translating the Bible // Meaning in Translation: Illusion of Precision. Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 369–384.
- Cristinoi A.* Translation between Typologically Different Languages or the Utopia of Equivalence: 1 vs 1.round, 1.long or 1.nasty being // Meaning in Translation: Illusion of Precision. Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 99–110.
- Davis A.* Collaborator: Ezra Pound, Translation, And Appropriation // Modernist Cultures. Vol. 14, issue 1. Edinburgh University Press, 2019. P. 17–35.
- Data-Bukowska E.* Translating What is Blurred: Evidence from Swedish-to-Polish Translations // Meaning in Translation: illusion of Precision, 2016. P. 435–452.
- Filanti R.* “The Murder and the Echo”: How Meaning Reverberates in Translation // Meaning in Translation: Illusion of Precision. Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 321–335.
- Gutt E.-A.* Translation and Relevance. Manchester; Boston: St.Jerome, 2000. 271 p.
- Hatim B., Mason I.* The Translator as Communicator. L.: Routledge, 1997. 244 p.
- Hornby A.S.* Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English. Moscow: Moscow Language Publishers; Oxford: Oxford University Press, 1982. Vol. I. 510 p.; Vol. II. 527 p.
- Hvelplund K.T.* Digital Resources in the Translation Process – Attention, Cognitive Effort and Processing Flow // Perspective Studies in Translatology. Vol. 27, issue 4. Taylor & Francis, 2019. P. 510–524.
- Jurewicz M., Kubiak P.* Semantische Dominante – ein entscheidendes Kriterium bei der Anfertigung und Evaluation von Übersetzungen // Translation Studies and Translation Practice: Proceedings of the 2nd International TRANSLATA Conference, 2014. Part 2. N. Y.: Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2017. P. 11–20.
- Lederer M.* The role of Cognitive Complements in Interpreting // Interpreting - Yesterday, Today, and Tomorrow, ATA Scholarly Monograph Series. Vol. IV. SUNY, 1990, P. 53–60.
- Malmkjar K.* Linguistics and the Language of Translation. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005. 208 p.
- Mossop B.* “Intersemiotic Translating” Time for a Rethink? // Translation and Interpreting Studies. Vol. 14, issue 1. John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 75–94.
- New Webster’s Dictionary of the English Language.* India: Surjeet Publications. 1989. 1824 p.
- Prencipe V.* Translation Universals: Assets and Limits of Research Methodology // Translation Studies and Translation Practice: Proceedings of the 2nd International TRANSLATA Conference, 2014. Part 2. N. Y.; Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2017. P. 35–44.
- Pugliese C.* Translation as Cultural Transfer: Challenges and Constraints. Roma: Aracne, 2005. 158 p.
- Seleskovitch D., Lederer M.* Interpréter pour traduire. P.: Didier Erudition, 1984. 311 p.

Steiner G. *After Babel. Aspects of language and translation.* Oxford University Press, 1988. 539 p.

Steele S. *The Translating Mind: Translation as a Game.* QuiEdit di S.D.S. snc Verona, Italy, 2005. 143 p.

Venuti L. *Retranslations: The Creation of Value // Translation and Culture / ed. by K. M. Faull.* Bucknell University Press, 2004. P. 25–38.

Walter K. *Zur Versprachlichung und Übersetzung des Nationsbegriffs bei Joyce und Yeats // Translation Studies and Translation Practice: Proceedings of the 2nd International TRANSLATA Conference, 2014. Part 2.* N. Y.; Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2017. P. 187–195.

Wang S. *Transcontinental Revolutionary Imagination: Literary Translation between China and Brazil (1952–1964) // Cambridge Journal of Postcolonial Literary Inquiry.* Vol. 6, issue 1. Cambridge University Press, 2019. P. 70–98.

West T. *Justo Sierra O'Reilly and John L. Stephens: Translation, History, and Translational Romanticisms in the Americas // Journal of Latin American Cultural Studies.* Vol. 28, issue 1. Routledge, 2019. P. 83–96.

References

Avtonomova N. S. *Poznanie i perevod. Opyty filosofii yazyka* [Cognition and translation. Experience in philosophy of language]. Moscow, Rossiyskaya Politicheskaya Entsiklopediya Publ., 2008. 704 p. (In Russ.)

Alekseeva L. M. *Teoriya ekvivalentnosti perevoda kak teoriya ob otnositelnosti* [Theory of equivalence in translation as theory of relativity]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Stereotypes and creativity in text: Interuniversity collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 2000, pp. 64–83. (In Russ.)

Alekseeva L. M. *Perevod kak refleksiya deyatelnosti* [Translation as a reflexive activity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 1(7), pp. 45–51. (In Russ.)

Alekseeva L. M. *Spetsifika nauchnogo perevoda* [Specific features of scientific translation]. Perm, Perm State University Press, 2013. 125 p. (In Russ.)

Alekseeva L. M., Shutemova N. V. *Tipologiya perevoda* [Typology of translation]. Perm, Perm State University Press, 2012. 198 p. (In Russ.)

Alekseeva L. M., Shutemova N. V. *Tipologicheskaya dominanta teksta v perevode* [Typological dominant of text in translation]. Perm, Perm State University Press, 2016. 204 p. (In Russ.)

Bibikhin V. V. *Slovo i sobytie* [Word and event]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 280 p. (In Russ.)

Bogatyрева E. D. *Khudozhestvennyy perevod kak interpretatsiya.* Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Literary translation as interpretation. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2007. 19 p. (In Russ.)

Bogin G. I. *Filologicheskaya germeneytika* [Philological hermeneutics]. Kalinin, Kalinin State University Press, 1982. 88 p. (In Russ.)

Borisova E. B. *Khudozhestvennyy obraz v angliyskoy literature 20 veka: tipologiya – lingvopoetika – perevod.* Diss. dokt. filol. nauk [Artistic image in English literature of the 20th century. Dr. philol. sci. diss.]. Samara, 2010. 383 p. (In Russ.)

Galeeva N. L. *Parametry tipologii khudozhestvennykh tekstov v deyatelnostnoy teorii perevoda.* Diss. ... d-ra filol. nauk [Parameters of literary text typology in theory of translation as activity. Dr. philol. sci. diss.]. Tver, 1999. 352 p. (In Russ.)

Gal' N. *Slovo zhivoe i mertvoe: ot 'Malen'kogo printsa' do 'Korablya Durakov'* [Living and dead word: from 'The Little Prince' to 'The Ship of Fools'] Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 2001. 368 p. (In Russ.)

Gegel G. V. F. *Estetika: v 4 t.* [Aesthetics: in 4 vols.]. Moscow, Iskustvo Publ., 1971, vol. 3. 600 p. (In Russ.)

Kagan M. S. *Estetika kak filosofskaya nauka* [Aesthetics as philosophy]. St. Petersburg, TOO TK Petropolis Publ., 1997. 544 p. (In Russ.)

Kazakova T. A. *Imagery in Translation.* Praktikum po khudozhestvennomu perevodu: ucheb. posobie. [Imagery in Translation. Practical course in literary translation: textbook]. St. Petersburg, Soyuz Publ., 2003. 320 p. (In Russ.)

Kazakova T. A. *Khudozhestvennyy perevod: v poiskakh istiny* [Literary translation: Seeking for truth]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Press, 2006. 224 p. (In Russ.)

Karpukhina V. N. *Konstruirovaniye lingvisticheskoy realnosti pri smene semioticheskogo koda kul'tury.* Diss. ... d-ra filol. nauk [Constructing the linguistic reality under the change of the semiotic code of culture. Dr. philol. sci. diss.]. Perm, 2013. 443 p. (In Russ.)

Kuz'mina N. A. *Intertext: tema s variatsiyami. Fenomeny kultury i yazyka v intertekstual'noy interpretatsii* [Intertext: theme with variations. The phenomena of culture and language in intertextual interpretation]. Omsk, Omsk State University Press, 2009. 228 p. (In Russ.)

Kunitsyna E. Yu. *Lingvisticheskie osnovy lyudicheskoy teorii khudozhestvennogo perevoda.* Diss. ... d-ra filol. nauk [Linguistic foundations of the ludic theory of literary translation. Dr. philol. sci. diss.]. Irkutsk, 2010. 474 p. (In Russ.)

Kushnina L. V. *Teoriya garmonizatsii: opyt kognitivnogo analiza perevodcheskogo prostranstva*

[Theory of harmonization: cognitive analysis of translation space]. Perm, Perm State Technical University Press, 2009. 196 p. (In Russ.)

Kushnina L. V. *Perevod kak sinergeticheskaya sistema* [Translation as a synergetic system]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2011, issue 3(15), pp. 81–86. (In Russ.)

Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar' [Literary encyclopaedic dictionary]. Ed. by V. M. Kozhevnikov, P. A. Nikolaev. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1987. 752 p. (In Russ.)

Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola [Yu.M. Lotman and Tartu-Moscow semiotic school]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 560 p. (In Russ.)

Lun'kova L. N. *Intertekstual'nost' khudozhestvennogo teksta: original i perevod*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. [Intertextuality of literary text: original and translation. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2011. 35 p. (In Russ.)

Mal'tseva I. G. *Adekvatnost' perevoda tsvetovykh kontseptov G. Traklya na russkiy yazyk*. Diss. ... kand. filol. nauk [Adequacy of translation of G. Trakl's color concepts into Russian. Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2008. 374 p. (In Russ.)

Minchenkov A. G. *Kognitsiya i evristika v protsesse perevodcheskoy deyatel'nosti* [Cognition and heuristic in translation activity]. St. Petersburg, Antologiya Publ., 2007. 256 p. (In Russ.)

Murzin L. N., Shtern A. S. *Tekst i ego vospriyatie* [Text and its perception]. Sverdlovsk, Ural State University Press, 1991. 172 p. (In Russ.)

Nesterova N. M. *Vtorichnost' kak ontologicheskoe svoystvo perevoda*. Avtoref. ... diss. d-ra filol. nauk [The target text as a secondary text. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Perm, 2005. 42 p. (In Russ.)

Novikov A. I. *Semantika teksta i ego formalizatsiya* [Semantics of text and its formalization]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 215 p. (In Russ.)

Nuzhdova E. N. *Leksicheskaya reprezentatsiya kontsepta 'LYUBOV'* v perevodakh liriki A. S. Pushkina na angliyskiy i frantsuzskiy yazyki. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Lexical representation of the concept 'LOVE' in translations of poetry by A. S. Pushkin into English and French. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2008. 21 p. (In Russ.)

Ogneva E. A. *Kognitivno-sopostavitel'noe modelirovanie kontseptosfery khudozhestvennogo teksta: na materiale perevoda russkoy prozy na frantsuzskiy i angliyskiy yazyki*. Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk [Cognitive and comparative modelling of the literary text conceptual sphere: a case study of Russian prose in French and English trans-

lations. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Belgorod, 2009. 42 p. (In Russ.)

Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1987. 750 p. (In Russ.)

Psurtsev D. V. *Smysloformirovanie khudozhestvennogo teksta: teoreticheskie osnovaniya lingvostilisticheskogo podkhoda*. Diss. ... d-ra filol. nauk [Sense formation of literary text: theoretical foundations of the linguostylistic approach. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2009. 499 p. (In Russ.)

Popovich A. *Problemy khudozhestvennogo perevoda* [Issues of literary translation]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1980. 199 p. (In Russ.)

Proskurin E. G. *Kognitivnaya lakunarnost' teksta kak problema mezhkul'turnoy kommunikatsii*. Diss. ... kand. filol. nauk [Cognitive lacunarity of text as a problem in intercultural communication. Cand. philol. sci. diss.]. Barnaul, 2004. 146 p. (In Russ.)

Sokolovskiy Ya. V. *Sootnoshenie originala i perevoda khudozhestvennogo teksta: izomorfno-kognitivnyy podkhod*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Correlation of source and target texts in literary translation: isomorphic-cognitive approach. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Irkutsk, 2009. 21 p. (In Russ.)

Sorokin Yu. A. *Perevodovedenie: status perevodchika i psikhogermenevticheskiye protsedury* [Translation studies: translator's status and psychohermeneutic procedures]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 160 p. (In Russ.)

Stepanenko E. V. *Kulturologicheskie aspekty perevoda makedonskoy dramy na russkiy yazyk (na materiale p'yes Gorana Stefanovskogo)*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Culturological aspect of translation of Macedonian drama into Russian (a case study of plays by G. Stephanovsky). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2007. 19 p. (In Russ.)

Usacheva A. N. *Kognitivnye strategii kak bazis yazykovoy aktivnosti perevodchika* [Cognitive strategies as a basis for the lingual activity of a translator]. *Semioticheskaya geterogenost' yazykovoy kommunikatsii: teoriya i praktika: tez. dokl. mezhdunar. nauch. konf.* [Semiotic heterogeneity of lingual communication: theory and practice: Proceedings of the international scientific conference. Moscow, Moscow State Linguistic University Press, 2011, pp. 147–148. (In Russ.)

Fesenko T. A. *Perevod v zerkale kognitivnoy nauki* [Translation in the mirror of cognitive science]. *S lyubov'yu k yazyku* [With love for the language]. Moscow, Voronezh, The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Press, Voronezh State University Press, 2002, pp. 65–71. (In Russ.)

- Fedorov A. V. *Ocherki obshchey i sopostavitel'noy stilistiki* [Essays on general and comparative stylistics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1971. 194 p. (In Russ.)
- Fedorov A. V. *Iskusstvo perevoda i zhizn' literatury* [The art of translation and life of literature]. Leningrad, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1983. 194 p. (In Russ.)
- Chukovsky K. I. *Vysokoe iskusstvo* [High Art]. Moscow, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1988. 350 p. (In Russ.)
- Chirilă A. Preserving the allusions in translating the Bible. *Meaning in Translation: Illusion of Precision*. Cambridge Scholars Publishing, 2016, pp. 369–384. (In Eng.)
- Cristinoi A. Translation between typologically different languages or the utopia of equivalence: 1 vs 1. round, 1. long or 1. nasty being. *Meaning in Translation: Illusion of Precision*. Cambridge Scholars Publishing, 2016, pp. 99–110. (In Eng.)
- Davis A. Collaborator: Ezra Pound, translation, and appropriation. *Modernist Cultures*, 2019, vol. 14, issue 1, pp. 17–35.
- Data-Bukowska E. Translating what is blurred: Evidence from Swedish-to-Polish translations. *Meaning in Translation: Illusion of Precision*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2016, pp. 435–452. (In Eng.)
- Filanti R. 'The murder and the echo': How meaning reverberates in translation. *Meaning in Translation: Illusion of Precision*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2016, pp. 321–335. (In Eng.)
- Gutt E.-A. *Translation and relevance*. Manchester, Boston, St. Jerome, 2000. 271 p. (In Eng.)
- Hatim B., Mason I. *The translator as communicator*. L., Routledge, 1997. 244 p. (In Eng.)
- Hornby A. S. *Oxford advanced learner's dictionary of current English*. Moscow, Moscow Language Publishers; Oxford, Oxford University Press, 1982, vol. I. 510 p.; vol. II. 527 p. (In Eng.)
- Hvelplund K. T. Digital resources in the translation process – attention, cognitive effort and processing flow. *Perspective Studies in Translatology*, 2019, vol. 27, issue 4, pp. 510–524. (In Eng.)
- Jurewicz M., Kubiak P. Semantische Dominante – ein entscheidendes Kriterium bei der Anfertigung und Evaluation von Übersetzungen. *Translation Studies and Translation Practice: Proceedings of the 2nd International TRANSLATA Conference, 2014*. Pt. 2. New York, Frankfurt am Main, Peter Lang Edition, 2017, pp. 11–20. (In Germ.)
- Lederer M. The role of cognitive complements in interpreting. *Interpreting – Yesterday, Today, and Tomorrow, ATA Scholarly Monograph Series*. SUNY, 1990, vol. 4, pp. 53–60. (In Eng.)
- Malmkjar K. *Linguistics and the language of translation*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2005. 208 p. (In Eng.)
- Mossop B. 'Intersemiotic translating' time for a rethink? *Translation and Interpreting Studies*, 2019, vol. 14, issue 1, pp. 75–94. (In Eng.)
- New Webster's dictionary of the English language*. India, Surjeet Publications, 1989. 1824 p. (In Eng.)
- Prencipe V. Translation universals: Assets and limits of research methodology. *Translation Studies and Translation Practice: Proceedings of the 2nd International TRANSLATA Conference, 2014*. Pt. 2. New York, Frankfurt am Main, Peter Lang Edition, 2017, pp. 35–44. (In Eng.)
- Pugliese C. *Translation as cultural transfer: Challenges and constraints*. Rome, Aracne, 2005. 158 p. (In Eng.)
- Seleskovitch D., Lederer M. *Interpréter pour traduire*. Paris, Didier Erudition, 1984. 311 p. (In Fr.)
- Steiner G. *After Babel. Aspects of language and translation*. Oxford University Press, 1988. 539 p. (In Eng.)
- Steele S. *The translating mind: Translation as a game*. QuiEdit di S.D.S. snc Verona, Italy. 2005. 143 p. (In Eng.)
- Venuti L. Retranslations: The creation of value. *Translation and culture*. Ed. by K. M. Faull. Bucknell University Press, 2004, pp. 25–38. (In Eng.)
- Walter K. Zur Versprachlichung und Übersetzung des Nationsbegriffs bei Joyce und Yeats. *Translation Studies and Translation Practice: Proceedings of the 2nd International TRANSLATA Conference, 2014*. Pt. 2. New York, Frankfurt am Main. Peter Lang Edition, 2017, pp. 187–195. (In Germ.)
- Wang S. Transcontinental revolutionary imagination: Literary translation between China and Brazil (1952–1964). *Cambridge Journal of Postcolonial Literary Inquiry*. Cambridge University Press, 2019, vol. 6, issue 1, pp. 70–98. (In Eng.)
- West T. Justo Sierra O'Reilly and John L. Stephens: Translation, history, and translational romanticisms in the Americas. *Journal of Latin American Cultural Studies*. Routledge, 2019, vol. 28, issue 1, pp. 83–96. (In Eng.)

THE NOTION OF IMAGE IN THE REFRACTION MODEL OF POETRY TRANSLATION

Natalia V. Shutemova

Professor in the Department of Linguistics and Translation

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. lingconf14@mail.ru

SPIN-code: 6361-4981

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4188-0310>

Submitted 09.09.2019

The article discusses the processes associated with changes in the imagery of a poetic work when representing its essence in a target culture. Imagery is interpreted as a typological property of a literary text, generated in the process of artistic comprehension of the value aspect of the ‘man – world’ relationship, motivated by the author’s artistic conception and objectified in an artistic form. In combination with the ideas, emotivity and verbal form, imagery forms the typological dominant of a literary text, which is regarded as the essence of the latter. The necessity to represent the essence of the source text in the target culture determines the relevance of representing the imagery of the author’s artistic thinking. It is traditionally considered to be a translation difficulty, overcoming of which requires the search for creative solutions.

The article considers the interpretation of the notion ‘image’ in Translation Studies, gives its definition from the philosophical and aesthetic perspective, characterizes the processes associated with the representation of the source text imagery in translation. These processes are treated in terms of the refraction model of literary translation in reference with the degrees of the source text essence ‘refraction’ in the target text. Moreover, they are regarded in correlation with the corresponding types of literary translation, such as consonant, dissonant and consonant-dissonant. Based on the comparative analysis of source and target texts, we have identified the following processes dealing with the representation and ‘refraction’ of the source text imagery in the target culture: relatively complete representation, elimination, replacement, specification, generalization, detailing and development of the source text imagery, a change in the logic of connection between images.

Key words: translation; poetic text; typological dominant of literary text; representation of imagery; refraction.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.512.145
doi 10.17072/2073-6681-2019-4-84-91

КОНФЛИКТ СРЕДЫ И ГЕРОЕВ В РОМАНЕ Г. ИБРАГИМОВА «МОЛОДЫЕ СЕРДЦА»

Тагир Шамсегалиевич Гилязов

к. филол. н., доцент кафедры татарской литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет

420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18. tgilazov@bk.ru

SPIN-код: 1724-3389

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4307-5323>

ResearcherID: D-8774-2015

Статья поступила в редакцию 03.04.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гилязов Т. Ш. Конфликт среды и героев в романе Г. Ибрагимова «Молодые сердца» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 84–91. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-84-91

Please cite this article in English as:

Gilazov T. Sh. Konflikt sredy i geroev v romane G. Ibragimova «Molodye serdtsa» [Conflict of the Environment and Heroes in the Novel by G. Ibragimov ‘Young Hearts’]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 4, pp. 84–91. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-84-91 (In Russ.)

Рассматривается проблема противостояния героев и среды в романе-трагедии Г. Ибрагимова «Молодые сердца» (1913), где затрагивается ряд научно значимых вопросов, связанных с историей татарской литературы начала XX в. Автор произведения, Г. Ибрагимов (1887–1938), является одним из основоположников теории литературы и татарской критики (формирование которых относится к началу XX в.), а также авторитетной, влиятельной личностью, известной в литературных кругах широтой кругозора и глубиной теоретической подготовки. Герои его романа предстают в постоянном конфликте со средой («мөхит»), обществом, с собственной судьбой. Развитие сюжета и характеров происходит на фоне противостояния «нового» и «старого» в татарском искусстве слова рубежа XIX–XX вв. Целью статьи является изучение этого конфликта, определение его идейного содержания. Доказывается, что представление Г. Ибрагимова об окружающем мире, противостоящем героям, широк и весьма своеобразен. Специфика конфликта между идеалом и суровой действительностью определяет линию судьбы персонажей, характер их поступков, философию жизни. Так, в противостоянии Зии окружающей среде большую роль играет его любовь к музыке, песне, природный дар к пению. Национально акцентированный конфликт героя касается основной проблемы татарской действительности – судьбы нации. Зато описание противоречия Сабира со средой во многом определяется особенностью его характера. Действия героя не связаны ни с национальными, ни с социальными проблемами, для него важнее всего личное благополучие, свобода действий, веления души, духовное раскрепощение. В решении конфликта среды и Марьям автор делает акцент на том, что она является рабыней среды. Г. Ибрагимов утверждает, что человек, живя в обществе, не может быть свободным от его влияния. Лишь избавившись от ограничений среды, герои могут изменить общество и служить прогрессу своего народа.

В статье предпринята попытка изучить проблему противостояния героя и его окружения в романе-трагедии «Молодые сердца» (1913), а также вопрос о жанровом своеобразии произведения писателя. Именно в этом заключается научная новизна темы предлагаемой работы. В исследовании были использованы культурно-исторический, сравнительно-исторический методы, а также принципы рецептивной эстетики.

Ключевые слова: герой; конфликт; общество; среда; Г. Ибрагимов; роман трагедии; татарская литература.

В настоящее время, как известно, претерпевают изменения подходы к анализу художественных произведений. Причем делается акцент на вопросе воспитания всесторонне развитой и активной личности, имеющей представление об истории, культуре, философии жизни своего народа. При анализе литературного наследия, где объектом исследования становятся тексты, в которых рассматриваются философские вопросы бытия и человеческой жизни, фокусируется внимание на личности. И это особенно очевидно в творчестве такого крупного писателя татарской классической литературы, как Галимджан Ибрагимов (1887–1938). Данный аспект проблемы анализа художественных текстов мало изучен и в перспективе требует больших исследовательских усилий. В нашей статье предпринята попытка изучить проблему противостояния героя и его окружения в романе «Молодые сердца» (1913), а также коснуться вопроса жанрового своеобразия произведения писателя. Именно в этом заключается научная новизна темы предлагаемой работы. В исследовании были использованы культурно-исторический, сравнительно-исторический методы, а также принципы рецептивной эстетики.

Как известно, на рубеже XIX–XX вв. в общественной и культурной жизни татар происходят существенные изменения. Появляется целая плеяда деятелей, просветителей, которые ставили перед собой задачу модернизации татарского общества, реформирования общественно-философской, эстетической и научной мысли. Зарождение татарской периодической печати, развитие издательского дела, новая культурологическая ориентация – от Востока к Западу – стали импульсом к формированию татарской литературной критики, в недрах которой закладывались основы национального учения об искусстве слова и истории татарской литературы как науки. В новых социальных и культурных обстоятельствах в татарской литературе формируются новые тенденции. В данный период в татарской литературе параллельно развиваются и взаимодействуют различные творческие методы, среди которых были и модернистские течения; переосмысливается литературный опыт европейских стран; появляются новые жанры и приемы; в прозе, например, ярко проявились социально-бытовые, психологические, исторические романы, романы-трагедии; повышается интерес к национальным проблемам. Литературовед Д. Загидуллина пишет: «Начало XX века по праву считается временем зарождения новой татарской литературы, ускоренного развития татарской культуры, “золотым периодом” в национальном литературном процессе» [Загидуллина 2011: 77]. В разработке основных теоретических проблем

литературоведческой науки и в развитии новой литературы заметную роль сыграл и Г. Ибрагимов.

Роман-трагедия Г. Ибрагимова «Молодые сердца» имеет огромное значение в плане обновления татарского искусства слова начала XX в. Он был оценен современниками как прекрасный образец психологического романа. Очень богата история изучения этого произведения, которое является жемчужиной наследия писателя. После выхода в свет роман получил положительные отклики прежде всего в среде профессиональных читателей, была отмечена идейно-тематическая новизна, а также новизна формы, привнесенные им в татарскую литературу 1910-х гг. [Гыйлажев 2010: 66].

В советский период к творчеству писателя обращались такие татарские литературоведы, как Г. Сагди [Сэгди 2008], Г. Нигмати [Нигъмәти 1958], М. Хасанов [Хасанов 1977; Хәсанов 2002], И. Нуруллин [Нуруллин 1982], Т. Гилазов [Гыйлажев 2010; Гилазов 2017] и др.

На стыке XX–XXI вв. в условиях возрождения и развития теоретической мысли в изысканиях Д. Загидуллиной раскрываются совершенно новые качества романа «Молодые сердца» [Загидуллина 2006]. Разносторонняя деятельность неповторимой личности писателя рассматривается в контексте различных литературно-эстетических систем и философских концепций. Известно, что проза Г. Ибрагимова развивает традиции Востока и Запада в новых общественно-духовных условиях. Нарастающее внимание к западной культуре приводит его к поискам в области содержания и формы жанра. В его романтических произведениях особенно ярко проявляются идейно-эстетические концепции видных писателей начала XX столетия. Идейно-эстетические взгляды и взаимоотношения писателя с известными современниками исследованы в монографических работах немецких ученых-тюркологов: М. Фридриха [Friedrich 1998], И. Балдауфа [Baldauf 1994]. Теоретические вопросы жанра романа рассматриваются в работах С. Г. Келлмана [Kellman 1980], Б. В. Шаффера [Shaffer 2006].

Смена событий и развитие характеров в романе-трагедии «Молодые сердца» предстают на фоне традиционного конфликта татарской литературы рубежа XIX–XX в., а именно противостояния «нового» и «старого». В трудах, посвященных исследованию романа, рассматриваются разные варианты этой проблемы: конфликт между «старым и новым», «между минувшей и новой жизнью», проблема «отцов» и «детей». В своем учебном пособии «Каноны литературы» («Әдәбият кануннары») (1919) сам писатель это противоречие называл «борьбой старого с но-

вым» [Ибрагимов 1919: 77]. Конфликт между Джалалетдином-муллою и его сыновьями Сабиrom и Зиёй в романе определяется им так: «Так думал отец. Но сыновья ответили ему иначе. То ли под веянием времени и природы, желание отца и действия детей были противоположны друг к другу [Ибрагимов 1975: 48]¹.

Вторая вариация основного конфликта – вечное противоборство героев с окружающей средой – неоднократно повторяется автором на протяжении всего произведения. Смысл, вложенный Г. Ибрагимовым в понятие «окружающая среда», шире, чем «обитаемая среда», «национальная действительность» или «окружение». Со второй по четвертую часть в произведении описывается борьба главных героев – Джалалетдина-хазрета, Сабира, Зии, Марьям – с окружающей средой. Разрешению этого противоборства способствуют литературная и философская концепции, нашедшие отражение в рассказах прозаика, написанных в 1910-х гг. Литературовед М. Хасанов отмечает, что в романе «Молодые сердца» наиболее наглядно отразилась та идейно-эстетическая концепция, которая присутствовала в ранних новеллах Г. Ибрагимова [Хасанов 1975: 33]. По словам известного литературоведа Дж. Валиди, Г. Ибрагимов в 1910-х гг. серьезно задумывался над проблемой описания человека в литературе [Гилазов 2015: 207]. Философская концепция человека и его сущности, присутствующая в рассказе «Угасший ад» (1911), прослеживается в каждом герое романа. «Люди по своей природе, силе делятся на несколько видов: некоторые своими железными руками поворачивают судьбу в нужное им русло – это настоящие хозяева жизни, правители. Остальные безропотно выполняют предначертания рока, они не являются правителями своих судеб, а всю жизнь рабы судьбы и среды» [Ибрагимов 1974: 127].

В свете сказанного особый интерес представляет образ Зии. Он человек тонкой души, влюбленный в музыку до «умопомрачения». «Главный герой романа Зия, – пишет критик Г. Губайдуллин, – романтик, слабый, немощный человек, человек женской сущности... Он представитель «вечной трагедии», деятельный на своем пути, поэтическая натура которого помешана на музыке» [Губайдуллин 2008: 81]. В противостоянии Зии окружающей среде большую роль играет его любовь к музыке, проявившаяся с раннего детства, природный дар к исполнению песни, восприятию татарской мелодии. Отношение к музыке в национальной реальности начала XX в. хорошо отображается во внутреннем монологе Зулехи-абыстай об игре Зии на скрипке: «Музыкант для нее – так же грешен, как распутник, как вор, избитый за кражу лошади, или поющий

на улице. Ведь лишь безбожники и бесстыдники любят музыку» [Ибрагимов 1980: 57].

Интересно и то, что чем старше становится Зия, тем любовь к музыке становится сильнее. Поэтому противостояние героя и среды, его духовные переживания со временем претерпевают изменения. На вечерах в мектебе, организованных после ухода хазрета, Зия играет на курае, кубызе, иногда на гармошке, принимает участие в пении. Вернувшись в деревню, он втайне от всех играет на кубызе. Это занятие Зии не одобряет его отец Джалал-хазрет, за это «он отведал немало палок и издевательств» [Ибрагимов 1975: 65]. Безысходность в его противостоянии окружающей среде, появившаяся вследствие того, что добросердечная мать Зии не смогла «отвадить своего сына от этой напасти, а также авторитет семьи перед деревенским людом, мнение общества об музыкальном виде искусства играют важную роль: «Разве допустимо, чтоб сын известного Джалала-муллы и образованной Зулехи-абыстай мог находиться в обществе отпетых озорников! Подобного не позволит среда! Это ведь не занятие для сына досточтимого хазрета!» [Ибрагимов 1980: 46]. По философской концепции автора Зия относится к группе «слабых людей», его природа «не приемлет открытой борьбы против всей среды».

Свою неосуществленную мечту «стать известным мударисом в городе» Джалал-мулла хочет осуществить в сыновьях, поэтому он отдает Зию в медресе. Понятие «национальной действительности» в этот период жизни махдума характеризуется законами мектебов и медресе, порядками, установленными в них на протяжении веков: «Это особый мир, особое царство. У него есть своя собственная история, своя жизнь, которую нельзя менять, а также законы и обычаи, закрепленные стараниями многих учителей и мударисов. На протяжении многих веков жизнь в медресе протекала именно по этим обычаям и законам. Нарушение даже одного из них является большим грехом» [Ибрагимов 1975: 68]. В годы учебы в медресе мощь окружающей среды, ее давление на Зию умножаются многократно. Его желание наслаждаться музыкой загнано в строгие рамки мусульманского канона. Однако природная любовь Зии к музыке, его стремление к идеальной жизни заставляют героя сделать смелый шаг к преодолению ограничений своей среды. Он сближается с безбожным Садыком, известным на все медресе своей злобой, скверным языком и безнравственностью, и начинает посещать публичные дома. Пригласив в комнату «малонакрашенную, с молодым, безгрешным взглядом» девушку, Зия начинает слушать ее песни, которые больше нигде не услышишь, «все

мелодии, дошедшие до нас на протяжении многих веков». Однако о его посещении домов «с красными фонарями» становится известно, и Зию выгоняют из медресе.

Фраза автора о том, что, «когда Зия попал в большое медресе далекого города, положение его еще больше усугубляется» [Ибрагимов 1975: 68], дает возможность понять безысходность ситуации, в которой оказался герой («Талант, вложенный в Зию рукой самого творца, музыкальная страсть, как бы ни рвались наружу, не могли вырваться, ибо всеильная среда давила их железными руками» [Ибрагимов 1980: 51]). Понятие «среда», таким образом, расширяется, по сути, становится орудием, формой противостояния национальным обычаям и традициям татар. Не случайно, что в качестве синонима автор использует понятие «судьба». Внутренние переживания Зии, не являясь переживаниями простого человека, обретают трагическое, почти экзистенциальное звучание: «Поэтому в его жизни господствовала очень сильная трагедия, необъяснимая ни умом, ни языком» [Ибрагимов 1975: 77].

Зия – любитель прекрасного, но «ему дорого не просто внешнее прекрасное, а духовная красота, соединенная с влюбленностью, национальностью и естественной природой» [ibid.: 81]. Когда Зию призывают в солдаты, он встречается с разными представителями татарской разночинной молодежи, шакирдами-выпускниками, друзьями детства. Одна из таких встреч происходит у Сафи. На этой встрече разгорается спор о будущем татарского народа, проблемах его европеизации, судьбе национальной культуры вообще. Зия предлагает готовить национальных художников и композиторов, которые могли бы своим искусством подвигать, побуждать народ к сохранению нации и могли бы своим талантом служить прогрессу народа. «Пусть родится от татарского сына великий в прямом смысле художник и композитор, способный раскрыть всю гармонию и глубинные тайны татарской души. Однако я не верю, что можно возродить, вдохнуть жизнь целому народу или роду... без этих двоих» [ibid.: 181].

Узнав из писем Зии о его планах на будущее, о его желании открыть музыкальные школы, Джаялетдин-мулла, который еще надеялся на то, что, вернувшись со службы, Зия станет ахуном или мударисом, рвет связи с сыном навсегда...

Когда герой служил солдатом, давление на него среды («темной силы»), ничуть не уменьшилось. По случаю возвращения Зии со службы Гусман организует у себя дома застолье. На этом вечере Зия, удрученный тем, что он не стал музыкантом, раскрывает свою душу поэту Кариму, говоря о своей мечте служить народу музыкой:

«В такие минуты, возможно, я и впрямь сумасшедший... Но я верю, я готов поклясться, что своей музыкой разбужу свой народ, очищу заплесневелые сердца, изменю тяжелую судьбу, освещу темную жизнь» [Ибрагимов 1980: 211]. Автор выражает взгляд национальной общественной мысли начала XX в. на обновление татарской жизни силой искусства. По мнению Г. Ибрагимова, музыка способна побуждать татарский народ двигаться вперед. Однако Зия, мечтавший изменить жизнь нации в лучшую сторону с помощью музыки, не выдержав давления старых порядков, безвременно умирает от сердечного приступа...

Небезынтересно, как в произведении изображено противоборство Сабира и среды. Сабир связывает свою жизнь с «низкой, грубой, простой» крестьянской реальностью, отказавшись от желаемого отцом учительства. Прежде чем прийти к такому решению, Сабир проходит через духовные искания и тернистый путь. В поисках места в жизни он пробует себя в разных профессиях: «Он учительствовал несколько лет, был наставником медресе; служил в конторах известных баев; пробовал заняться торговлей. Но ничто не захватило его, нигде не приобрел он душевного покоя» [Ибрагимов 1975: 40]. В некоторых моментах он схож с Салимом, героем рассказа Г. Ибрагимова «Один эпизод из жизни молодежи» (1908) [Гилазов 2017: 154–155], но имеются и существенные различия. Центром среды, с которой герой находится в противоречии, является «окунувшаяся с головой в моду и украшения дорогая городская жизнь» [Ибрагимов 1975: 57]. На эту особенность указывал в свое время известный литературовед и критик Г. Нигмати [Нигмати 1958: 83–84].

Учеба, образование, культура – все это противоречит натуре Сабира, стремящейся избавиться от влияния среды, к свободе проявления личности. Хотя этот герой решительно отличается от романтических героев внешним портретом, умением себя держать, отношением окружающей среды к нему, автор описывает Сабира как душевного и духовного человека. «Если существует открытое противоречие души и природы человека с его жизнью, то свободолобивое сердце этого не может вынести. И Сабир чувствовал в себе что-то такое» [Ибрагимов 1975: 57]. Эта особенность характера героя оказывает большое влияние на описание его противоречий со средой. Уход Сабира в деревню, посвящение своей жизни «земле» Г. Ибрагимов не мотивирует желанием обогатиться, а, наоборот, дает понять, что он это сделал по зову души. «Там будет *моя*, пусть хоть вершок, земля, *моя* соха, *моя* лошадь. *Своими* крепкими руками впрягу *свою* лошадь в

свою соху, вспашу свою землю, посею, взращу хлеб, который будет принадлежать только мне» [Ибрагимов 1980: 42]. Если обратить внимание на речь Сабира, то можно заметить стилистическую особенность его языка: это язык романтической поэзии. В одном предложении девять раз повторяется слово «уз» («свое»), которое определяет черты характера романтически настроенного героя. «Я ведь не только словами и умом, а инстинктивно тянусь к деревне. Верно, все перечисленное тобой там может и не быть, однако будет то, чего желает моя душа. Я буду делать то, что сам пожелаю, буду хозяином себе и своей свободе. Буду свободным. Мне этого достаточно» [Ибрагимов 1975: 60].

Мы видим, что эти действия героя не связаны с национальными или социальными проблемами. «Сабира не интересуют общественные идеалы, не волнуют судьбы народа, для него важнее всего личное благополучие» [Хасанов 1977: 36]. На первое место он ставит желание души, собственное «я». Сабир отличается от других персонажей сильным и твердым характером, автор делает упор на открытую борьбу героя против среды, «даже если на его пути посыпятся камни с неба, он не остановится». Он, обладающий способностью «наводить страх на ближних какой-то скрытой злобой», побеждать, подчинять себе других, отличается от всей интеллигентной молодежи тем, что ему удастся изменить судьбу, преодолеть ограничения среды. Философская концепция автора, согласно которой есть люди, которые «не похожи на других, не плывут по течению судьбы, а победив среду, разворачивают судьбу в нужное им русло» [Ибрагимов 1975: 93], приобретает художественное воплощение именно в этом герое. В рецензиях, написанных в 1910-х гг., отмечается, что «среди героев произведения, кроме Сабира, между их мыслью и жизнью лежит какая-то пропасть» [Гыйлажев 2010: 80].

Своеобразное решение конфликта среды и героя прослеживается в судьбе нежной, любящей и мечтательной Марьям. Автор делает акцент на том, что она является рабыней среды, и в этой части произведения он снова возвращается к философии «сильных» и «слабых» людей. «В романе достаточно большое место занимает образ Марьям-гуташ», – пишет Г. Губайдуллин. – По словам автора и по содержанию романа мы видим, что она, будучи еще девочкой, была рабыней среды, “тихой, скромной девочкой”» [Гобайдуллин 2008: 82]. Противопоставленное Марьям окружение – это, с одной стороны, деревенская жизнь, ее простой и незатейливый быт, а с другой – объективное социальное положение. «В ней уживаются два мира: один, внешний и

чуждый для нее – деревенская жизнь, второй, близкий и дорогой – хоромы Гарея-мирзы. Эти два мира абсолютны противоположны друг другу и их влияния на Марьям – различны» [Ибрагимов 1980: 41].

Низкой, излишне материальной, «представшей перед глазами, словно море грубости и простоты» деревенской жизни противостоит «похожий на дворец падишаха... большой и красивый дом» Гарея-мирзы. Марьям воспитывается в хоромах Гарея-мирзы, закрывшись от внешнего влияния среды. Джалялетдин-мулла наряду с Гареем-мирзой является авторитетом в деревне, поэтому и Фатима-бике общается с семьей хазрета. На этой почве появляется возможность встречи скромного, доброго сына Зулейхи-абыстай Зии, в отличие от деревенских парней одевающегося очень чисто и аккуратно, с Марьям. По мере взросления Марьям в ее жизнь входят обычаи и традиции национальной жизни и законы шариата и исламской культуры. Проходит детство, Марьям вступает в пору юности, и «темная сила» ограничивает их встречи. «Наступила юность. Среда им тут же заявила: теперь вы “намахрамы”²» [Ибрагимов 1975: 99].

Во время учебы в женском мектебе в душе Марьям зарождается чувство первой любви, а в годы дружбы Зия предстает перед ней в ином свете. Приравненный в мечтах девушки к героям турецких романов, красавец Зия своим красивым голосом признается ей в любви. Однако любовь молодых наталкивается на противоречие порядков и обычаев татарской жизни. Они начинают писать друг другу любовные письма, при малейшей возможности втайне от родителей и деревенского люда встречаются в укромных местах: «В те годы Зия приезжал домой каждое лето; живя в соседних домах, они не имели возможности встретиться, разговаривать на людях, лишь темные ночи соединяли их, а густые кусты и старые дубы большого сада скрывали от злых языков» [ibid.: 109]. Влюбленность двоих превращается в большую любовь: как Марьям полностью была привязана к Зие, так и он обожеествлял девушку: «...пусть этот счастливчик хоть разок взглянет в лунные ночи или на рассвете в таинственное, мечтательное лицо Марьям, в большие черные глаза, полные божественного блеска, – клянусь, он потеряет волю, забудет о себе и на всю жизнь станет рабом этого лица, глаз, излучающих духовную красоту, щедрость сердца, – этого избранного творения Всевышнего» [Ибрагимов 1980: 76]. Непокосимые каноны татарской жизни, т. е. среда, встают на пути счастья молодых. Зию призывают на службу, а Марьям, находясь в тяжелом состоянии, по настоянию Фатимы-бике выходит замуж за Фахри-мирзу, и

этим превращает жизнь своей дочери в настоящий ад. Смерть Фахри, выпившим яд за сараем дома, дает почву для обвинения Марьям в убийстве мужа, за что ее ссылают на шестилетнюю каторгу. Жизненный путь Марьям трагически обрывается под натиском среды, правил и обычаев повседневной жизни мурз и «отцовской» силы.

Таким образом, роман трагедии Г. Ибрагимова «Молодые сердца» выделяется среди других произведений начала XX в. и своим содержанием, и художественным замыслом. Раскрытое в контексте основного конфликта «отцов» и «детей» содержание «среды» в ее противостоянии героям приобретает различные смысловые оттенки. Персонажи, которые описаны в романе, стремятся избавиться от окружающего давления. Автор утверждает, что человек, живя в обществе, не может быть свободным от его влияния. Лишь избавившись от условностей среды, герои могут изменить общество и служить прогрессу татарского народа.

Примечания

¹ Здесь и далее перевод с татарского на русский язык наш. – Т. Г.

² Намахрамы – по канонам шариата молодым людям уже можно жениться, но встречи наедине запрещены.

Список литературы

Гилазов Т. Ш. Вклад Джамала Валиди в историю литературной мысли у татар // Филология и культура. Philology and Culture. 2015. № 4(42). С. 206–210.

Гилазов Т. Ш. Рассказ Г. Ибрагимова «Один эпизод из жизни молодежи» в литературной критике 1910-х годов // Филология и культура. Philology and Culture. 2017. № 2(48). С. 153–158.

Гобәйдуллин Г. Яшь әдәбиятыбызда – «Яшь йөрәкләр» // Гыйлажев Т. Ш. Рецензияләрдән – тәгъзияләргә: XX йөз башы татар әдәби тәнкыйте. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2008. Б. 78–84.

Гыйлажев Т. Ш. Г. Ибрагимовның «Яшь йөрәкләр» романы һәм гыйльми-тәнкыйди фикер // Фәнни язмалар – 2008: фәнни мәкаләләр жыентыгы / Фәнни мөхәррире: И. А. Гыйлажев; төзүчесе: Ә. Ш. Юсупова. Казан: Ихлас, 2010. Б. 66–73.

Загидуллина Д. Ф. История науки о литературе у татар: учеб. пособие. Казань: Казан. ун-т, 2011. 132 с.

Загидуллина Д. Ф. Дөнья сурәте үзгәрү: XX йөз башы татар әдәбиятында фәлсәфи эсәрләр. Казан: Мәгариф, 2006. 191 б.

Ибрагимов Г. Молодые сердца. Роман и рассказы / пер. с тат. Р. Фаткуллиной. Казань: Татарское кн. изд-во, 1980. 240 с.

Ибрагимов Г. «Я жизнь искал, смысла жизни искал...» / авт. текста на татарском языке Д. Ф. Загидуллина. Казань: Институт языка, литературы и искусства, 2017. 336 с.

Ибрагимов Г. Эсәрләр: сигез томда. Т. 1: Хикәяләр (1907–1929). Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1974. 477 б.

Ибрагимов Г. Эсәрләр: сигез томда. Т. 2: Яшь йөрәкләр, Казак кызы. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1975. 477 б.

Ибрагимов Г. Әдәбият кануннары. Теория словесности. Казан: Изд. Товарищества «Сабах», 1919. 77 б.

Нигъмәти Г. Г. Ибрагимов һәм аның әдәби иҗат юлы // Сайланма эсәрләр. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1958. Б. 73–91.

Нуруллин И. Галимжан Ибрагимов // XX йөз башы татар әдәбияты. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1982. Б. 159–176.

Сәгъди Г. Татар әдәбияты тарихы // Габдрахман Сәгъди: фәнни-биографик жыентык / Төзүчеләр: Д. Загидуллина, Ч. Гыйлажева. Казан: Жыен, 2008. Б. 52–189.

Хасанов М. Х. Галимжан Ибрагимов. Казань: Татарское кн. изд-во, 1977. 432 с.

Хасанов М. Х. Галимжан Ибрагимов: шәхес һәм иҗаты, ул яшәгән заман турында уйланулар (тууына 115 ел тулу уңае белән) // Галимжан Ибрагимов һәм хәзерге заман: Тууына 115 ел тулуга багышланган фәнни конференция материаллары. Казан: Фикер, 2002. Б. 4–12.

Baldauf I. Prometheus in der circumrevolutionären tatarischen Lyrik // Bamberger Mittelasiestudien / Hrsg. Bert G. Fagner, Birgitt Hoffman. Berlin, 1994. S. 25–66.

Friedrich M. Gabdullach Tuqaj (1886–1913) // Ein hochgelobter Poet im Dienst von tatarischer Nation und sowjetischem sozialismus. Wiesbaden, 1998. 340 S.

Kellman S. G. The Self-Begetting Novel. L.; Basingstoke: The Macmillan Press Ltd, 1980. X p. 161 p.

Shaffer B. W. Reading the Novel in English 1950–2000. Blackwell Publishing, Malden, MA., 2006. 265 p.

References

Gilazov T. Sh. Vklad Dzhamala Validi v istoriyu literaturnoy mysli u tatar [Jamal Validi's contribution to the history of literary ideas among the Tatars]. *Filologiya i Kultura. Philology and Culture*, 2015, issue 4(42), pp. 206–210. (In Russ.)

Gilazov T. Sh. Rasskaz G. Ibragimova 'Oдин epizod iz zhizni molodezhi' v literaturnoy kritike 1910-kh godov [G. Ibragimov's story 'One Episode from the Life of Young People' in the Literary Criticism of the 1910s]. *Filologiya i Kultura* [Phi-

ology and Culture], 2017, issue 2(48), pp. 153–158. (In Russ.)

Gobəydullin G. Yash' ədəbiyatybyzda – 'Yəsh' jərəklər' [In the young literature – 'Young Hearts']. Gyylazhev T. Sh. *Retsenziyalərdən – təg'ziələrgə: 20 jöz bashy tatar ədəbi tənkyjte* [From reviews to obituaries: Tatar literary criticism of the early 20th century]. Kazan, Tatarstan Kitap Neshriyaty Publ., 2008, pp. 78–84. (In Tatar)

Gyylazhev T. Sh. G. Ibrahimovnyñ 'Yəsh' jərəklər' romany həm gyjl'mi-tənkyjdi fiker ['Young Hearts' by G. Ibragimov and scientific theoretical thought]. *Fənni yazmalar – 2008: fənni məkalələr əçyentygy* [Scientific Notes – 2008]: Fənni məkərrire: I. A. Gyylazhev; təzyçese: Ə. Sh. Yusupova. Kazan, Ikhlas Publ., 2010, pp. 66–73. (In Tatar).

Zagidullina D. F. *Istoriya nauki o literture u tatar: uchebnoe posobie* [The Tatars' history of the science of literature: Textbook]. Kazan, Kazan State University Press, 2011. 132 p. (In Russ.)

Zagidullina D. F. *Dən'ya surəte üzgəry: 20 jöz bashy tatar ədəbiyatında fəlsəfi əsərlər: monografiya* [Transformation of the picture of the world In Tatar literature of the early 20th century]. Kazan, Megarif Publ., 2006. 191 p. (In Tatar)

Ibragimov G. *Molodye serdtsa. Roman i rasskazy* [Young hearts. Novel and stories]. Transl. from Tatar by R. Fatkullina. Kazan, Tatarskoe Knizhnoe Izdatelstvo Publ., 1980. 240 p. (In Russ.)

Ibragimov G. 'Ya zhizn' iskal, smysla zhizni iskal...' [I was looking for life, the meaning of life ...]. Author of the text In Tatar: D. F. Zagidullina. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Press, 2017. 336 p. (In Russ.)

Ibragimov G. *Əsərlər: sigez tomda* [Works: in 8 vols]. Kazan, Tatarstan Kitap Neshriyaty Publ., vol. 1. *Khikəyalər (1907–1929)* [Stories (1907–1929)], 1974. 477 p. (In Tatar)

Ibragimov G. *Əsərlər: sigez tomda* [Works: in 8 vols]. Kazan, Tatarstan Kitap Neshriyaty Publ., 1975, vol. 2 *Yəsh' jərəklər, Kazak kzyzy* [Young hearts, Daughter of the steppe]. 477 p. (In Tatar)

Ibragimov G. *Ədəbiyat kanunnary. Teoriya slovesnosti* [Theory of literature. Theory of language

art]. Kazan, Izdanie Tovarishchestva 'Sabakh' Publ., 1919. 77 p. (In Tatar)

Nig'məti G. G. Ibrahimov həm anyñ ədəbi iğat yuly [G. Ibragimov and his creative way]. *Sajlanma əsərlər* [Selected works]. Kazan, Tatarstan Kitap Neshriyaty Publ., 1958, pp. 73–91. (In Tatar)

Nurullin I. Galimğan Ibrahimov [Galimdzhan Ibragimov]. *20 jöz bashy tatar ədəbiyaty* [Tatar literature of the early 20th century]. Kazan, Tatarstan Kitap Neshriyaty Publ., 1982, pp. 159–176. (In Tatar)

Səg'di G. Tatar ədəbiyaty tarikhy [The history of Tatar literature]. *Gabdrakhman Səg'di: fənni-biografik əçyentyk* [Gabdrakhman Sagdi: Historical documentary collection]. Ed. by: D. Zagidullina, Ch. Gyjləçeva. Kazan, Zhyen Publ., 2008, pp. 52–189. (In Tatar)

Khasanov M. Kh. *Galimdzhan Ibragimov*. Kazan, Tatarskoe Knizhnoe Izdatelstvo Publ., 1977. 432 p. (In Russ.)

Khasanov M. Kh. Galimdzhan Ibrahimov: shəkhesə həm iğaty, ul yashəgən zaman turynda ujlanular (tuuyña 115 el tulu uñaç belən) [Galimdzhan Ibragimov: his personality and creativity, reflections on the time he lived in (on the occasion of the 115th anniversary of his birth)] *Galimdzhan Ibrahimov həm khəzergə zaman: Tuuyña 115 el tuluga bagyshlangan fənni konferenciya materiallary* [Galimdzhan Ibragimov and the modern world: Proceedings of the scientific conference dedicated to the 115th anniversary of his birth]. Kazan, Fiker Publ., 2002, pp. 4–12. (In Tatar)

Baldauf I. Prometheismusin der circumrevolutionarentatarischen Lyrik, in: *Bamberger Mittelasiestudien*. Publ. by Bert G. Fagner, Birgitt Hoffman. Berlin, 1994, pp. 25–66. (In Germ.)

Friedrich M. *Gabdullach Tuqaj (1886-1913). Ein hochgelobter Poet im Dienst von tatarischer Nation und sowjetischem sozialismus*. Wiesbaden, 1998. 340 p. (In Germ.)

Kellman S. G. *The Self-Begetting Novel*. London, Basingstoke, The Macmillan Press Ltd, 1980, X. 161 p. (In Eng.)

Shaffer Brian W. *Reading the Novel in English 1950–2000*. Malden, MA., Blackwell Publishing, 2006. 265 p. (In Eng.)

CONFLICT OF THE ENVIRONMENT AND HEROES IN THE NOVEL BY G. IBRAGIMOV 'YOUNG HEARTS'

Tagir Sh. Gilazov

Associate Professor in the Department of Tatar Literature

Kazan Federal University

18, Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russian Federation. tgilazov@bk.ru

SPIN-code: 1724-3389

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4307-5323>

ResearcherID: D-8774-2015

Submitted 03.04.2019

This article deals with the problem of confrontation between heroes and the environment in the tragedy novel *Young Hearts* by G. Ibragimov (1913). It addresses a number of scientifically significant issues related to the history of Tatar literature in the early 20th century. G. Ibragimov (1887–1938) is one of the founders of literary theory and Tatar criticism, which emerged at the beginning of the century. He is an authoritative and influential person known in literary circles for his breadth of horizons and the depth of theoretical training. In the novel, the writer portrays his heroes in an eternal conflict with the environment ('møkhit'), society and fate. The development of the plot and characters in the work appears in the conflict characteristic of Tatar art of writing at the turn of the 19th–20th centuries, namely in the confrontation between the 'new' and the 'old'. The purpose of the article is to study this conflict and to determine its content. The author argues that G. Ibragimov's idea about the world around as the world opposing the heroes is rather peculiar. The specific nature of the conflict between the ideal and the harsh reality determines the characters' line of fate, the nature of their actions, as well as their philosophy of life. In Zia's opposition to the environment, his love for music and his natural gift for the song play a big role. The nationally emphasized conflict of the hero concerns the main problem of Tatar reality – the fate of the nation. The description of Sabir's confrontation with the environment is greatly influenced by the peculiarity of his character. The actions of the hero are not related to national or social problems since personal well-being and spiritual emancipation of the person are what is most important to him. In solving the conflict of the environment and Maryam, the author focuses on her fate, notably on the fact that she is a slave to the environment. G. Ibragimov argues that a person living in society cannot be free from its influence. Only by getting rid of the prescriptions of the environment, the heroes can change society and serve the progress of their people.

The article attempts to study the problem of confrontation between the hero and the environment in the tragedy novel *Young Hearts* (1913), and is first to address the genre originality of the writer's work. The study used cultural-historical and comparative-historical methods, as well as the principles of receptive aesthetics.

Key words: hero; conflict; society; environment; G. Ibragimov; tragedy novel; Tatar literature.

УДК 82-32

doi 10.17072/2073-6681-2019-4-92-98

«ПУСТЬ ЛЕЖИТ, ГДЕ НАШЛИ»: ОБ ОДНОМ МОТИВЕ БРИТАНСКОЙ ГОТИЧЕСКОЙ НОВЕЛЛИСТИКИ

Анастасия Андреевна Липинская**к. филол. н., доцент кафедры английского языка в сфере наук о Земле****Санкт-Петербургский государственный университет**

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. nastya.lipinska@gmail.com

SPIN-код: 2459-2124

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3366-4335>

ResearcherID: C-8368-2016

*Статья поступила в редакцию 09.10.2019***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Липинская А. А. «Пусть лежит, где нашли»: об одном мотиве британской готической новеллистики // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 92–98. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-92-98***Please cite this article in English as:***Lipinskaya A. A. "Pust' lezhit, gde nashli": Ob odnom motive britanskoy goticheskoy novellistiki ['Let It Lie Where It Is': On One Motif in British Ghost Stories]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 4, pp. 92–98. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-92-98 (In Russ.)*

Британская готическая новелла была чутким барометром эпохи. В ее специфической разновидности, т. н. антикварной готике, встречается парадоксальный мотив отказа от музеефикации – во времена повышенного интереса к истории и формирования значительных музейных собраний авторы новелл показывают, как персонажи возвращают на место или уничтожают найденные ими артефакты. Такие находки, согласно логике жанра, представляют собой порталы в прошлое, возвращение которого считается пугающим и нежелательным. В ряде случаев артефакт – это мертвое тело (мумия или скелет), и тогда работает заимствованная поздней готикой фольклорная логика: тело перестает быть исторической ценностью и рассматривается как мертвец, лишенный должного погребения и представляющий опасность для живых, следовательно, его необходимо оставить в покое или уничтожить. Размещение в музейной экспозиции само по себе может выступать как недолжное посмертие – травестия настоящего погребения: стеклянная витрина, публичное пространство музея вместо непоколебленной могилы. Подобные сюжетные ходы не следует воспринимать как прямое отражение взглядов авторов, среди которых были профессиональные историки и антиквары-любители, – это лишь символически проработанные и обыгранные, иной раз в комедийном ключе, витавшие в воздухе идеи. В этом смысле антикварная готика представляет собой интересный материал для изучения истории идей, отношения викторианцев и эдвардианцев к прошлому, ко всему необычному, чужому и непонятному.

Ключевые слова: готическая новелла; антикварная готика; фольклор; музей; артефакт.

Важной частью британской готической традиции являются готические новеллы (ghost stories, букв. «истории с привидениями»), пик популярности которых пришелся на рубеж XIX–XX столетий. Это короткие тексты, в центре которых – вторжение опасного иного (чаще всего сверхъестественного, инонационального или относящегося к прошлому [Killeen 2014: 2; McClelland

2006: 20–21; Mighall 1999: XIV]) в современный рационально устроенный мир. Такая проблематика хорошо вписывается в причудливую гносеологию эпохи [Kedra-Kardela, Kowalczyk 2014: 37], предполагающую одновременно веру в научный прогресс, всевозможные оккультные течения и живое внимание к архаическим культурам и их наследию, тем более в

Британской империи, еще обширной, но уже испытывающей серьезные проблемы – научный интерес и обывательское любопытство соседствовали со страхом перед потенциально опасным архаическим иным, особенно на фоне дарвиновских учений, которые все еще активно обсуждались. Прошлое воспринималось двойственно: и как наследие, которым можно интересоваться и гордиться, и как нечто проблематичное, тревожащее – например, примитивные культуры и первобытная древность, когда сама грань между человеком и животным была пугающе зыбкой (более того, водораздел между архаикой и современностью не представлялся абсолютным).

На этом фоне появилась разновидность готических новелл, или историй с привидениями, которые теперь иногда обозначают как «антикварная готика» [Brewster 2012: 41]. Авторы, многие из которых профессионально или на любительском уровне занимались историческими исследованиями и собиранием всевозможных артефактов и просто интересных сведений (медиевист М. Р. Джеймс, историк-краевед А. Грей, антиквар С. Бэринг-Гулд и др.), охотно использовали материалы из сферы своих профессиональных интересов в художественных текстах. И здесь обращает на себя внимание один довольно часто встречающийся мотив – отказ от музеефикации, т. е. ситуация, в которой некий старинный предмет решают не отправлять в музей, а оставить (как правило, закопать) там, где его нашли, или вовсе уничтожить. Подобное нарушение научного протокола [Senf 2000: 218] парадоксально, особенно если учесть, что в то время формировались многие крупные музейные собрания (к примеру, в Лондоне в 1852 г. был основан Музей Виктории и Альберта, в 1857 г. – Музей науки, в 1881 г. открыт для посетителей Музей естественной истории). Цель данной статьи – установить логику, стоящую за этим мотивом.

Важно учитывать, что в «антикварной готике» артефакт служит своего рода порталом, сквозь который потенциально опасные силы проникают в современную реальность. Движущей силой сюжета служит зачастую любопытство; один из рассказов М. Р. Джеймса так и называется – «Предостережение любопытным» (*A Warning to the Curious*, 1925) [James 1994: 314–327]. Интересно, что оно не окрашено этически, но является воплощением заимствованной из фольклора логики: запрет непременно будет нарушен, в противном случае истории попросту не было бы – достаточно вспомнить запретную комнату в замке Синей Бороды. Но последствия прикосновения к прошлому опасны, иногда фатальны: самое малое, что может ждать героя, – сильный испуг, а возможна и гибель.

Один из самых известных текстов по теме – «Альбом Каноника Альберика» М. Р. Джеймса (*Canon Alberic's Scrap-book*, 1893) [ibid.: 11–20]; здесь присутствует весь комплекс классических мотивов: историк покупает древнюю рукопись, читает ее без необходимых предосторожностей и выпускает на волю чудовище. Рукопись сжигают во избежание повторного инцидента, но предварительно фотографируют, поскольку она все-таки представляла собой интересный исторический документ. Здесь хорошо видны два способа отношения к этому документу. Он одновременно опасен как ключ к чужому, страшному миру архаики, населенному неизвестно кем, и интересен – опять-таки, своей необычностью, уникальностью, долгой историей (это подшивка, в которой собраны подробно перечисленные автором памятники, способные заинтересовать любого коллекционера – разумеется, вымышленные). Одно без другого, по логике сюжета, невозможно – любопытство открывает дорогу страху. В то же время герои рассказа поступают с рукописью сразу двумя способами. Они сжигают ее – как могли бы в древности сжечь ведуна или служащий колдовским целям предмет, и архаичность расправы (пусть и мотивированная утилитарно) сама по себе характерна. Информация же, нейтральная, переработанная в духе современной технократической цивилизации, хранится на фотоснимке.

В новелле Джона Бакана «Ветер в портике» (*The Wind in the Portico*, 1928) [Buchan 1928: 113–148] не слишком просвещенный, однако преисполненный энтузиазма любитель древностей приносит к себе в поместье алтарь римско-британского божества и, вероятно, использует его по назначению, потом спохватывается и проводит церемонию перепосвящения, но сгорает вместе с этим алтарем. В духе присущего жанру двойного объяснения это можно трактовать либо как гнев божества, либо как последствия пожара в котельной. В результате остается довольно много древних скульптур, сильно обугленных, которые не хотят брать в музей. Очевидно, что дело не только в плохом состоянии вещей – в мире новеллы они слишком явно связаны с темными древними силами, и нести в музей полноценный портал в языческое прошлое, конечно, никому не хочется. Но Бакан, человек широко образованный, пропитал всю новеллу реальными историко-археологическими подробностями, отсылками к научным трудам и описаниями памятников. К примеру, в тексте детально описана некая бородатая Горгона [ibid.: 142] – достаточно зловещая и двусмысленная, чтобы попасть в готический текст: это не зверь и не человек, не мужчина и не женщина в полной мере. Это не

выдумка писателя: соответствующая скульптура имеется в Британском Музее, а видел ее автор если не в собственно коллекции, то на фронтисписе научного труда [Haverfield 1979], упомянутого в рассказе [Buchan 1928: 131]. То есть что бы ни сообщал нам рассказчик, артефакты из дома с портиком попали в музей – хотя бы некоторым читателям, активно интересующимся историей, эта идея могла, а возможно, и должна была прийти в голову. Так фиктивная реальность парадоксально открывается в реальность читателя, причем весьма зловеще. Интересно, что и у М. Р. Джеймса звучал этот мотив: о поимке или уничтожении нарисованного на миниатюре и затем ожившего чудовища нет ни слова, о нем как будто забыли, значит, можно заключить, что оно все еще находится в «нашем» мире – весьма эффективный прием создания атмосферы страха и тревоги.

Следующий пример напоминает, что в роли артефакта может служить и мертвое тело (мумия или скелет), соответственно, его размещение в музейной экспозиции представляет собой недолжное погребение. Часто встречающиеся в фольклорных рассказах ходячие мертвецы бродят зачастую именно потому, что они по той или иной причине не были преданы земле согласно обычаю [Bennett: 41]. Так фольклорная логика обретает в готических новеллах вторую жизнь.

Новелла С. Бэринг-Гулда называется «Н. Р.» (1904, название расшифровывается как *homo prehistoricus*, т. е. доисторический человек) [Baring-Gould 1904: 143–159]. Автора, вероятно, вдохновляли и дарвиновские идеи, активизировавшие интерес к доисторическим предкам человека, и крупные археологические находки – не только останков, но и, например, росписей в пещерах как раз в интересующую нас эпоху. Бэринг-Гулд пишет комический текст про археолога, что само по себе симптоматично: значит, можно было рассчитывать, что шутку поймут многие, соответствующие темы были на слуху, и читатели этого периода отличались подготовленностью [Соловьева 1988: 86].

Протагонист на протяжении нескольких страниц рассказывает, как он работал в пещере Фонде-Гом (открытой в 1901 г. – совсем свежая находка на момент написания новеллы), так что поначалу новеллу легко принять за подлинные воспоминания или очерк в духе тех, что составляют книгу Бэринг-Гулда «Странные пережитки» [Baring-Gould 1892]; строго говоря, документальное начало характерно и для собственно готических новелл [Hughes 2013: 70; Водолажченко 2014: 61]. Рассказчик находит скелет древнего человека, предмет чрезвычайно ценный и редкий, но тут появляется призрак покойного – и

скелет из сферы антропологии и археологии перемещается в сферу «опасной» архаики. Это потревоженный мертвец, и он вступает в диалог с героем, к счастью, без фатальных последствий – все же рассказ представляет собой юмореску. Диалог археолога и «находки» выглядит как совершенно гротескный смотр сравнительных достоинств неолитической и современной цивилизации (тема не новая и, вероятно, восходящая к пассажиру из классического труда Э. Б. Тайлора [Tylor 1891: 7]) – оказывается, в то время как скелет мирно лежит в пещере, призрак бродит среди живых. Прошлое совершенно буквально вторгается в настоящее. Едва ли возможно понять, над кем и над чем в большей степени смеется автор – над незадачливым археологом или над тем, как призрак выкрикивает революционные лозунги по-французски и радуется, что в его мире можно бить жен дубинкой по голове. В любом случае очевидно, что серьезный исторический анализ не предполагается, тем более что встреча двух цивилизаций прерывается обмороком протагониста, и вполне можно предположить, что он просто переутомился, уснул и увидел бредовый сон, состоящий из обрывков профессиональных познаний и житейских наблюдений.

Значительно больший интерес представляет следующая сцена, где рабочие находят лежащего без чувств исследователя. Едва придя в себя, он кричит: “*Fill in the hole ! Fill it all up. Let H. P. lie where he is. He shall not go to the British Museum. I have had enough of prehistoric antiquities. Adieu, pour toujours la Vezere*” [Baring-Gould 1904: 159] («Закопайте провал! До краев закопайте! Пусть Н. Р. лежит, где нашли. Он не отправится в Британский музей. Хватит с меня доисторических древностей. Везер, прощай навсегда»).

Это в высшей степени показательная реакция: страх и категорический отказ не только взять как ценный экспонат в Британский Музей, но и впредь иметь дело с древностями. Реплика звучит почти истерически, и за ней опять-таки стоит древнейшая матрица встречи с неуспокоенным мертвецом. А сам мертвец заявляет, что в музей он не хочет – и так над головой вечно бродят археологи, жуют бутерброды и обсуждают всякие древности, и потом, он не может далеко отойти от места, где лежит скелет, и в музее ему просто будет скучно – кругом стеклянные ящики и опять эти зануды ученые [ibid.: 153]. Пусть в комедийной форме, но возникает противопоставление двух посмертий – в пещере, где героя все устраивает, даже прогулки его духа среди живых, и в музейной витрине, где он будет изъят из привычного окружения и выставлен напоказ, сам станет одним из перечисленных им предметов (фибулы, скарабеи и т. д.). Стеклопанель витрины в

музее – это своеобразная травестия гроба, могилы. И из нее наш герой будет выходить, потому что это тоже недолжное захоронение (в пещере он, видимо, не был погребен согласно обычаю – скорее всего, просто убит, судя по обилию упоминаемых им кровавых драк, да так и остался лежать на месте преступления). Конечно, фольклорно-мифологическая схема здесь работает не вполне каноническим образом – отчасти потому, что текст юмористический. Однако в отдельных деталях проскальзывают очень симптоматичные для той эпохи моменты: к примеру, рассказчик сравнивает своего собеседника с обезьяной, т. е. помещает на границе человеческого в духе не только присущего готике понимания страшного как гибридного [Hurley 1996: 14], но и типичного для рубежа веков страха перед вырождением, пробуждением в человеке животного начала [Youngs 2013: 1].

Одна из «серьезных» историй про тело, которому не место в музее, создана Артуром Конан Дойлом: рассказ «Номер 249» (*Lot №249*, 1892) [Conan Doyle 1925: 179–224]. Трое молодых людей учатся в Оксфорде, один из них, по фамилии Беллингем, странный, нелюдимый, не нравится девушкам, т. е. полностью противоположен идеалу здоровой британской мужественности и потому подозрителен. Кабинет его напоминает музей – на стенах звероподобные египетские божеества, посередине ящик с мумией. Такие зловещие «коллекции», созданные в сомнительных, возможно, колдовских целях (и тем отличные от собственно музейных собраний), придуманы не автором новеллы – в «Логове белого червя» Брэма Стокера имеется подробное описание собранного героем предметов (а сам герой отмечен «интеллектуальным упадком», т. е. опять же выбивается из представлений о норме) [Stoker 2016: 30].

Вот как Конан Дойл описывает мумию: *“...a horrid black, withered thing, like a charred head on a gnarled bush... with its clawlike hand and bony arm resting upon the table”* [Conan Doyle 1925: 187] («нечто ужасное, черное, иссохшее, похожее на обугленный искривленный куст... кисть его, похожая на птичью лапу, и костлявое предплечье покоились на столе»). То есть это страшное гибридное «нечто», наделенное одновременно чертами человека, животного (когти) и предмета (куст), а потому опасное. Мумия лежит в открытом ящике, потому что владелец, Беллингем, собирается ее изучать – это нормально для музейного экспоната, но не для мертвого тела как такового в контексте готической новеллы: покой мертвеца потревожили, и следует ожидать, что теперь он будет тревожить живых. Очень интересна лексика – герой говорит, что «его упаковали сорок веков назад, и если бы он смог за-

говорить...» [Conan Doyle 1925: 191], т. е. мумии символически присваивается статус живого и разумного существа, а если в истории с привидениями сказано, что нечто может случиться (например, тело может ожить), то, согласно законам жанра, это непременно произойдет.

Беллингем оживляет мумию, чтобы погубить соперника в любви. Так мертвое тело перестает быть экспонатом – собственно, и изучалось оно своим владельцем не в интересах науки. Предмет, приобретенный на аукционе (отсюда название новеллы), переходит в другую сферу: теперь он представляет собой очередного беспокойного и опасного для людей мертвеца, а значит, живым предстоит относиться к нему не как к любопытному источнику информации, а как к проблеме, которая лежит вне компетенции науки и образования. С архаическим иным можно справиться лишь архаическими же методами.

В дальнейших сценах не раз актуализируются звероподобные черты мертвеца – подобного рода гибридность в поздней готике характерна для опасных созданий, она будто напоминает героям, насколько тонкая грань отделяет человека от зверя и живое от мертвого. Разумеется, мумия принадлежала просто человеку, пусть и необычно рослому, но лексика, которую Конан Дойл использует для ее описания, служит переводу с языка науки и здравого смысла на язык готического ужаса. Владелец реликвии, Беллингем, тоже показан как гибридное создание, наделенное звероподобными чертами, уродливой внешностью и одновременно высочайшим интеллектом, что, согласно представлениям того времени и законам жанра, маркирует его как опасного человека. На поверхностном уровне читатель видит молодого ученого и его коллекцию, но по сути это некромант и служащий ему неуспокоенный мертвец.

Следовательно, относиться к мумии как к экспонату уже невозможно, и наши герои приказывают Беллингему уничтожить ее – раскромсать ножом и сжечь. В этой сцене местоимение *he* снова меняется на *it*, и мумия превращается в предмет – кучу останков, потом горку пепла, из которого торчат «хрупкие палочки», т. е., конечно, обгорелые кости [ibid.: 223]. Папирус, содержащий тайные знания, тоже сжигают, не дав Беллингему скопировать текст (в отличие от ситуации в новелле М. Р. Джеймса, здесь решение более радикальное как раз потому, что в наличии злокозненный владелец папируса, а значит, нейтральной научно значимой информации как бы уже и нет, только «портал в прошлое», и на любом носителе он представляет угрозу).

Студент, уничтоживший мумию и папирус, говорит Беллингему, что теперь, когда вырвал у

него зубы, может спокойно вернуться к научным занятиям. Еще одна звериная деталь в облике злодея – и еще одна ясно прочерченная линия: ученые занятия позволены правильным английским юношам, а то, чем занимается звероподобный урод, это некромантия.

Еще один текст об уничтожении ожившей мумии, «История поместья Бэлброу» (*The Story of Baelbrow*, 1898; из цикла об оккультном детективе Флакسمане Лоу) [E. and H. Heron], принадлежит перу Кейт и Хескета Причардов, писавших под псевдонимом E. and H. Heron. Пожилой профессор-филолог с дочерью снимает дом в глуши. Он слышит о местном призраке, но вместо бестелесной сущности сталкивается со вполне материальной и куда более грозной мумией из «музея» (комнаты, где отец хозяина дома хранил всевозможные редкости – очередная зловещая коллекция). Ее неосторожно распаковал нынешний владелец. Мертвое тело напиталось энергией местных духов и стало вампиром – и его ждет соответствующая участь – полное уничтожение. Вампира сначала расстреливают (как если бы казнили убийцу), потом помещают в старую лодку и сжигают – согласно распространенному в древности похоронному ритуалу, с той лишь разницей, что здесь цель – «избавить землю» [E. and H. Heron] от подобного зла. Артефакт превращается в неуспокоенного, и весьма опасного, мертвеца, а потому подлежит уничтожению. Так характерным для поздней готики образом переплетаются до неразличимости научное, архаическое и криминально-юридическое.

Во всех упомянутых текстах хорошо заметна дилемма: как относиться к древним реликвиям, будь то мертвые тела или артефакты, – хранить и изучать или подвергать уничтожению, чтобы пресечь возможную опасность. Конечно, в реальной жизни никаких массовых походов на музеи с ножами и факелами не было, речь идет о символическом освоении прошлого. Страх перед вторжением архаики в современность в той или иной форме (от атавизмов до бунтов в колониях) был вполне реален, и как раз его освоение и «укрощение» мы наблюдаем в новеллах.

Любопытство, интерес к чужому, странному, необычному (как у героев, так и у читателя) – движущая сила многих сюжетов антикварной готики. Но в рамках этого жанра артефакты выводятся из сферы чистой науки и функционируют в рамках иной парадигмы: музеефикация воспринимается как символическое недолжное погребение – публичная демонстрация, открытый доступ к потаенному, а, согласно фольклорной логике, заимствованной авторами поздней готики, неправильно погребенный мертвец может восстать и причинить живым вред. Есть два воз-

можных решения – снова похоронить как положено (закопать, оставить где есть, не переносить в музей) или уничтожить (примерно так же поступают герои многочисленных историй о вампирах, втыкая им в сердце кол, т. е. нарушая целостность тела).

Необходимо помнить, что это не прямое отражение взглядов авторов, а символически проработанные и обыгранные, иной раз в комедийном ключе, витавшие в воздухе идеи. В этом смысле антикварная готика представляет собой интересный материал для изучения истории идей, отношения викторианцев и эдвардианцев к прошлому, ко всему необычному, чужому и непонятному.

Список литературы

Водолажченко Н. В. Становление и развитие английской готической новеллы в XIX веке // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 83, ч. 1. С. 60–64.

Соловьева Н. А. У истоков английского романтизма. М.: МГУ, 1988. 232 с.

Baring-Gould S. A Book of Ghosts. New York: G. P. Putnam's Sons, London: Methuen, 1904. IV, 383 p.

Baring-Gould S. Strange Survivals. Some Chapters in the History of Man. London: Methuen & Co., 1892. 287 p.

Bennett G. Alas, Poor Ghost! Traditions of Belief in Story and Discourse. Logan: Utah State University Press, 1999. VII, 223 p.

Brewster S. Casting an Eye: M. R. James at the Edge of the Frame // Gothic Studies. 2012. Vol. 14(2). P. 40–54.

Buchan J. The Runagates Club. London: Hodder and Stoughton Limited, 1928. 331 p.

Conan Doyle A. The Great Keinplatz Experiment and other Tales of Twilight and the Unseen. New York: George H. Doran Company, 1925. 254 p.

Haverfield R. The Romanization of Roman Britain. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1979. 91 p.

Heron E. and H. Flaxman Low, Occult Psychologist. Collected Stories. URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks06/0605811h.html> (дата обращения: 01.10.2019).

Hughes W. Historical Dictionary of Gothic Literature. Lanham, Toronto, Plymouth, UK: The Scarecrow Press, 2013. XXIV. 318 p.

Hurley K. The Gothic Body. Sexuality, Materialism and Degeneration of the Fin de Siecle. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. XII. 202 p.

James M.R. Ghost Stories. London: Penguin Books, 1994. 362 p.

Kedra-Kardela A., Kowalczyk A. S. The Gothic Canon: Contexts, Features, Relationships, Perspec-

tives // *Expanding the Gothic Canon: Studies in Literature, Film and New Media*. Frankfurt am Main: Peter Lang AG, 2014. P. 13–49.

Killeen J. *The Emergence of Irish Gothic Fiction. History, Origins, Theories*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. VIII. 240 p.

McClelland B. A. *Slayers and their Vampires. A Cultural History of Killing the Dead*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2006. XVIII. 260 p.

Mighall R. *A Geography of Victorian Gothic Fiction. Mapping History's Nightmares*. Oxford: Oxford University Press, 1999. XXV. 312 p.

Senf C. A. *Dracula and The Lair of the White Worm*. Bram Stoker's Commentary on the Victorian Science // *Gothic Studies*. 2000. Vol. 2(2). P. 218–231.

Stoker B. *The Lair of the White Worm*. Ontario: Devoted Publishing, 2016. 78 p.

Tylor E. B. *Primitive Culture: Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Language, Art, and Custom: in two Volumes*. Vol. 1. London: John Murray, Albemarle Street, 1891. 502 p.

Youngs T. *Beastly Journeys. Travel and Transformation at the fin de siècle*. Liverpool: Liverpool University Press, 2013. X. 225 p.

References

Vodolazhchenko N. V. Stanovlenie i razvitie angliyskoy goticheskoy novelly v XIX veke [The origins and development of the British ghost story in the 19th century]. *Vestnik Novgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Vestnik NovSU], 2014, issue 83, pt. 1, pp. 60–64. (In Russ.)

Solov'eva N. A. *U istokov angliyskogo romantizma* [At the origins of English Romanticism]. Moscow, Moscow State University Press, 1988. 232 p. (In Russ.)

Baring-Gould S. *A Book of Ghosts*. New York, G. P. Putnam's Sons, London, Methuen, 1904, vol. 4. 383 p. (In Eng.)

Baring-Gould S. *Strange Survivals. Some Chapters in the History of Man*. London, Methuen & Co., 1892. 287 p. (In Eng.)

Bennett G. *Alas, Poor Ghost! Traditions of Belief in Story and Discourse*. Logan, Utah State University Press, 1999, vol. 7. 223 p. (In Eng.)

Brewster S. Casting an eye: M. R. James at the edge of the frame. *Gothic Studies*, 2012, vol. 14(2), pp. 40–54. (In Eng.)

Buchan J. *The Runagates Club*. London, Hodder and Stoughton Limited, 1928. 331 p. (In Eng.)

Conan Doyle A. *The Great Keinplatz Experiment and other Tales of Twilight and the Unseen*. New York, George H. Doran Company, 1925. 254 p. (In Eng.)

Haverfield R. *The Romanization of Roman Britain*. Westport, Connecticut, Greenwood Press, 1979. 91 p. (In Eng.)

Heron E. and H. Flaxman Low. *Occult Psychologist. Collected Stories*. Available at: <http://gutenberg.net.au/ebooks06/0605811h.html> (accessed 01.10. 2019). (In Eng.)

Hughes W. *Historical Dictionary of Gothic Literature*. Lanham, Toronto, Plymouth, UK, The Scarecrow Press, 2013, vol. 24. 318 p. (In Eng.)

Hurley K. *The Gothic Body. Sexuality, Materialism and Degeneration of the Fin de Siecle*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996, vol. 12. 202 p. (In Eng.)

James M.R. *Ghost Stories*. London, Penguin Books, 1994. 362 p. (In Eng.)

Kedra-Kardela A., Kowalczyk A. S. The Gothic canon: Contexts, features, relationships, perspectives. *Expanding the Gothic Canon: Studies in Literature, Film and New Media*. Frankfurt am Main, Peter Lang AG, 2014, pp. 13–49. (In Eng.)

Killeen J. *The Emergence of Irish Gothic Fiction. History, Origins, Theories*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2014, vol. 8. 240 p. (In Eng.)

McClelland B. A. *Slayers and their Vampires. A Cultural History of Killing the Dead*. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 2006, vol. 18. 260 p. (In Eng.)

Mighall R. *A Geography of Victorian Gothic Fiction. Mapping History's Nightmares*. Oxford, Oxford University Press, 1999, vol. 25. 312 p. (In Eng.)

Senf C. A. *Dracula and The Lair of the White Worm*. Bram Stoker's commentary on the Victorian science. *Gothic Studies*, 2000, vol. 2(2), pp. 218–231. (In Eng.)

Stoker B. *The Lair of the White Worm*. Ontario, Devoted Publishing, 2016. 78 p. (In Eng.)

Tylor E. B. *Primitive Culture: Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Language, Art, and Custom. In two Volumes*. London, John Murray, Albemarle Street, 1891, vol. 1. 502 p. (In Eng.)

Youngs T. *Beastly Journeys. Travel and Transformation at the fin de siècle*. Liverpool, Liverpool University Press, 2013, vol. 10. 225 p. (In Eng.)

**‘LET HIM LIE WHERE HE IS’:
ON ONE MOTIF IN BRITISH GHOST STORIES**

Anastasia A. Lipinskaya

Associate Professor in the Department of English Language for Earth Sciences

Saint Petersburg State University

7/9, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. nastya.lipinska@gmail.com

SPIN-code: 2459-2124

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3366-4335>

ResearcherID: C-8368-2016

Submitted 09.10.2019

The British ghost story was a genre extraordinarily sensitive to the era’s climate and intellectual concerns, though sometimes it could be expressed quite paradoxically. In the peculiar branch of the genre sometimes defined as ‘antiquarian Gothic’, there are cases when the characters leave the discovered artefacts where they have found them or even destroy them, which seems unusual for a period when both specialists and amateurs were keenly interested in history and many significant museums were founded and opened for public. The matter is that, according to the rules of the genre, such artefacts function as portals into the past, the return of which is regarded as unwanted and plainly dangerous. In some cases, the artefact is actually a dead body (a mummy or a skeleton), and here the logic of folk narrative, widely used by late Gothic authors, comes into play: the body loses its ‘archaeological’ meaning and is regarded as the undead, someone who was not properly buried and is therefore now dangerous for the living. In such a case, the remains should be left alone or even destroyed (as, for example, was a common practice with vampires both in folklore and in Gothic fiction). Placing the body in a glass case in a museum can be interpreted as a peculiar version of improper afterlife, a travesty of a burial: the public space of a museum instead of the undisturbed grave. Such situations should by no means be read as a direct expression of the authors’ views (among ghost story writers were many professional historians or antiquarians), this is just a symbolic, sometimes comic, reflection of the ideas and intellectual concerns of the era. Thus, antiquarian Gothic is helpful for analyzing the history of ideas and can provide insights into the attitudes towards the past, the unusual and the unintelligible in the late Victorian and Edwardian era.

Key words: ghost story; antiquarian gothic; folklore; museum; artefact.

УДК 82.111-31
doi 10.17072/2073-6681-2019-4-99-111

ЭДВАРДИАНСКИЙ КОД В АНГЛИЙСКОЙ ПРОЗЕ XXI ВЕКА

Вера Григорьевна Новикова

д. филол. н., профессор кафедры зарубежной литературы

Национальный исследовательский Нижегородский

государственный университет им. Н. И. Лобачевского.

603000, Россия, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23. wnovikova@mail.ru

SPIN-код: 2226-3171

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7398-3867>

ResearcherID: AAC-2494-2019

Статья поступила в редакцию 22.10.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Новикова В. Г. Эдвардианский код в английской прозе XXI века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 99–111. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-99-111

Please cite this article in English as:

Novikova V. G. Edvardianskiy kod v angliyskoy proze XXI veka [The Edwardian Code in English Prose of the 21st Century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 4, pp. 99–111. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-99-111 (In Russ.)

Рассматриваются обращения современных англоязычных авторов к традициям эдвардианства. Первое десятилетие XX в. в Великобритании стало специфической эпохой, социокультурное состояние которой определялось стремлением преодоления викторианства как типа общественного сознания. Процесс преодоления повлиял и на литературный процесс. «Эдвардианский код» окончательно оформился в литературных произведениях межвоенных десятилетий (1920–1930-е гг.) и возродился в начале XXI в. Его основными элементами стали образ усадьбы, мотивы, связанные с движением искусств и ремесел, тема детства и связанные с ней темы английской сказки, пережившей свой «золотой век» в названный период, а также мотивы социального переустройства и обусловленные им проблемы. Все составляющие эдвардианского кода обнаруживаются в романе А. Байетт «Детская книга» (2009), действие в котором охватывает десятилетия с 1895 г. до конца Первой мировой войны. Это произведение представляет собой переплетение многих судеб, каждая из которых связана с конфликтом эпохи и общей атмосферой эдвардианского времени. Героев объединяет стремление к формулированию ясной цели своего существования и специфические качества личности, определяемые особенным артистизмом эпохи. «Эдвардианский код» обнаруживается в литературе нон-фикшн, в телевизионных проектах и в стремлении национального сознания к ценностным ориентирам эдвардианства в XXI в. В качестве характерного примера рассматривается книга Д. Николсон «Прекрасное лето: Англия, 1911 – перед штормом» (2008). Коммерческий успех романов, использующих элементы эдвардианского кода, свидетельствует о тяготении к нему массового читателя. Необходимое в этом коде целеполагание, его отчетливая аксиология позволяют рассматривать подобные произведения как свидетельство преодоления постмодернистского этического релятивизма. Делается предположение о формировании «неоэдвардианства» в современной культуре Великобритании.

Ключевые слова: эдвардианство; Антония Байетт; «Детская книга»; Движение Искусств и Ремесел; социальный идеал в английской литературе; неоэдвардианство.

Эдвардианством в английской истории принято называть первое десятилетие XX в., т. е. период правления короля Эдварда VII (1901–1910). Большинство историографических источников указывает, что эдвардианский период включает и последующие три года до начала Первой миро-

вой войны 1914 г. Названный исторический период оказался периодом экономического расцвета британской империи, характеризующимся увеличением продолжительности жизни, значительным приростом населения, постоянно возрастающими доходами и несомненным ростом

грамотности [McKitterick 2009: 56]. В это десятилетие наблюдается «устойчивое расширение британских привычек чтения», увеличение численности книг, изданных и сделавшихся доступными читателям, – через учреждение новых публичных библиотек, Образовательных Ассоциаций Рабочих и клубов книголюбив» [Nowell-Smith 1965: 40]. Эдвардианство – это яркая культурная эра, авторы которой были настроены покончить с влиянием викторианства; это поколение таких писателей, как А. Беннетт, Э. М. Форстер, Б. Поттер, Г. Уэллс, П. Вудхауз, а также тех, кого Уэллс назвал “the ring of foreign conspirators”: Г. Джеймс, Дж. Конрад, Ф. Хьюффер.

Создатели фундаментального исследования «Эдвардианское чувство: искусство, дизайн и спектакль в Британии, 1901–1910» (2010) справедливо утверждают, что «эдвардианская эра стала, возможно, наиболее мифологизируемым моментом в современной британской истории, отраженным в романах, фильмах и ностальгических мемуарах как последний вздох Старой Англии перед катаклизмом мировой войны» [The Edwardian Sense: Art, Design, and Performance in Britain, 1901–1910: 14].

Цель данной статьи – выявление эдвардианского кода в произведениях, созданных в начале XXI в. Под кодом в данном случае понимаются средства воплощения национальной и культурной памяти в произведении: художественные образы, темы и мотивы, означивающие культурные смыслы и ценностное содержание конкретной исторической эпохи.

После Первой мировой войны эдвардианский период стал восприниматься как «золотой век спокойных летних дней», как миф об эдвардианском саде, о времени страны, танцующей на пути к войне, звуков газонокосилок, рэгтайма, гула пчел, пробок от шампанского. Первые художественные воплощения этот миф получает в 20–30-е гг. В романе В. Сэквилл-Уэст «Эдвардианцы» (“Edwardians”, 1930) читатель обнаруживает не только критический анализ эдвардианского социума. Это своего рода вариант романа воспитания, описывающий развитие центрального характера Себастьяна в пределах его социального мира, а именно английской аристократии начала XX столетия, приблизительно 1905–1910 гг. Это годы детства и юности самого автора (В. Сэквилл-Уэст: 1892–1962). В центре художественного мира романа – повседневная жизнь высшего сословия эдвардианской эры. Мирная атмосфера, ритуалы, такие как завтраки, переодевания к обеду, игра в карты, церемония рождественской елки, неукоснительное следование правилам, имеют высокую ценность для Себастьяна. В то же время Сэквилл-Уэст показывает различные

социальные и особенно гендерные ожидания в свете очевидной эмансипации, к которой уже оказались готовы некоторые персонажи романа.

Для восприятия эдвардианского периода как «золотого полдня» английской истории много сделал П. Вудхауз, начиная от первых рассказов и романов 1900-х гг. до серий произведений со сквозными персонажами: Дживсом и Вустером, Псмитом и др. Художественный мир его младшего современника, И. Во, во многом покоится в том же эдвардианстве независимо от того, какие конкретно годы действия им обозначены. Дух эдвардианства пронизывает и его произведения, в наибольшей мере – «Возвращение в Брайдсхед» (“Brideshead Revisited”, 1945).

Но существовала и иная точка зрения. В 1935 г. было издано исследование Д. Дангерфилда «Странная смерть либеральной Англии», в котором автор подверг сомнению уже господствовавшее тогда утверждение, что эдвардианский период был «золотым днем», временем «долгого послеобеденного летнего отдыха», так как, с его точки зрения, это был период, возможно, более драматичный, чем война 1914–1918 гг. Истинный либерализм убил себя к 1913 г., как утверждает Дангерфильд, так как погибла идея прогресса, война лишь закончила этот процесс [Dangerfield 1935: 28]. Д. Лоуренс в книге «Величие и падение Британской империи» (1994) рассуждает следующим образом: «Существует два взгляда на Эдвардианскую эру. Первый, романтический, берет своё начало в 1920-х годах, затем он укреплялся вплоть до послевоенных лет, когда эдвардианский период воспринимался как время покоя и процветания, предшествовавшее великим бурям, после которых Британия перестала быть первой из держав и потеряла большую часть своих колоний. Второй, критический, рассматривает социальное расслоение и классовые противоречия, существовавшие в эдвардианском обществе, а также указывает на активизировавшуюся конкуренцию других держав с Великобританией» [Lawrence 1994: 319].

После Второй мировой войны интерес к названной эпохе постепенно утрачивается. На первый план выходит викторианство, которое как мироощущение эдвардианцами воспринималось крайне критично и во многих областях настойчиво преодолевалось. «Викторианский бум» начинается в конце 60-х и не ослабевает в английской культуре до конца XX в. Повторяющийся десятилетиями вопрос исследователей «Почему викторианство?» в России задан впервые В. В. Ивашевой. Ответ прост: потому что есть потребность в идеальном образе бытия. В своей статье 1973 г. Ивашева пишет: «Причину возрождения викторианства надо искать в глубо-

кой неудовлетворенности очень многих англичан (причем всех возрастов) культурным климатом последних десятилетий, внутренним протестом против культа вседозволенности... Полное отсутствие каких-либо моральных устоев, оплевывание и осмеяние всего того, что веками, даже, пожалуй, тысячелетиями воспринималось как святое и неприкосновенное, утомляет не только интеллектуалов, но и... широкие круги английского общества, небесполезно добавить, воспитанного на пуританской этике» [Ивашева 1973: 90]. Художественный образ викторианской эпохи приобретает характер пасторали в произведениях. Британские писатели, стремясь смоделировать модель оптимального жизнеустройства, обращаются к образу жизни викторианцев, создавая тем самым новое воспоминание о «Золотом веке».

Сам термин «неовикторианство» использует в своей диссертации американская исследовательница Д. Шиллер в 1995 г. Неовикторианским она называет роман, имеющий своей целью художественное осмысление истории и представляющий собой совмещение викторианских и современных форм художественной условности. По мнению Шиллер, «хотя неовикторианский роман тесно связан с викторианской литературой тематикой, стилем и общим настроением, викторианство в нем подвергается тотальной ревизии, инструментами которой являются современные знания и ирония» [цит. по: Поваляева 2015: 5]. В начале XXI в. новые исследователи обнаруживают, что «мифологизированность понятия викторианства в сознании современного англичанина, идеализирующего его из чувства ностальгии, тоски по былому могуществу Великобритании и преклоняющегося перед его эстетическими достижениями, привела к тому, что викторианская литература стала огромным прецедентным текстом для творчества современных английских писателей» [Толстых 2008: 3]. Лучшие образцы неовикторианского романа последующих десятилетий позволяют О. А. Толстых сделать вывод о том, что «вся викторианская литература в романах современных английских писателей (П. Акройда, А. Байетт, Д. Лоджа, Г. Свифта, С. Уотерс) предстает как своеобразное сверхтекстовое единство. Викторианский роман становится неким архетипом и рассматривается уже как совокупность всего, что было написано о викторианстве» [Толстых 2008: 5]. Ю. С. Скороходько рассматривает неовикторианский роман как один из типов английского историографического метаромана и выделяет «старшее» поколение – романы, написанные до конца 1990-х гг., «историографические метароманы с элементами обращения к викторианской эпохе» (произведения П. Акройда и А. С. Байетт), и младшее поколение – романы, написанные в

конце 1990-х – 2000-х гг. и обращенные к викторианской эпохе, собственно неовикторианские романы (произведения Ч. Паллисер, С. Уотерс, М. Фейбер и других писателей) [Скороходько 2011: 55]. В целом, авторы исследований, посвященных рассматриваемому явлению, приходят к выводу о существовании интертекстуального диалога между викторианским текстом и произведениями английской литературы второй половины XX в. Он представляет собой «диалог-реконструкцию», т. е. «диалогическое взаимодействие выстраивается в виде заимствования, развития идей, согласия, подтверждения, подражания, вариации и стилизации» [Толстых 2008: 3]. Таким образом, неовикторианский роман хотя и стремился в определенной степени идеализировать имперское прошлое, однако сохранял определенную ироническую дистанцированность от него, не утрачивая до конца эдвардианского к нему отношения.

В 60–90-е гг. появляются лишь немногочисленные книги документального характера о Великобритании первого десятилетия XX в.: Ч. Петри «Эдвардианцы» (1965), Ф. Джулиан «Эдвард и эдвардианцы» (пер. с франц., 1967), Д. Б. Пристли «Эдвардианцы» (1970). Пристли показывает эту эпоху как время новых идей в науке и технике (теория относительности Эйнштейна была задумана в 1903 г., были изобретены радио и самолет) и время активных социальных дискуссий, радикальных изменений в политике и искусстве. Можно отметить также исследования, среди которых выделяются труды Д. Бачелора «Эдвардианские новеллисты» [Batchelor 1982], Б. Такман «Величественная башня: Европа перед катастрофой. 1890–1914» [Tuchman 1996].

В первое десятилетие XXI в. интерес к эдвардианству резко усилился и не утратился по сей день. Вышли в свет фундаментальные исследования Л. Дилэпа «Супервумен: Теории гендера и гениальности в эдвардианской Британии» (2004), А. Гэвина и А. Хамфри «Детство в эдвардианской литературе» (2009), «Эдвардианское чувство: искусство, дизайн, спектакль в эдвардианской Британии» (2010), восьмой том Кембриджской истории книг, посвященный названному периоду (2009) и, наконец, обширнейшее исследование Д. Уайльда «Литература 1900-х гг. Великая эдвардианская империя» (2018). Издаются справочные издания М. Блэка «Эдвардианская Британия: очень краткая история» (2012) и карманный справочник по Англии этого периода Е. Холланд (2013). Среди книг в жанре нон-фикшн можно особенно отметить «Идеальное лето: Англия 2011, перед штормом» (2008) Д. Николсон и «Биографию Эдвардианского века» (2005) Р. Хаттерсли.

В 2002 г. телевизионной корпорацией BBC был осуществлен проект реалити-шоу «Усадьба эдвардианской эпохи» (2002), а впоследствии создан и документальный фильм. Добровольцы попытались воссоздать жизнь семейства аристократов и их слуг в традиционной загородной резиденции эдвардианской эпохи, расположенной у границ Шотландии. Семья из пяти человек и 14 слуг поселились в «Мандерстоне», где «время повернулось вспять и жизнь потекла по законам безмятежного периода истории Великобритании, закончившегося с началом Первой мировой войны», – в формулировке авторов рекламы. Это шоу было частью большого проекта, включившего в себя «Викторианскую ферму – Рождество» (2003), «Колониальный Дом» (2004), «Рождественский пир эпохи Тюдоров» (2006) и др. В них принимали участие не только добровольцы, но и историки, археологи. По мнению изучавших этот проект ученых, при всех недостатках этого телевизионного действия «важен методологический принцип реалити-проектов «ожившей истории» – великие времена показаны через малых людей, через опыт организации повседневного пространства. В каком-то смысле телевидение принимает к исполнению идею «медленной истории», восходящую к школе анналов». В результате благодаря BBC «англичане получают матрицу для формирования национальной идентичности» [Корецкая, Савенкова 2010: 13].

Интересно наблюдение, сделанное обозревателем культурной жизни страны: «Для телезрителей Великобритании 2007 год прошел под знаком «эдвардианских сезонов» – так телеканал BBC назвал новый цикл ретроспективных передач. Художественные фильмы про королеву мюзик-холла Мэри Ллойд и капитана Скотта чередовались с документальными – о рождении скаутского движения, эдвардианском искусстве, литературе, быте» [Батлер 2008].

Очевидно, что не только мастерство кинематографистов и актеров определило большой успех шести сезонов телесериала «Аббатство Даунтон» (2010–2015), действие которого разворачивается в загородном поместье с 1912 по 1926 г. Именно повседневность жизни в идеальной усадьбе становится главной причиной успеха сериала. Автор идеи и сценарист Дж. Феллоуз эксплуатирует этот образ и в своих романах. Его произведения принадлежат к массовой литературе самого среднего уровня, но имеют коммерческий успех именно вследствие эксплуатации тех тем и образов, которые ассоциируются с лучшими этапами национальной истории, в первую очередь с эдвардианством.

Эдвардианство находит отражение во многих произведениях первых десятилетий нового века,

однако главным романом, несомненно, стала «Детская книга» (“Children’s Book”) Антонии Байетт, появившаяся в 2009 г. Среди других произведений, написанных признанным мастером, классиком современной английской литературы, следует отметить роман «Обладать» («Possession: A Romance»), изданный в 1990 г. и ставший признанным образцом неовикторианского романа. Это прекрасное свидетельство возможностей интертекстуального диалога, свойственного подобного рода литературе. Специфику викторианства автор раскрывает, используя совмещение нескольких временных пластов (собственно викторианского времени и современной эпохи), ряд переплетающихся сюжетных линий, великолепные стилизации произведений викторианских авторов и т. д. Обратившись через почти два десятилетия, уже в новом веке, к эдвардианству, А. Байетт использует возможности другой поэтики. Она создает масштабное эпическое произведение, в котором представлено сплетение судеб нескольких поколений целого ряда семей в один из самых драматичных периодов национальной и мировой истории, раскрыта «диалектика души» (в классическом смысле этого термина) ряда центральных героев, сделано с той же тонкостью психологического анализа раскрытие характера множества других персонажей, введен значительный ряд исторических реалий. Эта книга с полным основанием может быть названа «энциклопедией эдвардианской жизни» и явно тяготеет к жанру романа-эпопеи. В соответствии с задачей данного исследования обратимся к системе образов этого произведения.

Центральным художественным образом, ассоциирующимся с эдвардианской эпохой, становится усадьба. Причины этому отчетливо обозначены в исследовании Т. А. Склизковой, которая совершенно справедливо указала, что «сельская Англия изображается в национальной литературе как утопическая идеальная страна, Аркадия, в основе которой лежит пасторальный топос “locus amoenus” (приятное место). В английском национальном самосознании образ Аркадии проецируется на сельскую усадьбу, которая воспринимается как средоточие национальной жизни, организующее начало, объединяющее все сословия» [Склизкова 2012: 5]. В качестве образцов жанра «роман об усадьбе» Т. Склизкова называет произведения Г. Уэллса «Тонно-Бенге» (1909), Э. М. Форстера «Говардс Энд» (1910), И. Во «Пригоршня праха» и особенно «Возвращение в Брайдсхед» (1945). В ее же работе сформулирован жанровый канон, включающий в себя: «1. образ поместного дома, воплощающий упорядоченность бытия, в основе которой лежит сохранение национальных культурных ценностей и

социальной иерархии; 2. изображение идиллического мира природы, воплощенного в образе местного парка/сада и имеющего семантику утраченного Рая; 3. противопоставление местного мира модернизированному пространству города (Ада); 4. мотив упадка Англии-Аркадии; 5. мотив поиска утраченной гармонии, связанный с образом главного героя» [Склизкова 2012: 6].

Усадьба, как правило, описывается в летний период, в череде летних дней. В определении П. Парриндера, английская сельская местность является «сердцевиной национальной идентичности» (“heartland of national identity”). И он же полагает, что длинное эдвардианское лето в романах об усадьбе становится метафорой мирного и невинного времени. Лето и солнце являются двумя неотъемлемыми составляющими образа усадьбы [Parrinder 2008]. На это указывает и Даррингтон: эдвардианское десятилетие – последнее лето, летний полдень Англии. Символической в данном смысле становится интерлюдия «Последнее лето Форсайта» (1918) из цикла «Сага о Форсайтах» «великого эдвардианца» Джона Голсуорси. Интерлюдия написана в 1918 г., и это показательно потому, что формирование образа усадьбы как некоей Аркадии происходит не только в собственно эдвардианский период, но и позднее, сразу после Первой мировой войны и в 20–30-е гг. Таково место действия в романе В. Сэквелл-Уэст «Эдвардианцы», многочисленны усадьбы в романах П. Вудхауза, особенно ярким образ поместья в романе И. Во «Возвращение в Брайдсхед» (1945). Не только время написания современного романа об усадьбе, но и время его действия может быть связано не с первым десятилетием XX в., а с гораздо более поздним периодом. Образ усадьбы в любом случае остается метафорой счастливого, мирного времени, идиллической гармонии мира.

В романе А. Байетт «Детская книга» действие сосредоточено вокруг усадьбы Уэллвудов, названной ими “Todefright” («Жабья просека»). Для сына хозяев, Тома, она оставляет такое впечатление: “Todefright, woven through and through with the light from the woods and lawns, summer and winter, golden and frosty, and also woven through and through with the web of his mother’s stories, stories whose enamelled colours and inky shadows, hidden doors and flying beasts made the real Todefright seem briefly like a whited, plaster-cast sort of a place, a model of a home merely, which propped up the constant shape-shifting of the otherworld, whose entrance was underground” [Byatt 2009].

Сопоставление этого описания с тем, что видит герой романа «Эдвардианцы» Сэквелл-Уэст, позволяет утверждать явное сходство общей позитивной атмосферы этих усадеб, достигающееся

и за счет повторяющихся в обоих случаях художественных средств и благодаря открывающемуся с помощью этих средств смысла: “Arrived there, his surroundings supported him in the most approved fashion. A cloud of white pigeons wheeled above him in the blue sky. Acres of red-brown roof surrounded him, heraldic beasts carved in stone sitting at each corner of the gables. Across the great courtyard the flag floated red and blue and languid from a tower. Down in the garden, on a lawn of brilliant green, he could see the sprinkled figures of his mother’s guests, some sitting under the trees, some strolling about; he could hear their laughter and the tap of the croquet mallets. Round the garden spread the park; a herd of deer stood flicking with their short tails in the shade of the beeches. All this he could see from the free height of the roof. Immediately below him – very far below, it seemed – lay a small inner court, paved, with an immense bay tree growing against the grey wall...” [Sackville-West 1930].

Весьма интересно место действия в первой части романа Й. Макьюена «Искушение». Роман написан в 2001 г., и время его событий не относится к эдвардианскому периоду, но сходство ситуации и восприятия усадьбы в летний солнечный день несомненно: “Morning sunlight, or any light, could not conceal the ugliness of the Tallis home – barely forty years old, bright orange brick, squat, lead-paned baronial Gothic, to be condemned one day in an article by Pevsner, or one of his team, as a tragedy of wasted chances, and by a younger writer of the modern school as “charmless to a fault.” An Adam-style house had stood here until destroyed by fire in the late 1880s. What remained was the artificial lake and island with its two stone bridges supporting the driveway, and, by the water’s edge, a crumbling stuccoed temple” [McEwan 2001].

Все эти описания связывает совершенство домов, где обитают герои, где они ощущают саму возможность быть счастливыми, несмотря на критический пафос Себастьяна в «Эдвардианцах» или готовящуюся трагедию в «Искушении». В «Жабьей просеке» большое семейство Уэллвудов находится в атмосфере надежд, в творческом поиске, выполнении многочисленных ритуалов (они могут быть весьма незначительными, как, например, изготовление детьми множества фонариков для праздничного оформления сада), ощущении почти непрерывной, несмотря на проблемы, возникающие в их отношениях, радости бытия. Их соседи, гончар Фладд и его семья, обитают в значительно более скромном доме, они живут в нищете, а мать и одна из дочерей демонстрируют почти полную отрешенность от мира. Однако и здесь обнаруживается скрытая энергия жизни, источником которой является врожденный артистизм всех этих людей.

С усадьбой связана другая важнейшая часть системы знаков эдвардинского кода – отсылки к Движению Искусств и Ремесел. Специфика мироощущения эдвардианцев и их образ жизни немислим без того влияния, которое на англичан, живших на рубеже XIX–XX вв., оказала идеология и художественная практика Уильяма Морриса и его окружения. Под их влиянием стремление к оформлению своего бытия по законам искусства и восприятие самой своей судьбы как произведения искусства стало внутренней потребностью, мировоззренческой платформой, психологическим обоснованием жизни не только аристократов духа, «высоколобых» англичан, но, под их влиянием, и значительной части общества. Именно внутренний артистизм личности формирует новую аристократию, чаще всего независимо от социального происхождения. Сама способность понимать и чувствовать Красоту оказывается критерием оценки личности. Отсюда – внимание к процессу творческой деятельности. Согласно идеям Морриса, важно умение создавать нечто своими руками, определяющее стремление к экспериментированию в декоративных искусствах, живописи, скульптуре и театре.

В романе «Детская книга» подобного рода деятельностью занимаются многие персонажи. Среди центральных действующих лиц – Олив Уэллвуд, пишущая сказки (прототипом послужила одна из самых известных детских писательниц рубежа XIX–XX вв. и активный участник фабианского общества Э. Несбит); ее муж, публицист Хамфри Уэллвуд; гончар Бенедект Фладд; его дочь Имогена, занимающаяся изготовлением украшений; создатель кукол и кукольных спектаклей Штейнинг; Проспер Кейн, хранитель музейных коллекций, и др.

Описывая процессы творчества писательницы, гончара, режиссера автор каждый раз как бы создает отдельную оду творческому процессу. Так, гончарное дело показано во всех профессиональных деталях, которые сочетаются с подробнейшими описаниями результатов деятельности. Вазы, горшки, изразцы предстают как подлинные и совершенные произведения высокого искусства. В целом, именно гончарное дело в романе становится особенно яркой иллюстрацией идей Уильяма Морриса, рассматривающего подобные ремесла одновременно как отдельные виды искусства и как средство оформления подлинно красивого дома.

Отдельную ценность имеет описание мастерской Фладда, простого сооружения, украшенного круглыми витражными медальонами с «гривастого рогатого морского змея в кобальтовых волнах», и белого парусника, хаотично заполненного орудиями и продуктами искусства гон-

чара, «раба стихий», как он однажды назван в романе [Байетт 2012: 176]. Значительно расширяет понимание «Детской книги» образ Филиппа Уоррена, мальчика-художника, ставшего помощником Фладда. С ним связана вся линия романа, отсылающая к Движению Искусств и Ремесел. Она особенно важна для этого произведения, так как в нем автор передает неповторимую атмосферу артистизма эпохи.

Одним из способов сопротивления бездушию буржуазности Моррис видел в оформлении интерьеров, которые должны были отличаться от традиционных образцов и не иметь серийно выпускаемых предметов. Специфике декоративно-прикладного искусства в романе посвящена статья Н.С. Бочкаревой, которая справедливо отмечает, что «предметы церковного и домашнего ритуала не только составляют «часть живописного интерьера» (или «натюрморта»), но и являются объектами эстетической и идеологической рефлексии героев, поэтому обладают относительной самостоятельностью в художественном мире романа» [Бочкарева 2015: 107]. Принципиально важен для понимания функций кода Движения Искусств и Ремесел ее вывод о том, что «особенно значимы в романе принципы синтеза пространственных и временных искусств (в том числе театра), искусства и быта (в частности, одежды), искусства, магии и религии, характерные для рубежа XIX–XX вв. В связи с этим Байетт часто использует усложненный экфрасис (например, карандашные эскизы позолоченных фигур Глостерского канделябра, керамики и скульптуры; ваза, изображающая сцену оперы Вагнера), который сопровождается превращениями и зеркальными отражениями. Произведения декоративно-прикладного искусства становятся смысловым центром синтетического пространства усадьбы и музея» [Бочкарева 2015: 107].

Поэтому так значимо для понимания смысла атмосферы усадьбы то эстетическое наслаждение, которое испытывает героиня романа «Искушение» в своем доме: “the perfection of the scene – by the three faded Chesterfields grouped around the almost new Gothic fireplace in which stood a display of wintry sedge, by the unplayed, untuned harpsichord and the unused rosewood music stands, by the heavy velvet curtains, loosely restrained by an orange and blue tasseled rope, framing a partial view of cloudless sky and the yellow and gray mottled terrace where chamomile and feverfew grew between the paving cracks” [McEwan 2001].

Пространство усадьбы тоже подчиняется законам искусства. Его организация по принципам традиционного в национальной культуре «живописного» сада, фонтаны, статуи и другие детали

оформления также создают атмосферу красоты, способствующую свободе артистичных натур.

В романе Байетт составляющие усадеб, ставших местом действия, в совокупности иллюстрируют мысль о том, что движение ремесел становится частью национального сознания. В эссе Э. Стефенсона в сборнике работ, посвященных «эдвардианскому чувству», подчеркивается важнейшая роль визуальной культуры для стремительных культурных и даже исторических изменений – от быстрого совершенствования кино и фотографической прессы до экспериментирования в декоративных искусствах, живописи, скульптуре и театре» [The Edwardian Sense 2010: 262]. Участвующая в этом же издании М. О'Нил показывает, что уже к 1900 г. «движение Прикладного искусства стало английским национальным стилем, который транслировался и в другие европейские страны. Она полагает, что “artistic modernism” не просто вопрос стиля: эдвардианский художественный мир демонстрирует, что он, этот стиль, – продукт политики и общественных дебатов, так же как выставок и их доступности [ibid.: 6].

В романе Д. Мойес «Foreign Fruit» (2003, в рус. пер. Е. Коротнян «Вилла Аркадия») одним из сюжетобразующих центров становится вилла, названная Аркадией. Действие начинается в 1950-е гг., уже после Второй мировой войны. Однако по духу это все та же эдвардианская усадьба, только расположенная в маленьком курортном приморском городке. В ней собирается богемное общество, все члены которого артистичны, свободны от социальных условностей, открыты красоте окружающего мира. Одна из них, талантливая художница, создает большую фреску на стене террасы. Фреска, совершенно в духе эдвардианского искусства оформления пространства дома, становится символическим элементом, к которому сводятся основные сюжетные линии романа. Главная героиня, Лотти Свифт, воспитывающаяся в буржуазной среде и враждебная ей, обретает свою идентичность в общении с обитателями виллы и становится моделью для одной из фигур на фреске. Сила духа Лотти и в молодости, и в старости напрямую зависит от восприятия этой живописи и связанных с ней эмоций.

В одной из работ об эдвардианском искусстве есть удачно сформулированная мысль о некоем инстинкте (автор говорит о музыкальном, но можно расширить определение до эстетического в целом): «Все художественное выражение должно прибыть как удовольствие, выбивающаяся наверх внутренняя радость. Без этого искусство мертво, несвежая и безвкусная вещь, и ... у некоторых есть этот врожденный музыкальный

инстинкт, дремлющий и бездействующий в их природе, неспособной найти способ выразить самостоятельно. Смысл в том, что человеку чрезвычайно важно найти в себе этот инстинкт и тем самым обрести свое подлинное бытие» [Björkén-Nyberg 2015: 142]. Героине Д. Мойес удастся обрести это чувство. В этом случае речь идет не столько о высоких художественных достоинствах романа, сколько о присутствии в нем «эдвардианской чувствительности», которая и находит отклик в читателе.

Пожалуй, «внутренняя радость», присущая подобным персонажам и открывающаяся читателю именно в указанной атмосфере дома, которую они сами же создают, и становится поводом к созданию определенного клише, повторяющегося из романа в роман для многих современных британских писателей и приносящего им признание читателей и грандиозные тиражи. Таковы, например, героини абсолютного большинства романов Р. Пилчер 1980–90-х гг., от «Собирателей ракушек» (“The Shell Seekers”, 1987) до «Возвращения домой» (“Coming Home”, 1995).

Еще одной составляющей эдвардианского кода становится образ детства. В «эдвардианскую эру» радикально меняется представление о нем. Признавая открытия писателей-викторианцев в изображении детства и достижения всей викторианской эпохи в образовании, следует подчеркнуть, что культ ребенка наступает именно на рубеже веков. Детство в эдвардианский период было предметом глубокой озабоченности, восхищения и даже одержимости. Детство понимается как значительная, прекрасная и самостоятельная эпоха в жизни человека. Нигде это не было так очевидно, как в художественной литературе. Эдвардианские романы и рассказы были «сосредоточены на детях» в большей степени, чем их «предшественники». И таким образом была заложена большая не только национальная, но и европейская традиция. «Литературные» дети больше не были просто «начинающими взрослыми», но были существами, по-своему наделенными воображением, свободными и отличными от взрослых. В эдвардианский период впервые было широко признано, что дети имеют различные потребности, чувства и привычки мышления; что их нельзя воспитывать, заставлять работать или наказывать, как взрослых; у них есть права, отличные от взрослых. Подобное восприятие детства стало одной из форм сопротивления догматической культуре прошлого века. В романе «Детская книга» обнаруживается большое количество детских персонажей. Это дети семьи Уэллвуд: сыновья Том, Флориан, Робин, Гарри и дочери Дороти, Филлис, Гедда, у брата Хамфри Бэзила есть дочь Гризельда и сын

Чарльз-Карл. В действии принимают участие сын и дочери Фладда, дети Проспера Кейна, мальчик Филипп Уоррен и его сестра. Есть также представители другой страны, Германии, но они появляются как молодые люди, а не как подростки. Такое обилие персонажей позволяет автору всесторонне показать многие варианты воспитания, связи детства с социальной средой, формы образования и, может быть, главное – варианты семейной атмосферы в плане выявления прав ребенка на самостоятельный выбор своей судьбы. В центре – судьба Тома Уэллвуда. Он уже в раннем детстве и будучи подростком явно отличается от остальных и своей внешней привлекательностью, и умением находить наслаждение в окружении мира природы (очень в английском духе), и своими неординарными способностями. Однако именно этот ребенок, единственный из всех, не обретает будущего. “Tom was part of an idea she had had of an English family, the children running wild in safe woods, in dappled sunlight, the parents smilingly there, when they came home, scratched and breathless, from the Tree House and its simple secrets” [Vyatt 2009].

Осознавая невозможность желаемого, он совершает самоубийство. Байетт все время возвращается к мысли о том, что «взрослые» эдвардианцы стремились «к вечному детству». Это один из важнейших уровней смыслов в ее романе, подчеркивающий разницу между викторианством и эдвардианством. Викторианец стремится к своему будущему, взрослости, имеющей свои цели и смыслы. Для человека начала XX в. характерно как раз отсутствие больших смыслов существования, гораздо ближе стремление остаться в состоянии «вечной молодости». Нежелание Тома Уэллвуда взрослеть соотносится с образом Питера Пэна. И в этом плане понятно, почему “Peter Pan, or The Boy Who Wouldn't Grow Up” (главный персонаж пьесы 1904 г.) становится одним из символов эдвардианства.

Идеальное королевство детства – это не только мир реальных детей, но и мир их книг. Еще один знак кода эдвардианства – детские книги. Рубеж веков – золотой век сказок Р. Киплинга, Д. Макдональда, С. Моэма, Э. Фарджон, Э. Несбит и многих других авторов. В романе А. Байетт говорится о том, что появившаяся в 1889 г. «Синяя книга фей» Эндрю Ланга привела к тому, что «в детские сказки вдруг ворвалась настоящая магия, мифы, выдуманные создания и миры». Эта новизна предопределила обращение к писательскому ремеслу Олив Уэллвуд. Ее сказки стали смыслообразующим элементом поэтики романа.

Сказки – одна из форм и реализации, и возвращения творческого потенциала эдвардианской культуры. При этом мир детской книги был зна-

чительно шире этого жанра. В первом десятилетии XX в. британский народ мог оглянуться на достижения викторианской эпохи. Британия стала «мастерской мира»; она была в авангарде научно-технического прогресса; у нее была империя, «над которой никогда не заходило солнце», и мощный флот для ее защиты. Жители Британии были уверены в продолжении прогресса. В начале века Артур Ми и коллектив авторов приступили к колоссальному проекту по обеспечению детей всех возрастов первой книгой, предназначенной для удовлетворения их потребностей в знаниях. Эта детская энциклопедия впервые появилась в 50 выпусках, поступавших в продажу один раз в две недели между 1908 и 1910-м гг., объединенных впоследствии в восемь больших томов. В ней были разделы о науке, религии, обществе, империи. В 2008 г. была издана книга «Мир эдвардианского ребенка», которая представляет собой руководство, контекст и комментарий к Детской энциклопедии [Tracy 2008]. Появление такого издания – свидетельство того, что не только взрослые, но и дети обрели новое разнообразие книжных изданий. Они читали не только сказки, но и книги, тесно связанные с окружающими их социальными проблемами. Автор исследования литературы для подростков И. Шишкова находит, что «спрос на нравственно ориентированные художественные произведения дидактического характера, близкие интересам подростков и связанные с проблемами активного поиска своего “Я”, объяснялся не в последнюю очередь и тем, что “опасные темы” – классовое неравенство, суфражизм, эксплуатация детского труда и т. д. – хотя и не получали в них глубокой политико-социальной оценки, тем не менее не замалчивались и были представлены на суд детской читательской аудитории в несколько преобразованном и “сглаженном” виде» [Шишкова 2003: 4]. Ею обнаруживается и определенная «преемственность, проявляющаяся в стремлении современных авторов (Ж. Уилсон, К. Маккомби, С. Уэлфорд и др.) сохранить в своих произведениях те полезные составляющие из опыта прошлого, которые побуждают читательскую аудиторию к культурной рефлексии, способствующей дальнейшему всестороннему росту личности, а именно переосмыслению системы ценностей, норм и принципов, которыми руководствовались маленькие женщины конца XIX – начала XX в.» [там же].

Эти рассуждения заставляют нас вернуться к общему определению эдвардианства и вспомнить о том, что это эпоха дискуссий, социальных потрясений, радикальных изменений в представлениях о классах, их взаимоотношениях, о правах женщин и движении суфражисток за эти

права. Автор последнего на настоящий момент фундаментального исследования эпохи Уайльд сравнивает ее с гигантским торговым центром, в котором есть следующие отделы: Department of War and External Affairs: The Anglo-Boer War and Imperialism; Department of Administration: Office Clerks and Shop Assistants; Children's Department: Edwardian Children's Literature; Department of Decadence: Sex, Cars, and Money; Chapter Five Department of Internal Affairs: England and the Countryside [Wild 2018: 3]. Огромным достоинством романа «Детская книга» является то, что автору удается передать бурные взаимоотношения практически всех названных «отделов» эдвардианства. Действие романа охватывает десятилетия с 1895 г. до конца войны. Особенности исторического времени передаются с помощью целого комплекса средств, которые в совокупности насыщают текст романа обилием деталей.

Одним из приемов автора становятся перечисления. Вот пример: Уэллвуды «приглашали социалистов, анархистов, квакеров, фабианцев, художников, издателей, свободных мыслителей и писателей», которые жили «в перестроенных коттеджах и фермерских усадьбах, домах в стиле Движения искусств и ремесел, таунхаусах, построенных когда-то для рабочих, в деревнях, лесах и на полях Кентского Уилда, Северного и Южного Даунса» [Байетт 2003: 43]. В более широком смысле перечни пронизывают все пространство романа. В социальном плане это касается тех направлений, в которых действуют или хотели бы действовать персонажи.

Много говорится о фабианском обществе, к которому принадлежали и Уэллвуды (их дочь Дороти – ровесница этого общества), и, соответственно, множество фрагментов романа посвящено «фабианской атмосфере рациональной справедливости». Приводятся размышления Бетрисы Уэбб о растущем «классовом сознании греха» и У. Морриса о социализме. Рассказывается о русских анархистах, о реальном Степняке-Кравчинском и о вымышленном Василии Татаринове. Русская тема вообще здесь основательно представлена. (Она подробно проанализирована в статье Н. С. Бочкаревой [Бочкарева 2018: 48–54].) Доббин ставит целью служение гению, а мисс Дейс хочет посвятить лекции новому – «новой жизни, новой женщине, новым формам искусства и демократии и религии». Главное же в том, что все они «ставили своей целью изменение, полную перестройку человеческой природы»: “In 1884 the Fabian Society branched out of the Fellowship of the New Life”.

В этом переполненной событиями, лицами, идеями, ремеслами, театром, сказками и другими книгами художественном мире отражается то

самое противоречие эдвардианства, которое всегда занимало умы. С одной стороны, есть безусловное стремление сохранить старое, особенно когда оно так прекрасно, как раннее эдвардианство, в книге обозначенное как «Золотой век». В «Серебряном веке» есть такие слова: “Backwards and forwards, both. They looked back. They stared and glared backwards, in an intense, sometimes purposeful nostalgia for an imagined Golden Age. There were many things they wanted to go back to, to retrieve, to reinhabit. They wanted to go back to the earth, to the running rivers and full fields and cottage gardens and twining honeysuckle of Morris's Nowhere” [Byatt 2010]. Возможно, с этим чувством связано и стремление остаться в вечном эдвардианском детстве.

Но в то же время есть страстное желание участвовать в положительном изменении мира, чему хотят посвятить себя личности, выросшие в благословенной атмосфере свободного детства и умеющие чувствовать прекрасное. А. Байетт явно не идеализирует историческую эпоху. Это и невозможно, поскольку за Серебряным веком неотвратимо следует Свинцовый век, век войны. Однако она идеализирует своих героев в плане их потребности в осмысленных действиях, желании четко сформулировать цель своего существования.

Практически одновременно с романом «Детская книга» выходит в свет книга Д. Николсон, которая дает своему произведению характерное название: «Прекрасное лето: Англия, 1911 – перед штормом» (2008). Посвящена она славному английскому лету столетней давности, когда мир был на пороге необратимых перемен. Речь идет о конкретном лете 1911, аномально жарком и нетипичном для климата туманного Альбиона. Название “The Perfect Summer”, как мы уже знаем, повторяющаяся метафора по отношению к первому десятилетию прошлого века. Интересно, что эта написанная в жанре нон-фикшн книга с очевидностью обнаруживает то же, что и у Байетт, – стремление к ее максимальной насыщенности историей и атмосферой эпохи. Она посвящена тем изменениям, которые происходят не позднее, а именно в тот период. Промышленные забастовки по той причине, что заработная плата рабочих была отвратительной, минимальная обеспеченность работой, бедность и болезни, зарождение и оформление профсоюзного движения. В то же время хроника включает в себя предвкушение коронации, влюбленность Леонарда Вульфа в сестру Стивена, Вирджинию, в Ковент-Гардене готовятся к премьере «дягилевских балетов», а некоторые слуги продают сведения о своих хозяевах в американские газеты. Моды, журнальные публикации, танцы. Самое

впечатляющее в книге то, что в ней отчетливо изображена пропасть, которая резко разделяет богатых и бедных. Автор тщательно описывает смерти, которые произошли среди обездоленных в их убогих, похожих на печи жилищах, отмечает разрушительное воздействие жары на фермеров. И это все во время выставок, строительства музеев, поиска новых решений в интерьерах. В книге видно также стремление автора передать бурлящую жизнь Англии прошлого рубежа веков и обнаруживается также явное сочувствие к потребности большей части эдвардианцев к обозначиванию цели существования.

Такое же стремление обнаруживается и в тех произведениях, которые следует отнести скорее к общему литературному потоку, массовой литературе. Характерно, что одной из повторяющихся является тема движения суфражисток как одного из самых ярких явлений социальной жизни начала XX в. Она варьируется от простого упоминания до использования в качестве сюжетобразующего фактора. Подтверждением тому, что эта тема стала одним из успешных клише, стала, например, трилогия «Аббатство Саммерсет» американской писательницы Т. Браун.

Таким образом, пристрастие англичан к эдвардианской эпохе традиционно связано с ностальгией, воспоминаниями об утраченном счастье предвоенного мира. Соответственно, топосом современной прозы Великобритании становится образ усадьбы. Он используется в романах действительно высокого художественного уровня («Детская книга», «Искушение»), но и бесконечно тиражируется в массовой литературе. В конструкции данного клише характерно также неперемное использование образа художника, артистической психологии центральных героев, их стремления оформить свою жизнь по законам искусства, все в духе эдвардианства. Подобный, ставший стереотипным образ бытия гарантирует успех у читателя, и подобные произведения имеют безусловный коммерческий успех, как упомянутые романы Д. Мойес или Р. Пилчер.

Однако такого рода клише не появляются случайно, они свидетельствуют об определенных тенденциях национального общественного самосознания. Авторы объемного труда «Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай», посвященного русской усадебной культуре, используют термин «пассеизм» и цитируют Г. Адамовича, так сформулировавшего «витавшее в воздухе Серебряного века значение» этого слова: «Не культ прошлого и не любовь к старине, а попытка жить в прошлом, страстное предпочтение прошлого настоящему, с юлиановским, то явным, то скрытым стремлением его

воскресить» [Дмитриева, Купцова 2008: 300]. Нечто пассеистическое мы наблюдаем и в английской литературе на протяжении всего XX в., а также сегодня. Это относится с тем же основанием и к викторианству. Возможно, к этому основанию относится и то, что обнаруживает исследователь в творчестве еще одного эдвардианца: «Главная заслуга Честертона в том, что он всегда видел жизнь и показывал ее другим как светлую, славную, дивную повесть» [Васильева 2000: 4]. При этом неовикторианство не столько культивирует «славную повесть» или романтизацию повседневной жизни, сколько травестирует, пародирует, переиначивает прошлое. Надежды обрести утопию, столь свойственные 1960-м гг., не оправдались. Во-первых, все-таки слишком многое в викторианстве было осмыслено и отвергнуто и интеллектуалами, и широкими массами еще в начале столетия. Во-вторых, последние три десятилетия XX в. даже и для Великобритании, заметно меньше, чем Франции или США, подверженной деконструктивным тенденциям, отмечены «постмодернистской чувствительностью». Игра в викторианство остается в пределах постмодернистского мышления, которое основано на недоверии к «великим метанарративам» и, соответственно, к высоким целям существования.

С нашей точки зрения, активное обращение к эдвардианству обусловлено тем, что так отчетливо показала А. Байетт. Это стремление обозначить цели своей жизни. Эдвардианство при всей своей гедонистичности и внешней беззаботности оставило для потомков стремление к осмысленному существованию и умение найти его вне догм викторианского сознания. Возможно, в этом наследии появилась потребность в первом десятилетии XXI в., что и вызвало к жизни то, что можно назвать «неоэдвардианством».

Список литературы

- Байетт А. С. Детская книга / пер. с англ. Т. П. Боровиковой. М.: Иностранка, 2012. 832 с.
- Батлер О. Эдвардианское настроение // Газета. 22.02.2008. URL: http://www.ng.ru/ant-rakt/2008-02-22/13_britain.html (дата обращения: 10.10.2019).
- Бочкарева Н. С. Реминисценции русской культуры в романе А. С. Байетт «Детская книга» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2018. № 4. С. 48–54.
- Бочкарева Н. С. Экфрасис произведений декоративно-прикладного искусства в романе А. С. Байетт «Детская книга» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 3(31). С. 105–122.

Васильева Е. В. Художественный мир романов Г. К. Честертон: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж. 2000. 24 с.

Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усладебного мифа: утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2008. 528 с.

Ивашева В. Почему викторианцы? // Вопросы литературы. 1973. № 6. С. 76–92.

Корецкая М. А., Савенкова Е. В. Габитус и субъективность: опыт живой истории в телепроекте «Усадьба эдвардианской эпохи» // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2011. № 2(10). С. 13–37.

Поваляева Н. С. Образ мюзик-холла в неовикторианском романе. Минск: Четыре четверти, 2015. 100 с.

Склизкова Т. А. Образ Аркадии в английском романе XX века.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2012. 24 с.

Скороходько Ю. С. Эволюция английского неовикторианского романа // Культура народов Причерноморья. 2011. № 206. С. 55–57.

Толстых О. А. Английский постмодернистский роман конца XX века и викторианская литература: интертекстуальный диалог (на материале романов А. С. Байетт и Д. Лоджа): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.

Шишкова И. А. Национальная ментальность в английской художественной литературе для подростков: конец XIX–XX вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 50 с.

Batchelor J. *The Edwardian Novelists*. St. Martin's Press, 1982. 251 p.

Björkén-Nyberg C. *The Player Piano and the Edwardian Novel*. Farnham: Ashgate, 2015. 222 p.

Black M. *Edwardian Britain: A Very Brief History* Kindle Edition. 2012. 44 p.

Byatt A.S. *Children's Book*. Knopf. 2009. 688 p. URL: https://royallib.com/read/Byatt_AS/the_childrens_book.html#0 (дата обращения: 10.10.2019).

Gavin A. E., Humphries A. F. (eds) *Childhood in Edwardian Fiction*. London: Palgrave Macmillan, 236 p.

Dangerfield G. *The Strange Death of Liberal England*. 1935 (repr.). N. Y., 1980. 366 p.

The Edwardian Sense: Art, Design, and Performance in Britain, 1901–1910. ed. by Morna O'Neill, Michael Hatt. New Haven: Yale University Press, 2010. 336 p.

Hattersley R. *The Edwardians: Biography of the Edwardian Age*. St. Martin's Press, 2005. 528 p.

Holland E. *Pocket Guide to Edwardian England*. Create Space Independent Publishing Platform, 2013. 146 p.

McEwan J. *Atonement*. Vintage; New Ed edition. 2002. 384 p. URL: <http://www.ianmcewan.com/books/atonement.html> (дата обращения: 10.10.2019).

McKitterick D. *The Cambridge History of the Book in Britain*. Vol. VI. 1830–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 808 p.

Lawrence J. *The Rise and Fall of the British Empire*. Little, Brown and Company. 1994. 774 p.

Nicolson J. *The Perfect Summer: England 1911, Just Before the Storm*. Grove Press, 2008. 290 p.

Nowell-Smith S. *Edwardian England 1901–1914*. Oxford: Oxford University Press, 1965. 716 p.

Parrinder P. *Nation and novel. The English Novel from its Origins to the Present Day*. Oxford, 2008. 512 p.

Tracy M. *The World of the Edwardian Child: As seen in Arthur Mee's "Children's Encyclopedia"*. Hermitage, 2008. 249 p. URL: <https://www.british-empire.co.uk/library/edwardianchild.htm>. (дата обращения: 10.10.2019).

Tuchman B. *The Proud Tower: A Portrait of the World Before the War, 1890–1914*. Grove Press, 1996. 290 p.

Sackville-West V. *The Edwardians*. 2nd Impression edition. The Hogarth Press. 1930. URL: <https://readanybook.com/ebook/the-edwardians-638-149> (дата обращения: 10.10.2019).

Wild J. *Literature of the 1900s. The Great Edwardian Emporium. The Edinburgh History of Twentieth-Century Literature in Britain*. 2018. 224 p.

References

Byatt A. S. *Detskaya kniga* [The Children's Book]. Transl. from Eng. by T. P. Borovikova. Moscow, Inostranka Publ., 2012. 832 p. (In Russ.)

Batler O. *Edvardianskoe nastroyenie* [Edwardian mood]. *NG Antrakt*. 22 August 2008. Available at: http://www.ng.ru/antrakt/2008-02-22/13_britain.html (accessed 10.10.2019). (In Russ.)

Bochkareva N. S. *Reministsentsii russkoy kul'tury v romane A. S. Byatt 'Detskaya kniga'* [Reminiscences of Russian culture in A. S. Byatt's novel 'The Children's Book']. *Vestnik Baltiiskogo Federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser. Filologiya, pedagogika, psikhologiya*. [IKBFU's Vestnik. Ser. Philology, Pedagogy, and Psychology], 2018, issue 4, pp. 48–54. (In Russ.)

Bochkareva N. S. *Ekfrasis proizvedeniy dekorativno-prikladnogo iskusstva v romane A. S. Byatt 'Detskaya kniga'* [Ekphrasis of arts and crafts in A. S. Byatt's novel 'The Children's Book']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015, issue 3(31), pp. 105–122. (In Russ.)

Vasil'eva E. V. *Khudozhestvennyy mir romanov G. K. Chestertona. Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk* [The fiction world of novels by G. K. Chesterton. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2000. 24 p. (In Russ.)

Dmitrieva E. E., Kuptsova O. N. *Zhizn' usadbnogo mifa: utrachennyi i obretennyi ray* [Life of the manor myth: Paradise lost and found]. Moscow, United Humanitarian Publishers, 2008. 528 p. (In Russ.)

Ivasheva V. Pochemu viktorianty? [Why the Victorians?]. *Voprosy literatury*, 1973, issue 6, pp. 76–92. (In Russ.)

Koretskaya M. A., Savenkova E. V. *Gabitus i sub"ektivnost': opyt zhivoy istorii v teleproekte 'Usad'ba edvardianskoy epokhi'* [Habitus and subjectivity: the experience of living history in reality series 'The Edwardian Country House']. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii* [The Bulletin of the Samara Humanitarian Academy], 2011, issue 2(10), pp. 13–37. (In Russ.)

Povalyaeva N. S. *Obraz myuzik-kholla v neo-viktorianskom romane* [The image of a music-hall in the neo-Victorian novel]. Minsk, Four Quarters Publ., 2015. 100 p. (In Russ.)

Sklizkova T. A. *Obraz Arkadii v angliyskom romane 20 veka. Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk* [The image of Arcadia in the English novel of the 20th century. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Vladimir, 2012. 24 p. (In Russ.)

Skorokhod'ko Yu. S. Evolyutsiya angliyskogo neoviktorianskogo romana [The evolution of the English neo-Victorian novel]. *Cul'tura narodov Prichernomor'ya* [The culture of the Black sea peoples], 2011, issue 206, pp. 55–57. (In Russ.)

Tolstykh O. A. *Angliyskiy postmodernistskiy roman kontsa 20 veka i viktorianskaya literatura: intertekstual'nyy dialog (na materiale romanov A. Byatt i D. Lodge): Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk* [The English postmodern novel of the late 20th century and Victorian literature: intertextual dialogue (based on the novels by A. S. Byatt and D. Lodge). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2008. 24 p. (In Russ.)

Shishkova I. A. *Natsional'naya mental'nost' v angliiskoy khudozhestvennoy literature dlya podrostkov: konets 19–20 vv. Avtoreferat diss. ... d-ra filol. nauk* [National mentality in English fiction literature for teenagers: the late 19th–20th centuries. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2003. 50 p. (In Russ.)

Batchelor J. *The Edwardian Novelists*. St. Martin's Press, 1982. 251 p. (In Eng.)

Björkén-Nyberg C. *The Player Piano and the Edwardian Novel*. Farnham, Ashgate, 2015. 222 p. (In Eng.)

Black M. *Edwardian Britain: A Very Brief History*. Kindle Edition, 2012. 44 p. (In Eng.)

Byatt A. S. *The Children's Book*. London, Vintage Books, 2010. 617 p. Available at: https://royal-lib.com/read/Byatt_AS/the_childrens_book.html#0 (accessed 10.10.2019). (In Eng.)

Gavin A. E., Humphries A. F. (eds) *Childhood in Edwardian Fiction*. London, Palgrave Macmillan. 236 p. (In Eng.)

Dangerfield G. *The Strange Death of Liberal England*. 1935, repr., New York, 1980. 366 p. (In Eng.)

The Edwardian Sense: Art, Design, and Performance in Britain, 1901–1910. Ed. by Morna O'Neill, Michael Hatt. New Haven, Yale University Press. 2010. 336 p. (In Eng.)

Hattersley R. *The Edwardians: Biography of the Edwardian Age*. St. Martin's Press, 2005. 528 p. (In Eng.)

Holland E. *Pocket Guide to Edwardian England*. Create Space Independent Publishing Platform, 2013. 146 p. (In Eng.)

McEwan J. *Atonement*. Vintage. New Ed edition. 2002. 384 p. Available at: <http://www.ianmcewan.com/books/atonement.html> (accessed 10.10.2019).

McKitterick D. *The Cambridge History of the Book in Britain. Volume VI 1830–1914*. Cambridge, Cambridge University Press. 2009. 808 p. (In Eng.)

Lawrence J. *The Rise and Fall of the British Empire*. Little, Brown and Company. 1994. 774 p. (In Eng.)

Nicolson J. *The Perfect Summer: England 1911, Just Before the Storm*. Grove Press. 2008. 290 p. (In Eng.)

Nowell-Smith S. *Edwardian England 1901–1914*. Oxford, Oxford University Press, 1965. 716 p. (In Eng.)

Parrinder P. *Nation and novel. The English Novel from its Origins to the Present Day*. Oxford, 2008. 512 p. (In Eng.)

Tracy M. *The World of the Edwardian Child: As seen in Arthur Mee's 'Children's Encyclopedia'*. Available at: <https://www.britishempire.co.uk/library/edwardianchild.htm> (accessed 10.10.2019). (In Eng.)

Tuchman B. *The Proud Tower: A Portrait of the World Before the War, 1890–1914*. Grove Press, 1996. 290 p. (In Eng.)

Sackville-West V. *The Edwardians. The Hogarth Press; 2nd Impression edition*. 1930. Available at: <https://readanybook.com/ebook/the-edwardians-638-149>. (accessed 10.10.2019). (In Eng.)

Wild J. *Literature of the 1900s. The Great Edwardian Emporium*. The Edinburgh History of Twentieth-Century Literature in Britain. Edinburgh University Press, 2018. 224 p. (In Eng.)

THE EDWARDIAN CODE IN ENGLISH PROSE OF THE 21ST CENTURY

Vera G. Novikova

Professor in the Department of Foreign Literature

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

23, prospekt Gagarina, Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation. wnovikova@mail.ru

SPIN-code: 2226-3171

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7398-3867>

ResearcherID: AAC-2494-2019

Submitted 22.10.2019

The article considers the references of modern authors to the traditions of Edwardianism. This period can be characterized as a vibrant cultural era, with writers who were determined to break away from the stifling influence of preceding Victorian literature and provided the cultural foundation for the coming century. The 'Edwardian code' fully developed in literature of the interwar decades (1920s–1930s) and revived in the early 21st century. It includes such elements as the image of the manor house, the motifs of Arts & Crafts movement, the theme of childhood and associated themes of the English fairy tale, which went through its 'golden age' in the abovenamed period. The code also comprises motifs of social change and other related issues. All parts of the Edwardian code are found in A. Byatt's novel *Childhood's Book* (2009). The novel covers the period from 1895 to the end of the Great War. It represents a tangle of many fates, each of which is concerned with the conflicts of the era and the general atmosphere of the Edwardian time. The characters are united by the desire to formulate a clear goal of their existence and specific personal qualities determined by the artistry of the era. In the 21st century, the 'Edwardian code' is found in non-fiction literature, in TV series and in the aspiration of the national consciousness to the value orientations of Edwardianism. A typical example is J. Nicolson's *The Perfect Summer: England 1911, Just Before the Storm* (2008). *The Perfect Summer* chronicles a glorious English summer a century ago, when the world was on the cusp of irrevocable change. Through the tight lens of four months, Juliet Nicolson's rich storytelling gift rivets us with the sights, colors, and feelings of the bygone era. This book is a vividly rendered glimpse of the twilight of the Edwardian era. The commercial success of the novels with the Edwardian code reflects the interest of the reading public to it. The goal-setting required in this code and its distinct axiology evidence the overcoming of postmodern moral relativism. The author of the paper makes an assumption about the formation of 'Neo-Edwardianism' in the modern culture of Great Britain.

Key words: Edwardianism; A. S. Byatt; *Children's Book*; Arts & Crafts; social ideal in English literature; Neo-Edwardianism.

УДК 821.111(73)-3.09

doi 10.17072/2073-6681-2019-4-112-122

АФРОАМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА «НАДИРА»: МИССИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И «ХОЖДЕНИЕ В НАРОД»¹

Ольга Юрьевна Панова

д. филол. н., профессор кафедры истории зарубежной литературы

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. olgapanova65@gmail.com

ведущий научный сотрудник отдела литератур Европы и Америки новейшего времени

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а

SPIN-код: 1374-2871

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2520-120X>

ResearcherID: K-8102-2018

Статья поступила в редакцию 24.10.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Панова О. Ю. Афроамериканская литература «надир»: миссия интеллигенции и «хождение в народ» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 112–122. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-112-122

Please cite this article in English as:

*Panova O. Yu. Afroamerikanskaya literatura «nadira»: missiya intelligentsii i «khozhdenie v narod» [African American Literature of the Nadir: the Mission of the Intelligentsia and 'Going to the People']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 4, pp. 112–122. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-112-122 (In Russ.)*

Период в развитии афроамериканской литературы после Гражданской войны и Реконструкции и до начала Гарлемского ренессанса (1870–1910 гг.) остается малоисследованным как в России, так и в США. Этот период получил в афроамериканистике название «надир» (термин афроамериканского историка и активиста панафриканского движения Р. У. Логана) – «низшая точка» в социальной, культурной, литературной истории афроамериканцев, которая, однако, стала и поворотной точкой, выводящей к новой эпохе – XX в. Ведущей культурной силой в это время является крайне малочисленная негритянская образованная элита – «средний класс». Главным «нервом» афроамериканской литературной истории становится напряжение между характерными для этого класса ассимиляционистскими устремлениями, викторианским кодексом благопристойности и расовым барьером (расизм и сегрегация), характерным для послевоенного американского общества, одержимого страхом миссегенации. В этих условиях негритянский средний класс, ощущающий свою социальную отчужденность от братьев по расе (неграмотная масса черного населения) и расовую отчужденность от братьев по классу (белый американский средний класс), приходит к пониманию необходимости расовой солидарности, принимая на себя миссию по осуществлению программы прогресса черной расы, и делает ставку на высокие моральные качества «простого народа» – черных сельских и городских низов. Хотя в статье фигурируют крупнейшие авторы рубежа XIX–XX вв. (Ч. Чеснат, П. Данбар), основным материалом для исследования стали малоизвестные образцы литературы этого периода: рассказы В. Эрл-Мэтьюз, романы Дж. У. Х. Говарда, У. Стоуэрса и У. Андерсона, стихи С. Брауна.

Ключевые слова: история литературы США; афроамериканская литература 1870–1900-х гг.; «надир»; традиция благопристойности; народный характер; интеллигенция; В. Эрл-Мэтьюз; Дж. У. Х. Говард; афроамериканские исследования.

Период между окончанием Гражданской войны и Реконструкции Юга и до Гарлемского ренессанса (1870–1910-е гг.) занимает важное, но еще не до конца оцененное место в становлении афроамериканской литературной традиции. Как и для всей американской литературы, эта эпоха – мост, уводящий из века XIX в век XX, время перехода, кризиса и поиска новых тем и форм. Вместе с тем для становящейся афроамериканской литературы рубежная эпоха отмечена рядом специфических особенностей. Литература черных американцев создавалась в сложных и опасных условиях. Общенациональная трагедия – гражданская война – перетекает в трагедию региональную – реинтеграцию и радикальную перестройку мятежных штатов, приведшую к исчезновению старого Юга и расовому террору.

Ситуация расовой войны на Юге, «черные кодексы», сегрегация, евгенические практики и законы, расовые теории (см.: [Панова 2014]) – все эти явления прогрессистской эры дали основание негритянскому историку Рейфорду У. Логану назвать период с 1870-х до 1910-х гг. «надиром» (*nadir*), т. е. низшей точкой в истории американских негров [Logan 1965, 1954]. В постшестидесятилетней афроамериканистике произошел идеологически обусловленный сдвиг значения, и этот термин стал означать в первую очередь отказ от расовой гордости (*Black pride*), соглашательство негритянской элиты, проникнутой ассимиляционистским духом, создававшей вторичную, подражательную «псевдокультуру», во всем копировавшую белых и полностью отказавшуюся от попыток утверждения своей самостоятельности и самобытности (см. напр.: [Gayle 1975: 11]).

Совершенно очевидно, что не чернокожие неграмотные массы, но именно крошечная в процентном отношении к остальному черному населению негритянская образованная элита (профессиональный средний класс) определяла облик и развитие негритянской культуры в эпоху «надира», причем классическое образование и безусловное приятие викторианского кодекса благопристойности в качестве эталона «цивилизованности» служило основой этой культуры. Тем не менее влияние левых идеологий и, в первую очередь, ангажированной афроамериканистики в современных университетах столь велико, что в 1989 г., когда был достигнут пик в развитии «афроамериканской литературной теории»², такой серьезный ученый, как Диксон Д. Брюс, вынужден специально пояснять в монографии, посвященной черной литературе этого периода [Bruce 1989], что вовсе не масса сельских негров была движущей силой негритянской культурной истории, так как их фольклор, этика

и бытовая культура (естественно, совершенно отличная от культуры образованного черного среднего класса³) никак (или почти никак) не влияли на развитие литературы и, шире, письменной и печатной словесности, которая создавалась узкой образованной прослойкой [Bruce 1989: 9–10]. В трудах ангажированных афроамериканистов конструируется образ негритянской культуры времен Гражданской войны, Реконструкции и прогрессистской эры на основе фольклора, аболиционистских памфлетов и публицистики, выступлений негритянских активистов, таких как Странствующая Истина (*Sojourner Truth*), или сочинений радикальных мыслителей, занимавших в черной словесности маргинальное положение (Александр Краммелл, Генри Хайленд Гарнет). Однако вопреки пафосу работ, выполненных в духе идеологизированной афроамериканистики (см. напр.: [Levine 1977]), «фольклорная мысль» негров не оказывала и не могла оказывать никакого значимого влияния на ход развития общества и культуры до начала 1910-х гг., т. е. до тех пор, пока фольклор не был признан культурной ценностью. Что касается лидеров, деятельности которых посвящена книга Стерлинга Стаки «Культура рабов: националистическая теория и основание черной Америки» [Stuckey 1987] (Д. Уокер, Генри Х. Гарнет, У. Дюбуа, Пол Робсон), то их взгляды вопреки тому, что утверждает автор монографии, не имеют ничего общего с «фольклорными», «сельскими» (*rural*) ценностями, что ясно обнаруживается из чтения их текстов. Если и можно говорить о каком-либо присутствии фольклорных элементов или мотивов в черной словесности до начала XX в., то это в любом случае стилизации, в основе которых лежит авторская рефлексия и стремление соответствовать европейско-американским культурным и стилевым моделям и нормам. Попытка же С. Стаки, открыто афроцентристского критика, представить процесс формирования культуры американских негров вне американского контекста – как результат смешения разных африканских племенных культур в некое новое афроамериканское целое – не выдерживает критики.

Негритянские писатели и поэты конца XIX в. в 1937 г. были иронически охарактеризованы выдающимся поэтом Гарлемского ренессанса Стерлингом А. Брауном как «школа пересмешников» (*mocking-bird school of poets*) [Brown 1978: 11–12]. Главной причиной столь уничижительного отношения к этому периоду черной словесности, возникшего уже в первой трети XX в., стала не столько подражательность, сколько отсутствие расовой самобытности. «До-

минирование благопристойных идеалов означало, что по большей части эти авторы могли говорить о себе, своих надеждах, стремлениях только на языке американского мейнстрима. Не существовало словаря для выражения черной идентичности как чего-то особого, самобытного» [Bruce 1989: 37]. Негритянская культура обретает сознание своей самобытности и начинает поиск способов ее выражения только в эпоху модернизма (конец 1910–1920-е гг.). Тогда возникает запрос на американскую и, в частности, расовую самобытность, на примитив «отечественного производства», и негритянской культуре предлагаются выработанные в мейнстриме модели, которые она творчески усваивает и развивает. В период же «надира» перед афроамериканской литературой стояли иные задачи, не менее важные и насущные, чем в эпоху Гарлемского ренессанса.

Даже в определении Логана, не говоря уже об открыто тенденциозном современном понимании термина «надир», учитывалась только одна сторона исторической реальности. Период Реконструкции был для американских негров временем больших надежд, и полученный опыт свободы, права участия в выборах и органах власти не пропал втуне. После войны были созданы знаменитые негритянские университеты – Говардский в Вашингтоне (1866), университет Фиска в Нэшвилле (1866) и экспериментальный университет Таскиги в Алабаме, основанный Букером Т. Вашингтоном (1881). Массовая миграция из Черного пояса, резко увеличив негритянское население в больших городах, соответствовала логике прогрессивистской эры: именно в городах возникала «черная буржуазия» – класс предпринимателей и мелких собственников⁴, а также негритянской образованный средний класс – учителя, священники, врачи, инженеры, юристы, словом, черная и цветная интеллигенция.

Немногочисленная негритянская образованная прослойка до Первой мировой войны была тем «креативным классом», который определял ценностные ориентиры и занимался «культурным производством», в том числе и в сфере литературы. О составе, численности этой элиты и о том, какую часть ее составляли литераторы, можно судить по биографическим справочникам того времени [Who's Who of Colored Race 1915; Simmons 1970]. Из включенных туда известных черных американцев почти $\frac{3}{4}$ окончили колледж или университет, более 70 % работали по профессии, в основном в области религии и образования, притом что по данным социологического исследования, проведенного в 1900 г. в университете Атланты Уильямом Дюбуа, в то время на 3,5 тыс. негров приходился только один человек

с высшим образованием [The College-Bred Negro 1900]. Что касается вероисповедования, примерно половина негров среднего класса традиционно принадлежала к самым влиятельным черным церквям – баптистской или Африканской методистской епископальной (АМЕЦ); почти столько же черных образованных профессионалов и буржуа посещали церкви белых деноминаций – епископальную, пресвитерианскую, конгрегационалистскую. Знаменитый чернокожий социолог Ф. Фрэйзер отмечает, что в начале XX в. черные прихожане этих традиционно белых церквей составляли лишь 1 % от всего черного населения [Frazier 1957: 79–80]. Эти интересные данные показывают, и сколь малой была численность негритянской культурной элиты, и сколь сильным было ее стремление к ассимиляции.

Историк Юга и исследователь афроамериканской литературы Д. Брюс, опираясь на архивные данные и публикации 1880–1890-х⁵, так описывает уклад жизни и ценности негритянского среднего класса конца XIX в.: «Множество деталей указывает на тот факт, что черный средний класс разделял превалирующие ценности и вел тот же образ жизни, который был принят в остальном обществе. Часто встречаются свидетельства того, что соблюдение обычаев среднего класса в религиозной практике, да и во всех прочих сферах жизни, было для этих людей предметом особой гордости» [Bruce 1989: 6]. Одно из таких свидетельств – выступление Эндрю Хайлайра, ученого из Говардского университета, который, описывая ценности своего класса, отмечал, что черные и белые американцы среднего класса «говорят на одном языке, читают и предпочитают одну и ту же литературу, молятся одному и тому же Богу, имеют одинаковую веру, одинаковые идеалы, эталоны вкуса, манеры и традиции, любят одну и ту же страну и почитают один и тот же флаг» [ibid.]⁶. Люди, которым принадлежат подобные высказывания, были американцами викторианской эпохи и не считали, что их цвет кожи отличает их от белых собратьев по классу, учитывая, в особенности, тот факт, что «значительная часть среднего класса имела белых предков, была светлокожей и устанавливала расовый барьер (color line), отграничивавший их от людей с более темным цветом кожи» [ibid.].

На усвоение и поддержание викторианского кодекса благопристойности (gentility), характерного для американского среднего класса викторианской эпохи, было нацелено как домашнее воспитание, так и образование – программы школ и университетов, в том числе и Фиска, Говарда, Таскиги, воспроизводившие эталон клас-

сического западноевропейского и престижного американского образования. С теми же целями создавались, начиная с Реконструкции, различные литературные, философские и исторические общества, как, например, Вифлеемская литературно-историческая ассоциация (Bethel Literary and Historical Association, осн. в 1881, г. Вашингтон) при «элитной» столичной Вифлеемской церкви Африканской методистской епископальной церкви (АМЕЦ) или «Клуб книголюбов» (Book Lovers Club) в Канзас-сити⁷.

Никогда в истории черной расы в Америке разрыв между образом жизни и укладом бытовой культуры масс черного населения и образованной элиты не был столь велик; никогда эта элита не была столь трагически одинока: от братьев по расе ее отделяла социальная пропасть, от братьев по классу – расовый барьер. Этот разрыв с массой негритянского населения начал преодолеваться с 1910-х гг., но ликвидирован он так и не был, став источником вражды между образованным негритянским средним классом – «очкариками» (dicties) и черными социальными низами – «крысами» (rats)⁸. Это противостояние к 1920-м гг. стало общим местом черной культуры⁹. В эпоху Гарлемского ренессанса черной интеллигенции приходилось доказывать и отстаивать свое право на «руководящую роль» для «негритянского народа»¹⁰; но в прогрессивистскую эру негритянский средний класс еще убежден в своей роли естественного и бесспорного лидера своей расы, на котором лежит ответственность за униженных, обездоленных, неграмотных собратьев и ответственность за общее будущее «черного народа». Перспективы же негритянской интеллигенции видела только в постепенной интеграции в американское общество и конечной ассимиляции; этой цели служил «расовый прогресс» (racial uplift), направляющей силой которой должен был стать образованный слой.

Тематика и топка в большинстве своем унаследованы от предыдущего этапа, но рассматриваются они уже в другом контексте и с новыми акцентами. Это расовые отношения, мисцегенация, цветные и белые ветви в семье, трагедии полукровок и бастардов, образование, профессия и работа, противопоставление Севера и Юга. Получают тщательную разработку темы, пунктиром обозначенные в довоенный период, – внутрирасовые барьеры, связанные с цветом кожи, пересечение расового барьера светлокочими цветными (passing). Появляются новые темы: реалии расовой войны (линчевания, поджоги, погромы и т. д.), противопоставление города и сельской местности, образованного класса и неграмотного

низшего класса. Характерные типы и персонажи литературы этого периода также во многом уже начали осваиваться в довоенный период: благопристойные героини и герои (как правило, светлокочие полукровки), темнокожие интеллигенты, полные внутреннего благородства неграмотные простецы (как правило, темнокожие), злодеи всех цветов кожи, преследующие благородных героев и героинь. Среди белых – почтенные представители старой плантаторской аристократии, бывшие надсмотрщики – аморальные негодяи, жестокие и алчные враги освобожденных негров, белые учителя (учительницы), филантропы и прочие «друзья негров», расистски настроенные чиновники и политики, негрофобы из белой голи, янки-расисты, алчные прагматики, лицемеры, «честные янки» – помощники негров. Типажи минстрел-традиции и довоенного плантаторского романа обретают нишу в диалектно-регионалистской литературе (Джеймс Эдвин Кэмпбелл, Джозеф С. Коттер, Дэниел Уэбстер Дэвид, Джеймс Д. Коррозерс, поэзия на диалекте Пола Данбара и др.). Первые значимые элементы социального реализма и бытописательства входят в негритянскую литературную традицию на рубеже 1890–1900-х гг. с появлением прозы крупнейших писателей этого периода – Пола Данбара, Чарльза Чеснатта, Полины Хопкинс, Саттона Григгса.

Ориентация на традицию благопристойности вовсе не означала отказ от протеста: после того как аболиционизм исчерпал свою программу, на передний план выходит глобальная для негритянской культуры проблема расизма и сегрегации: столкновение ассимиляционистского идеала с расистскими законами и практиками, весь спектр переживаний и размышлений по этому поводу, выработка стратегий адаптации или борьбы, преодоление трудностей в отношениях с белой расой¹¹ составляют основное содержание литературы «надира», в которой разрабатываются стратегии адаптации и намечаются пути преодоления расовых предрассудков. Ряд историков литературы полагает, что «ключевой силой в черной словесности этого периода было напряжение между расизмом и благопристойным кодексом среднего класса, которого придерживались литераторы» [Bell 1987: 14–15; Bruce 1989: 10].

Как указывает Д. Брюс, именно чувство расовой солидарности и требование расовой справедливости были проявлениями расового самосознания в прогрессивистскую эру – включая и риторику «радикального протонационализма», единственной целью которого было укрепление расовой солидарности [Bruce 1989: 38]. Добавим к

этому списку также тему внутрирасовых барьеров, связанных с цветом кожи («внутрирасового расизма»), зачатки которой возникают в повествованиях и первых романах 1840–1860-х гг. – «Клотель, или Дочь президента» (*Clotel, or The President's Daughter*, 1853) Уильяма Уэллса Брауна, «Семейство Гэри и их друзья» (*The Garies and Their Friends*, 1857) Фрэнка Дж. Уэбба и др. Вся эта расовая тематика, являясь наследием еще довоенной аболиционистской эпохи, переходит в литературу последней трети века и трансформируется в новых условиях. Основной вектор изменений был направлен на освобождение этой проблематики от устаревшего «прокрустово ложа» аболиционизма; в итоге через обновление содержания, форм и языка выражения на рубеже 1890–1900-х гг. складывается т.н. «литература о расовом барьере», вершиной которой стало творчество Чарльза У. Чесната – его романы «За кедрами» (*The House Behind the Cedars*, 1900), «Суть традиции» (*The Marrow of Tradition*, 1901), сборник рассказов «Жена юности его и другие рассказы о расовом барьере» (*The Wife of His Youth and Other Stories of the Color Line*, 1901).

«Реабилитируя» негритянскую благопристойную литературу, Д. Брюс напоминает, что в прогрессивистскую эру эта литература была «показателем оптимизма» негритянских авторов и их веры в будущее [Bruce 1989: 32]. Рабство было отменено, расовые предрассудки казались пре-

одолимыми; стремление черных представителей образованного среднего класса разделять доминирующие в культуре викторианские ценности свидетельствовало о желании добиться признания негров полноценными американцами, которые ничем принципиально не отличаются от своих белых сограждан. Однако после Реконструкции, с обострением расового вопроса, проблема солидарности, защиты своего достоинства и прав становится все более насущной.

Критика самодовольства среднего класса, его отрыва от «черной массы», от собратьев по расе – этих главных опасностей, связанных с приверженностью благопристойному кодексу, раздается уже в 1870–1880-е. В качестве примера приведем сатиру негритянского поэта Соломона Брауна (*Solomon G. Brown*, 1829–1906) «И все-таки он негр» (*He is a Negro Still*). Стихотворение призвано продемонстрировать мышление человека, зараженного расовыми предрассудками, и написано от лица расиста, отказывающегося признать негра равной, какими бы блестящими качествами и достоинствами он ни обладал. С. Браун точно воссоздает благопристойные идеалы ассимиляционистски настроенного среднего класса и показывает, что любые аргументы в пользу полноценности негров, будь то англо-саксонская внешность, ум, образованность, профессионализм, обесцениваются рефреном – «и все-таки он негр».

Suppose his education's rare,
His eyes are blue, complexion fair,
And he's a good position fill –
To us he is a Negro still.

Пусть образован он отменно,
И светлокож, голубоглазый,
Пусть он член общества почтенный –
Для нас он просто черномазый.

Suppose he be physician square
With practice large and charges fair?
He cures disease with extra skill –
To us he is a Negro still.

Пусть врач он, знаниям обучен,
И много кто ему обязан
Здоровьем и благополучьем, –
Для нас он просто черномазый.

[...]

Suppose his wife has manners fine,
Cultured, brilliant, splendid mind?
And every rule she rightly fills
That woman is a Negress still

И с леди, нежной, утонченной,
Пусть узами он брака связан, –
Интеллигентной и почтенной,
Они – лишь пара черномазых.

[Brown 1983: 34]

В финале С. Браун выражает нерушимое ассимиляционистское кредо своего поколения – “Twist and turn it as you may – // The Negro's here, HE'S HERE TO STAY!” (делайте, что хотите, добрые господа, – // Негр уже здесь, и ОН ЗДЕСЬ НАВСЕГДА!)» [Brown 1983: 35]. Однако чтобы негр в Америке занимал достойное положение, среднему классу, по мнению поэта, необходимо проявлять солидарность и бороться за свои права. В сатире «Развлечения

наших прихожан» (*Our Church Entertainments*) Браун в весьма резких выражениях клеймит образованный средний класс за презрение к неграмотным, простым собратьям по расе, за готовность отречься от своих предков и обычаев. Такие культурные явления, как минстрел-шоу и литература на диалекте, он считает предательством своей расы, когда «наши бедные невежественные братья» выставляются на посмешище в угоду белым.

They descend to the cabins of old slave grandmothers
 They mimic their language, their worship and glee,
 Expose the defect of their poor ignorant brothers,
 They carry their practice to a fearful degree.
 Still boast the advancement our people are making,
 Yet suffer these evils to daily grow worse
 [...]

Such songs are selected that sound the most funny
 To amuse our white neighbors and draw them around
 And all this is done to gain the more money
 Beside the gate pennies to enter the ground.
 [Brown 1983: 37–38]

(«Они снисходят до визитов в хижины старух, бывших рабынь, / Передразнивают их, подражая их речи, верованиям и пению, / Выставляют напоказ недостатки своих бедных, невежественных братьев, / И эта практика приняла угрожающие размеры. / Они хвалятся прогрессом нашего народа, / Но несчастья этого народа все возрастают. <...> Выбираются те песни, которые звучат особенно смешно, / Чтобы развлекать белых соседей этим ограниченным репертуаром, / И все это – для того, чтобы получить побольше денег, / Чем те гроши, которые собирают с прихожан»).

С. Браун призывает негритянскую интеллигенцию помнить о своем долге – бороться за равноправие и уважение, укреплять расовую солидарность и трудиться ради прогресса черной расы: «Не пора ли нам проснуться и исполнить своей долг / И потребовать от наших лидеров настоящих реформ?» (“Should not we awake and make our true duty, / Demand from our leaders some purer reform?”) [Brown 1983: 38]. Идеалом Брауна, как и большинства негритянских авторов, было органичное соединение благопристойного кодекса с выполнением своего долга – служение на благо своей расы. Благопристойность становится не только мериллом положительного идеала черного героя / героини, не только выражением стремлений и надежд, но и средством противостояния расовому угнетению. Расисты (как следует из стихотворения Брауна) отказываются признавать тот факт, что негр способен воплотить идеал благопристойности. В ответ черные авторы изображают белый расизм как феномен, противоречащий кодексу благопристойности, который сами же белые провозглашают в качестве идеала. Негритянские персонажи в их произведениях неукоснительно следуют кодексу, в то время как белые самым позорным образом демонстрируют нежелание или неспособность жить в соответствии со своими собственными принципами.

На противопоставлении благопристойности черных и лицемерия белых строится роман Джеймса Х. У. Говарда «Невольники и свободные» [Howard 1886]. Это история рабыни по имени Перси, всеми силами старавшейся сохранить свою честь в условиях полной зависимости от хозяина. Светлокожая красавица Перси, лицо

и фигура которой не уступают любой белой леде, отличается душевным благородством, целомудрием, изяществом и достоинством манер. Перси – одна из целого ряда благопристойных цветных героинь, начавших появляться в негритянской литературе еще до гражданской войны. Как обычно, красота и изящество героини становятся для нее в условиях рабства источником грозной опасности. Большая часть романа посвящена стойкому сопротивлению Перси соблазнителью и насильнику, в чьих руках она оказалась. Дочь рабовладельца, после смерти своего отца и хозяина Перси попадает к своему сводному брату и его ревнивой жене, оказываясь между Сциллой и Харибдой. Молодой хозяин преследует ее и к тому же проигрывает в карты ее мужа Уильяма, а хозяйка требует, чтобы она все время нянчила ее сына, покинув собственных детей. Однако Перси остается верна своей семье, супружескому и материнскому долгу и в конце концов бежит на волю, в Канаду, где воссоединяется с Уильямом. В целом «Невольники и свободные» мало отличается от аболиционистских романов, таких как «Наша чернушка» (Our Nig, 1859) Г. Уилсон (Harriet Wilson, 1825–1900) или «Случай из жизни молодой рабыни» (Incidents in the Life of a Slave Girl, 1861) Г. Э. Джейкобс (Harriet Ann Jacobs, 1813–1897). Главная героиня напоминает и героиню Г. А. Джейкобс светлокожую Линду Brent, героически защищавшую свою честь от развращенного деспота-хозяина, и благовоспитанных, но стойких квартиронок из романа Г. Бичер-Стоу – Элизу Гаррис и Эммелину. Новым является подчеркивание контраста между безупречным поведением Перси и ее хозяевами, которые кичатся своей белой кожей и расовым превосходством, будучи по сути безнравственными варварами, даже не понимающими всей глубины своего падения. Расизм тем самым объявляется несовместимым с кодексом благопристойности, – и это положение становится программным в послевоенной негритянской литературе.

Проблема расизма и расового барьера быстро начинает выходить на первый план после окончания Реконструкции. В романе «Призванный» (Appointed, 1894), изданном соавторами У. Стоуэрсом и У. Андерсоном под псевдонимом «Санда» [Sanda 1894], белый молодой человек Сет Стэнли дружит с мулатом Джоном Сондерсом, который вынужден служить официантом, хотя и является дипломированным инженером. Благодаря общению с Сондерсом у Стэнли открываются глаза на положение негров; он учится уважать их стойкость, терпение, их огромные достижения вопреки рабству и дискриминации. Много места занимают в романе нравоучительно-сентиментальные монологи Сондерса, просвещающего своего белого друга: Сондерс рассказывает ему об истории

черной расы, о неграх – героях войны за независимость, приводит примеры возмутительной несправедливости по отношению к неграм и цветным; в частности, Стэнли узнает, что из-за расового барьера Сондерс не смог получить работу по специальности. В финале Сондерс трагически погибает – его линчуют, обвинив в преступлении, которого он не совершал, и потрясенный всем произошедшим Сет Стэнли решает посвятить свою жизнь борьбе за справедливость и расовое равенство, делая это своим призванием. Жертва злобы, предрассудков и неистовства толпы, Сондерс уподобляется невинному агнцу-Христу; тем самым возникает и аллюзия к образу христианина и мученика дяди Тома. Авторы выбирают тип «непротивленца», решая роман в сентиментальном, а не героическом ключе, – однако мученическая смерть растерзанного Сондерса приносит плоды и становится вкладом в дело прогресса расовых отношений и справедливости. Так в негритянскую литературу входит тема линчеваний, дискриминации и не только расовой, но и межрасовой солидарности. Расовая идентичность предстает в романе как величина отрицательная: это знак неравенства, угнетения, неполноценности.

Это очевидно и в рассказе Виктории Эрл-Мэтьюз (Victoria Earle Matthews, 1861–1907)¹² «Ошибка Эжени» (Eugenie's Mistake, 1892), опубликованном в журнале «AME Church Review» и также посвященном межрасовым отношениям. Главная героиня, красавица-южанка Адель Ван Арсен, дочь богатого плантатора из Луизианы, выходит замуж за Ройяла Клиффорда. Адель – типичная благопристойная героиня: нежная, чувствительная, утонченная, блестяще образованная. Ее соперница Эжени Сен-Нуар, стремясь разрушить счастье молодоженов, находит документ, из которого явствует, что у Адель есть негритянская кровь. Узнав об этом, героиня выказывает великодушие и самоотверженность в духе благопристойного кодекса. Она произносит чувствительный монолог, в котором риторически упрекает отца, чье великодушие побудило его скрыть от своей дочери истину и тем разрушить ее счастье, и, не желая губить жизнь мужа, решает тайно покинуть ее. Узнав правду, Клиффорд, вне себя от горя, бросается на поиски любимой, а Эжени, видя крах своих надежд, обращается в бегство. Клиффорд находит Адель в Париже и воссоединяется с ней, признавшись, что и на нем лежит «позорное пятно», так как в нем тоже есть примесь негритянской крови. Тем самым расовый барьер оказывается устранен, и супруги принимают друг друга уже в новом качестве: теперь они не белая, а цветная пара. Сюжет В. Эрл-Мэтьюз построен на двух общих местах послевоенной афроамериканской литературы: узнавании (открытии истины о своей расовой

принадлежности) и пересечении расового барьера (passing); примечательно, что в этом рассказе расовый барьер пересекается в «обратном направлении» – происходит превращение из белого в цветного. Концовка оптимистична и дидактична: в финале звучит важная мысль о том, что в Америке любые добродетели и достоинства человека (чистота, образованность, доброта) обесцениваются «позорным пятном» – примесью негритянской крови.

Любопытно, что в том же 1892 г. южной писательницей-регионалисткой Кейт Шопен, описывавшей жизнь и традиции креолов Луизианы, был написан рассказ на схожий сюжет – «Ребенок Дезире» (Desiree's Baby; опубл. в 1893). Дезире Вальмон, приемная дочь богатых родителей, выходит замуж за надменного знатного плантатора Армана. Супруги кажутся счастливой парой, пока у них не рождается ребенок, во внешности которого заметны признаки негритянской расы. Поскольку настоящие родители Дезире неизвестны, Арман объявляет ее негритянкой и с позором выгоняет из дома вместе с ребенком. Оставшись один, он сжигает вещи своей жены, колыбель своего сына; однако когда он намеревается отправить в огонь пачку писем Дезире, то обнаруживает среди них письмо своей матери, из которого выясняется, что именно у него, а не у Дезире, есть примесь негритянской крови.

Если белые авторы-регионалисты, обращаясь к расовой тематике, постепенно перестают ограничиваться только воссозданием местного колорита и указывают на проблемы межрасовых отношений, то в негритянской литературе идет встречный процесс – расовая проблема постепенно начинает осмысляться и на регионалистском материале. В этом отношении интересен короткий рассказ В. Эрл-Мэтьюз «Тетушка Линди: история, основанная на реальных событиях»¹³. Действие происходит в родном городке писательницы Форт-Вэлли (шт. Джорджия) сразу после гражданской войны. После пожара в городе, от которого пострадало множество людей, местный врач доктор Бронсон просит пожилую негритянскую чету, дядю Джоэла и тетушку Линди, взять к себе одного из пострадавших, который находится в очень тяжелом состоянии. Джоэл и Линди вдвоем коротают старость, не переставая горевать о своих детях, которых продал хозяин, навсегда разлучив с родителями. Линди, которая славится как хорошая сиделка, готова приютить больного в своей убогой хижине. Когда больной, пожилой белый джентльмен, оказывается у Джоэла и Линди, старики принимают хлопотать вокруг него, и Линди вдруг узнает в нем массу Джимса – их бывшего хозяина. Кульминация рассказа – драматическая сцена узнавания – искусно построена автором.

Подойдя со свечой к больному, Линди вглядывается в его лицо; у нее внезапно перехватывает дыхание, от потрясения она на минуту впадает в оцепенение, а потом восклицает: «Великий Боже! Да это же масса Джимс!» (“Great Gawd! it’s Marse Jeems!”) [Matthews 1893: 5]. Далее следует описание «горькой, демонической ярости», охватившей старую негритянку, которая узнала хозяйина, продавшего всех ее детей:

«В глазах ее вспыхнул мстительный огонь... демоническая радость и горькая ненависть омрачили ее черты, губы искривила жестокая усмешка. Горящий взгляд ее воспаленных глаз устремился на беспомощную, безжизненную «жертву пожара»; в ее уме, осаждаемом демонами, рождались все новые преступные порывы: жизнь за жизнь! – здесь вдали от чьих-либо глаз... миг – и дыхание прервется, короткое удушье... “Где мои дети? (“Whar’s my chil’en?”) – пронзительно крикнула тетушка Линди прямо ему в лицо. – Попробуй, собери их от четырех ветров, от концов света, ты, старый черт!” (“To de fo’ win’s ob de ear’fh, yo ole debbil, yo’.”) Он не слышал ее, белый, бледный, он лежал без сознания...» (курсив мой. – О. П.) [Matthews 1893: 5].

Однако тут же наступает душевный перелом: Линди вспоминает слова Писания «Мне отмщение, и Аз воздам» и отгоняет прочь мысли о мести. Исполняя заповедь Спасителя, Линди заботливо выхаживает своего врага: «Вскоре она вернула его от врат смерти своими неустанными заботами и столь же неустанной убогой косноязычной молитвой». Добрые семена приносят плод: по выздоровлению «масса Джимс» разыскивает и возвращает родителям единственного оставшегося в живых сына. Важно, что Линди не только сама справляется с демоническим искушением, но и спасает душу «массы Джимса», давая ему возможность покаяться и искупить свои грехи.

Рассказ построен на топосе «черного мессианства»¹⁴ – здесь прочитывается тезис о глубокой религиозности негров, угнетенной расы, через свои страдания приблизившейся к Богу и избранной Им. Легко угадывается и романтически-сентиментальная расовая топика плантаторской (негр как дитя, простодушное и незлобивое) и аболиционистской литературы (негр как образцовый христианин, эталон детской, глубокой, наивной веры, недоступной «слишком цивилизованной» и жестокосердной белой расе). Узнаваема и схема «обращения» (conversion) – «метанойи», пришедшая из традиции духовной автобиографии (см.: [Панова 2012]). Само по себе возвращение этой топика очень значимо: благопристойная традиция 1870–1880-х избегала этой модели, прославленной Бичер-Стоу, поскольку одновременно с христианскими добродетелями в ней подчеркивались смирение, покорность, ассоциировавшиеся

с рабским низкопоклонством. Такие чернокожие авторы, как поэт-эпик Олбери Элисон Уитмен (1851–1901) или историк Дж. Вашингтон Уильямс, открыто выражали свое неприятие «дяди Тома и Топси» [Whitman 1890: 5]. Однако образ тетушки Линди не только актуализирует старую модель, но и вносит существенные отличия.

Новаторским и перспективным в контексте рубежа 1880–90-х является обращение писательницы к «народному характеру» (rural folk character) – простым, неграмотным сельским южным неграм; важно, что писательница акцентирует точки соприкосновения «народного характера» с этикой благопристойности. Тетушку Линди, конечно, нельзя назвать благопристойной героиней, однако ее христианские добродетели те же, на которых зиждется и благопристойное благочестие: неграмотная негритянка, говорящая на диалекте, наделяется глубокой верой, любовью и верностью семье, самоотверженностью, чувством долга, умением справляться с искушениями и побеждать эгоистические импульсы. В образах Джоэла и Линди типажи минстрел-традиции (набожный чернокожий «дядюшка» – Black Uncle и хлопотливая добродушная «нянюшка» – Black Mammy) лишаются комизма, трактуются в серьезном ключе, психологизируются и даже наполняются трагизмом. Сочувственное изображение «народного характера» до известной степени представляет собой отход и от благопристойного мейнстрима: это попытка расширить круг тем и персонажей. Рассказ В. Эрл-Мэтьюз выражает тот же импульс негритянского среднего класса, который был сформулирован и в стихах Соломона Брауна. Это «хождение в народ», укрепление расовой солидарности, помощь обездоленным братьям по расе, что является первым долгом образованной элиты. Эрл Мэтьюз делает еще один шаг вперед: предостерегая свой класс от искушения «комплексом превосходства», она показывает, что элите есть чему поучиться у простой неграмотной негритянки. Через использование элементов регионализма Виктория Эрл-Мэтьюз указывает на возможность раздвинуть границы расового опыта – отыскать важные ценности за пределами благопристойного круга и легализовать в литературе уклад жизни другого, низшего, социального слоя, другие типы характеров. Новаторским является и использование диалекта, который был не в ходу у благопристойных литераторов. Эти тенденции обозначают новые пути для негритянской литературы, по которым она двинется с началом 1910-х гг.

Примечания

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ 18-012-00241 А «История афроамериканской литературы XVIII–XX вв.»

² В 1988 г. вышла знаковая монография Г. Л. Гейтса-мл. «Дразнящая мартышка: афроамериканская литературная теория» (Gates H. L. Jr. *The Signifying Monkey: a Theory of African American Literary Criticism*).

³ См. об этом работы историков, напр.: [Genovese 1974; Williamson 1984].

⁴ Негритянская буржуазия особенно быстро формировалась в городах благодаря притоку черных мигрантов: местные жители и вновь прибывшие открывали в негритянских районах магазины, парикмахерские, кафе, ателье и т. д., обслуживая нужды своей общины. См. классическую работу Ф. Фрезера: [Frazier 1957].

⁵ Диксон Д. Брюс изучал дневники, письма, воспоминания образованных негров той эпохи, таких как члены семейства Гримке, архив Ф. Дугласа, а также работы социологов Говарда, Э. Хайлайра (Andrew Hilyer) и подобные материалы.

⁶ Д. Брюс приводит цитату из записанного текста выступления Э. Хайлайра в собрании Вифлемской литературно-исторической ассоциации АМЕЦ в Вашингтоне «Анализ расовых предрасудков в Америке и способов борьбы с ними» (Hilyer, Andrew F. *Analysis of American Color-Prejudice and How to Suppress It*) в марте 1893 г.

⁷ Д. Брюс приводит выдержки из программы заседаний этого последнего общества в 1905 г.: обсуждались, например, «Душа черного народа» Дюбуа, антропологические труды Э. Тейлора, поэзия А. Теннисона [Bruce 1989: 7].

⁸ Слова в негритянском английском (Black English), обозначающие, соответственно, образованный класс (*dicty* – от диал. *eddicated* – образованный) и неграмотный низший класс.

⁹ Эта тематика широко отражена в литературе Гарлемского ренессанса, например, в романе К. Ван Вехтена «Черномазый раек» (1926), К. Маккея «Домой в Гарлем» (1927) и его рассказах.

¹⁰ Общеизвестно противостояние У. Дюбуа и его круга последователям Ван-Вехтена («ванвехтенитам»), которые красочно описывали быт и уклад черных низов, богемы, люмпенов (Л. Хьюз, К. Маккей, Э. Уолронд, У. Терман, Зора Н. Херстон и др.). См., напр., дискуссию в журнале У. Дюбуа «*The Crisis*» о том, как следует представлять негра в искусстве и литературе. Дискуссия открылась статьей К. Ван Вехтена «Негр в искусстве: как его следует изображать?» [Van Vechten 1926] и анкетой, в которой на этот вопрос ответили несколько черных и белых писателей. Дискуссия на эту тему длилась в «*The Crisis*» на протяжении семи номеров.

¹¹ О трудностях и проблемах в расовых отношениях, о барьерах, которые приходилось преодолевать черному среднему классу, чтобы быть

допущенным к общенациональным культурным институциям – университетам, издательствам, журналам, обществам и т. д., см.: [Williamson 1984: 50–52; Baker 1964].

¹² Виктория Эрл-Мэтьюз родилась в неволе в Джорджии, после освобождения переехала с матерью Нью-Йорк, где окончила школу. Эрл-Мэтьюз прославилась как журналист, участник клубов, активист борьбы за равноправие негров и расовый прогресс. Она была председателем Национальной ассоциации цветных женщин, много работала на глубоком Юге, помогая организовывать школы и сражаясь с джимкроуизмом.

¹³ Первая журнальная публикация – Matthews V. E. *Aunt Lindy: A Story Founded on Real Life* // *A. M. E. Church Review*. 1889. January. Vol. V, no 3. P. 246–250. Позже рассказ был выпущен отдельным изданием в форме памфлета, по которому и цитируется в данной статье [Matthews 1893].

¹⁴ Наиболее ярко этот топос представлен в романе Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных» (1852); см. о нем подробнее: [Панова 2018; Moses 1982].

Список литературы

Панова О. Ю. Моделирование образа черной расы в американской культуре и литературе рубежа 19–20 вв. // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2014. № 1(74). С. 78–81.

Панова О. Ю. Реальность и художественный вымысел: дядя Том и его прототип // *Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология»*. 2018. № 6. С. 117–130.

Панова О. Ю. «Я восславил Господа»: Джон Маррант и Первое религиозное пробуждение в Америке // *Вестник Православного Свято-Тихоновского университета. Сер. III Филология*. 2012. 2. С. 119–134.

Baker R. S. *Following the Color Line: American Negro Citizenship in the Progressive Era* (1908). N. Y.: Harper & Row, 1964. xviii, 311 p.

Bell B. W. *The Afro-American Novel and Its Tradition*. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1987. 448 p.

Brown S. A. *Negro Poetry and Drama. The Negro in American Fiction*. N. Y.: Atheneum, 1978. 209 p.

Brown S. G. *Kind Regards of S. G. Brown. Selected Poems of Solomon G. Brown* / ed. L. D. Hutchinson, G. S. Lowe. Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1983. 49 p.

Bruce D. D. *Black American Writing from the Nadir. The Evolution of a Literary Tradition, 1877–1915*. Baton Rouge, LA; L.: Louisiana State University Press, 1989. xiii, 272 p.

The College-Bred Negro: Report of a Social Study made under the direction of Atlanta University, together with the Proceedings of the fifth Conference

for the study of the Negro problems, held at Atlanta University, May 29–30, 1900 / ed. W. E. B. Du Bois. Atlanta, GA: Atlanta University Press, 1900. 115 p.

Franklin F. E. *Black Bourgeoisie. The Rise of a New Middle-Class in the United States*. N. Y.: Free Press, 1957. 264 p.

Gayle A. *The Way of the New World: The Black Novel in America*. Garden City; N. Y.: Anchor Press/Doubleday, 1975. 332 p.

Genovese E. D. *Roll, Jordan, Roll: The World the Slaves Made: Two Essays in Interpretation*. N. Y.: Pantheon Books, 1974. xxii, 823 p.

Howard J. H. W. *Bond and Free; a true tale of slave times*. Harrisburg, PA: E. K. Meyers, 1886. 280 p.

Levine L. W. *Black Culture and Black Consciousness: Afro-American Folk Thought from Slavery to Freedom*. N. Y.: Oxford University Press, 1977. xx, 522 p.

Logan R. W. *The Betrayal of the Negro from Rutherford B. Hayes to Woodrow Wilson*. N. Y.: Collier Books, 1965. 447 p.

Logan R. W. *The Negro in American Life and Thought: the Nadir, 1877–1901*. N. Y.: The Dial Press, 1954. x, 380 p.

Matthews V. E. *Aunt Lindy: A Story Founded on Real Life*. N. Y., 1893. 14 p.

Moses W. J. *Black Messiahs and Uncle Toms: Social and Literary Manipulations of a Religious Myth*. University Park, PA; L.: University of Pennsylvania Press, 1982. xii, 278 p.

Sanda (Stowers W. H., Anderson W. H.). *Appointed: An American Novel*. Detroit: Law Print Co, 1894. 321 p. Rpr: N. Y.: AMS Press 1977. 371 p.

Simmons W. J. *Men of Mark: Eminent, Progressive, and Rising (1887)*. Chicago, IL: Johnson Publishing Co, 1970. xix, 829 p.

Stuckey S. *Slave Culture: Nationalist Theory and the Foundations of Black America*. N. Y.: Oxford University Press, 1987. 444 p.

Van Vechten C. *The Negro in Art: How Shall He Be Portrayed? // The Crisis*. 1926. March. Vol. XXXI. P. 219.

Whitman A. A. *Preface // Whitman A. A. Twasinta's Seminoles, or The Rape Of Florida (1884)*. St. Louis, MO: Nixon-Jones Printing Co, 1890. P. 5–6.

Who's Who of Colored Race. A general biographical dictionary of men and women of African descent. Memento ed. / ed. F. L. Mather. Chicago, IL: F. L. Mather, 1915. 296 p.

Williamson J. *The Crucible of Race: Black / White Relations in the American South Since Emancipation*. N. Y.: Oxford University Press, 1984. xviii, 561 p.

References

Panova O. Yu. Modelirovanie obraza chernoy rasy v amerikanskoj kul'ture i literature rubezha 19–20 vv. [Afro-American race image formation in

American culture and literature in 19th–20th centuries]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [The Humanities and Socio-Economic Sciences], 2014, issue 1(74), pp. 78–81. (In Russ.)

Panova O. Yu. Real'nost' i khudozhestvennyy vymysel: dyadya Tom i ego prototip [Uncle Tom and the character archetype: facts and fiction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2018, issue 6, pp. 117–130. (In Russ.)

Panova O. Yu. 'Ja vosslavil Gospoda': Dzhon Marrant i pervoe religioznoe probuzhdenie v Amerike. ['I Praised the Lord': John Marrant and the first great awakening in America]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo universiteta Ser. 3. Filologiya* [St. Tikhon's University Review. Series 3. Philology], 2012, issue 2, pp. 119–134. (In Russ.)

Baker R. S. *Following the Color Line: American Negro Citizenship in the Progressive Era (1908)*. New York, Harper & Row, 1964, vol. 18. 311 p. (In Eng.)

Bell B. W. *The Afro-American Novel and Its Tradition*. Amherst, MA, University of Massachusetts Press, 1987. 448 p. (In Eng.)

Brown S. A. *Negro Poetry and Drama. The Negro in American Fiction*. New York, Atheneum, 1978. 209 p. (In Eng.)

Brown S. G. *Kind Regards of S. G. Brown. Selected Poems of Solomon G. Brown*. Ed. by L. D. Hutchinson, G. S. Lowe. Washington, DC, Smithsonian Institution Press. 1983. 49 p. (In Eng.)

Bruce D. D. *Black American Writing from the Nadir. The Evolution of a Literary Tradition, 1877–1915*. Baton Rouge, LA, L., Louisiana State University Press, 1989. xiii, 279 p. (In Eng.)

The College-Bred Negro: Report of a Social Study Made under the Direction of Atlanta University, together with the Proceedings of the fifth Conference for the Study of the Negro Problems, Held at Atlanta University, May 29–30, 1900. Ed. by W. E. B. Du Bois. Atlanta, GA, Atlanta University Press, 1900. 115 p. (In Eng.)

Franklin F. E. *Black Bourgeoisie. The Rise of a New Middle-Class in the United States*. New York, Free Press, 1957. 264 p. (In Eng.)

Gayle A. *The Way of the New World: The Black Novel in America*. Garden City, NY, Anchor Press / Doubleday, 1975. 332 p. (In Eng.)

Genovese E. D. *Roll, Jordan, roll: The world the slaves made: Two essays in interpretation*. New York, Pantheon Books, 1974, vol. 22. 823 p. (In Eng.)

Howard J. H. . *Bond and Free; a True Tale of Slave Times*. Harrisburg, PA, E. K. Meyers, 1886. 280 p. (In Eng.)

Levine L. W. *Black culture and black consciousness: Afro-American folk thought from slavery to freedom*. New York, Oxford University Press, 1977, vol. 20. 522 p. (In Eng.)

Logan R. W. *The Betrayal of the Negro from Rutherford B. Hayes to Woodrow Wilson*. New York, Collier Books, 1965. 447 p. (In Eng.)

Logan R. W. *The Negro in American Life and Thought: the Nadir, 1877–1901*. New York, The Dial Press, 1954, vol. 10. 380 p. (In Eng.)

Matthews V. E. *Aunt Lindy: A Story Founded on Real Life*. New York, 1893. 14 p. (In Eng.)

Moses W. J. *Black Messiahs and Uncle Toms: Social and Literary Manipulations of a Religious Myth*. University Park, PA, L., University of Pennsylvania Press, 1982, vol. 12. 278 p. (In Eng.)

Sanda (Stowers W. H., Anderson W. H.). *Appointed: An American Novel*. Detroit, Law Print Co, 1894. 321 p. Rpr: N. Y.: AMS Press 1977. 371 p. (In Eng.)

Simmons W. J. *Men of Mark: Eminent, Progressive, and Rising* (1887). Chicago, IL, Johnson Publishing Co, 1970, vol. 19. 829 p. (In Eng.)

Stuckey S. *Slave Culture: Nationalist Theory and the Foundations of Black America*. New York, Oxford University Press, 1987. 444 p. (In Eng.)

Van Vechten C. The Negro in art: How shall he be portrayed? *The Crisis*, 1926, March, vol. 31. p. 219. (In Eng.)

Whitman A. A. Preface. Whitman A.A. *Twasi-ta's Seminoles, or The Rape of Florida* (1884). St. Louis, MO, Nixon-Jones Printing Co, 1890, pp. 5–6. (In Eng.)

Who's Who of Colored Race. A General Biographical Dictionary of Men and Women of African Descent. Memento ed. Ed. by F. L. Mather. Chicago, IL, F. L. Mather, 1915. 296 p. (In Eng.)

Williamson J. *The Crucible of Race: Black/White Relations in the American South Since Emancipation*. New York, Oxford University Press, 1984, vol. 18. 561 p. (In Eng.)

AFRICAN AMERICAN LITERATURE OF THE NADIR: THE MISSION OF THE INTELLIGENTSIA AND 'GOING TO THE PEOPLE'

Olga Yu. Panova

Professor in the Department of Foreign Literature

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. olgapanova65@gmail.com

Leading Research Associate in the Department of Contemporary European and American Literature

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

25a, Povarskaya st., Moscow, 121069, Russian Federation

SPIN-code: 1374-2871

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2520-120X>

ResearcherID: K-8102-2018

Submitted 24.10.2019

The period in the African American literary history after the Civil War and Reconstruction and up to the Harlem Renaissance (1870s–1910s) remains understudied both in Russia and in the USA. It was called 'the nadir of American race relations' by Rayford W. Logan, an African American historian and Pan-African activist. The 'nadir' (which means the 'lowest point') was, at the same time, the turning point in African American social and literary history that led to the new epoch, the 20th century. The educated Black elite – 'Negro middle class', being the creative community that pushed forward 'cultural production', was then a tiny group of intellectuals (priests, doctors, teachers, engineers, lawyers, etc.) who often combined their professional work with creative writing. The main conflict of the epoch was the opposition between the gentility code along with assimilationist aspirations, typical of the Black intellectual elite, and the color line – racist prejudices and segregation, typical of the American post-Reconstruction society with its fear of miscegenation. Under these circumstances, the Black intellectual elite, feeling its double alienation (racial – from the middle class whites, and social – from the Blacks of the lower class), comes to an understanding of racial solidarity and racial uplift as the mission of African American intelligentsia. Their 'going to the people' included criticism of their own class as hypocritical, passive, and indifferent to the sufferings of their 'Black brothers' as well as praising of the Negro rural folk character, its best moral qualities. Besides referring to the best-known writers of the period (Albery A. Whitman, Paul Dunbar, Charles W. Chesnutt), the paper covers some of the less known literary works – short stories by V. Earle Matthews, poems by Solomon G. Brown, and novels by James H. W. Howard, Walter H. Stowers and W. Anderson.

Key words: American literary history; African American literature of the 1870s–1900s; nadir; genteel tradition; rural folk character; intelligentsia; Victoria Earle Matthews; James H. W. Howard; African American studies.

УДК 821.161.1“1920–1930”

doi 10.17072/2073-6681-2019-4-123-130

ГЕРОЙ АЗИАТСКОГО ФРОНТИРА В СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА 20–30-х ГОДОВ

Кирилл Сергеевич Соколов

к. филол. н., доцент кафедры русской и зарубежной филологии

**Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых**

600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 81. kirill.sokolov@fulbrightmail.org

SPIN-код: 8020-0967

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7670-8289>

ResearcherID: C-7515-2019

*Статья поступила в редакцию 24.10.2019***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Соколов К. С. Герой азиатского фронта в советской поэзии конца 20–30-х годов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 123–130. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-123-130***Please cite this article in English as:***Sokolov K. S. Geroi aziatskogo frontira v sovietskoy poezii kontsa 20–30-kh godov [Hero of the Asian Frontier in Soviet Poetry of the Late 20s – 30s]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 4, pp. 123–130. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-123-130 (In Russ.)*

Рассматривается проблема возникновения образа героя-цивилизатора в отечественной лирике в период утверждения советской власти в Средней Азии. Цель исследования – показать, что поэтическое отражение процесса модернизации южных окраин приводит к появлению в советской литературе неоромантической ориенталистики кипплинговского типа. Сравнительно-историческое рассмотрение фронтального героя в поэзии Р. Кипплинга и «большевиков пустыни и весны» в творчестве классиков советской поэзии – Н. Тихонова, В. Луговского и К. Симонова – позволяет не только установить типологическую близость колониальных поэтов, но и выявить примеры прямого заимствования тем, мотивов и образов.

С начала 30-х гг. в советской литературе делались попытки демонстрировать идеологическое превосходство перед Западом через воскрешение имперских культурных мифологем, но обращение к национальному эпическому прошлому не давало соответствий обстоятельствам идеологической борьбы на Востоке, что заставило советских поэтов обратиться к поэтике Р. Кипплинга. Неоромантический колониальный дискурс приспособлялся к образам носителей передовой идеологии – нового «бремени белых», – цивилизующих дикий Туркестан. Из соединения неоромантической стилистики с актуальным вариантом господствующей идеологии к началу 30-х гг. в советской поэзии складывается особый тип ориентального фронтального дискурса, утрачивающего злободневность по мере модернизации советского фронта. Кипплинговская модель стойкого героя-цивилизатора, человека-функции, к концу предвоенного десятилетия подвергается существенной корректировке, что позволяет сделать вывод о том, что раннесоветский эпический идеал покорителя, выполняющего задание партии, постепенно сменяется патерналистской лирической риторикой защитника-освободителя.

Ключевые слова: неоромантизм; советская поэзия; фронт; Николай Тихонов; Владимир Луговской; Константин Симонов; Редьярд Кипплинг.

Колониальная, или «ориенталистская», проблематика никогда не становилась определяющей в отечественной литературе и культуре. Несмотря на то что приращение огромных территорий российского государства было по существу

колониальной экспансией, ее модель существенно отличается от классических европейских колониальных практик, легших в основу колониальной теории: «В большинстве случаев культурные различия между метрополией и колонией

опирались на расовые, этнические и лингвистические признаки <...>. Власть осуществляется людьми существенно другими, чем их подданные» [Эткинд 2003: 110–111]. В случае же с отечественной историей происходила своего рода двойная колонизация: «Россия была как субъектом, так и объектом колонизации и ее последствий, таких, например, как ориентализм. Занятое колонизацией иностранных территорий, государство также стремилось колонизовать внутренние земли России. В ответ на это многочисленные народы империи, включая русский, развивали антиимперские, националистические идеи. Эти два направления колонизации России – внешнее и внутреннее – иногда конкурировали, а иногда были неотличимы друг от друга» [Эткинд 2013: 9–10]. В результате, в русской классической литературе оказывается слабо представлена ориенталистская проблематика и ее магистральным сюжетом становится цивилизационная работа с собственным народом, выступающим в своеобразной роли «внутреннего Другого».

Описанная А. Эткиндром модель «внутренней колонизации» в значительной степени применима к истории России имперского периода. Ситуация существенно меняется после 1917 г., когда формирующееся государство заново осваивает окраинные территории, колониально подчиня хозяйственную и культурную жизнь «туземцев» новым правилам.

Идеологической и стилистической реформе подвергается и литература новой метрополии, которая сначала ориентируется на разрушение старого мира, готовя культурный плацдарм для мировой революции, а после XIV съезда ВКП(б) (1925 г.) и с последовавшей в этой связи сменой курса на социалистическое строительство «в отдельно взятой стране» начинает выполнять заказ на укоренение единой передовой идеологии в границах национальной, а с начала 30-х гг. – национальных культурных традиций. Именно в этот период перед формирующимся советским литературным мейнстримом возникает мессианская просветительская задача, вполне сопоставимая с цивилизаторским «бременем белого человека».

Оказавшись в кольце идеологических врагов, советская культура довольно быстро выработала способ воздействия на нового Другого: командировки писателей на Запад и формирование «писательских бригад», направляемых в наиболее важные места социалистического строительства – от первой посевной в свободном Туркестане (1930 г.) и строительства Беломорканала (1933 г.) до сражающейся Испании (1936–1939 гг.) и Монголии (1939 г.). Однако при единстве идеологических установок формы борьбы оказывались

разными. Демонстрация идеологического превосходства перед Западом шла через воскрешение прежних имперских культурных мифологем, связанных с именами Петра Первого и Александра Невского, но обращение к национальному эпическому прошлому, как становится очевидным, не соответствовало обстоятельствам идеологической борьбы на Востоке. В этой связи показателен неудачный опыт модернизировать фольклорную архаику, в частности, поставить былинную эпическую традицию на службу советской власти. В «новине» сказительницы Е. С. Журавлевой «О боях на озере Хасан» былинная стилистика сама дискредитирует себя при столкновении с совершенно чуждыми фольклору историческими деталями и прецедентными текстами:

За той ли границей дальневосточною
Там живут самураи да японские,
По другу сторону Хасана озёрышка
Живут советские могучи богатыри,
Там бойцы живут полиграфотнички,
Командиры живут да сверхурочнички <...>
Из себя оне да очень бойкие,
И глаза у них очень зоркие.
Сзади оне видят и видят спереду,
Высоко оне видят да на воздухе,
Далеко оне видят да в долинушке,
Оне сталинским духом воспиталисе
Ворошиловской смелости набралисе.
Однажды было пора-времечко,
Одна тысяча девятьсот тридцать восьмого годышка
Числа июля двадцать девятого
Как на тую ли сопку Безымянную,
Как на тое ли Хасан да озёрышко,
На советских сильных могучих богатырей
Налетели на них черны вороны,
Наступили самураи да японские <...>
Говорили тут советские богатыри:
– Мы своей земли не отдадим вершка,
А чужой земли не возъмём ногтя. <...>
Как про тую ли битвушку Хасан-озёрную
Знает весь мир и знает вся страна;
Нет таких трудностей, каких бы не преодолели
Сталинские соколы,
Нет таких крепостей, каких бы не разбили
Сильны советски богатыри.
[Миллер 2006: 143–145]

Показательны и вызывающие едва ли не пародийный эффект попытки обращения к узнаваемым формулам прежней литературной традиции у молодых советских поэтов. Например, К. Симонов в поэме «Ледовое побоище» (1937 г.) нарочито подчеркивает лермонтовские аллюзии:

С ладони кожу обдирая,
Пролез он всею пятерней
Туда, где шлем немецкий краем
Неплотно сцеплен был с броней.

И при последнем издыханье,
Он в пальцах, жестких и худых,
Смертельно стиснул на прощанье
Мясистый рыцарский кадык.

Уже смешались люди, кони,
Мечи, секиры, топоры,
А князь по-прежнему спокойно
Следит за битвою с горы.
[Симонов 1979: 375]

Завершается текст куплетом из «Интернационала», как бы закрепляющим уверенность автора в неизбежности грядущей революции в современной Германии.

Таким образом, и попытка осовременить архаический жанр, и выполнение заказа на демонстрацию преемственности между национальной культурной традицией и новой литературой, прославляющей боевой дух и созидательный героизм советского человека, не достигают своих целей, что обуславливает проблему поиска более адекватной новым обстоятельствам литературной традиции, которая могла бы стать «надежной базой для расцвета советской поэзии, бодрой, сильной, динамичной, именно такой, в какой остро нуждались новые хозяева “вишневого сада”», как отмечает И. Ф. Мартынов. «Исторически сложилось так, что пришедшим в России к власти большевикам достались в наследство от старого мира совсем не те поэты, которые могли бы достойно вдохновить на подвиг и труд строителей новой коммунистической Империи» [Мартынов 1987: 169]. Отсутствие в отечественной литературе значимой ориенталистской темы, рефлексии отношения с Другим, заставляет молодых советских поэтов отказаться от «наследования» близкой традиции и по-модернистски «присвоить» – точнее – «пересоздать» генетически чужую, но соответствующую политической и творческой необходимости.

20-е и 30-е гг. в отечественной поэзии связаны с «киплинговским бумом». Описывая расстановку творческих сил в петроградском Доме Искусств в начале 20-х, В. Б. Шкловский замечает: «Вообще в Ленинграде увлекались сюжетным стихом и Киплингом» [Шкловский 1966: 370]. Интерес к творчеству «певца британского империализма» пережил революцию и, вопреки очевидной противоположности политических взглядов, воплотился в неоромантическом колониалистском пафосе строителей коммунизма на юго-восточных рубежах советской империи. Парадоксальный статус Киплинга в советской критике уже стал предметом изучения [Пичугина, Поплавская 2015: 136–146]. Один из наиболее глубоких и в то же время тенденциозных знато-

ков английской и русской литературы своего времени Д. С. Святополк-Мирский писал: «Сочетание лиризма с конкретной современной тематикой, взятой из областей, прикрытых ранее флером идеализации или простого незнания (ни один из значительных буржуазных писателей не был сколько-нибудь близко знаком с колониальной действительностью), умение черпать лирическое содержание в предметах, лишенных, по представлению буржуазной эстетики, благородства и поэзии, – таковы несомненные качества лучших баллад раннего Киплинга. Но даже в лучших его вещах он лишен человеческой глубины. Он оперирует или простейшими переживаниями, давая их иногда с большой остротой, но не умея углубить их, или основными классовыми страстями в их обнаженной грубости, давая их с большой степенью наготы, но с такой сугубо классовой точки зрения, с какой никакая оценка их невозможна, а возможно только циничское подчинение им» [Мирский 1987: 160]. Но даже «классовая слепота» Киплинга искупалась комплексом свойств, которые новая поэзия приспосабливала для своих целей: «...среди черт, которые с легкостью переносились в советский контекст, были киплинговская прямота и страстность. <...> Он, как и многие советские поэты, поддерживал ценности коллективизма, беззаветной преданности благородной идее, исполнения долга. Киплинг славил технологический прогресс, среди его героев были инженеры, деятельные натуры – те, кто добывается результата» [Hodgson 1998: 1061]. Еще одним востребованным в России свойством поэзии Киплинга была ее «универсальность»: она не ассоциировалась с определенным узнаваемым социальным или интеллектуальным кругом, поэт обращался к читателю не как представитель какой-либо группы или направления. «Этот голос мог служить образцом того, в чем после революции и гражданской войны остро нуждалось общество, – он говорил от имени коллектива, объединенного общими ценностями» [там же]. И если у Киплинга пространством манифестации общих ценностей оказывается колониальный Восток, то «Индией» и «Бирмой» в отечественной поэзии 20-х и 30-х становятся южные и юго-восточные окраины формирующейся новой империи.

Весной 1930 г. создается первая «туркестанская бригада» советских писателей, представляющих «Известия» и Гослитиздат. Освещать полевую кампанию направились в том числе два ярчайших представителя русского поэтического неоромантизма – В. А. Луговской и Н. С. Тихонов. «Это было время действительно замечатель-

ное – время первой большевистской весны, в условиях среднеазиатских республик, в условиях ожесточенной классовой борьбы, байских террористических актов, борьбы за колхозы» [Луговской 1989: 380]. Пафос борьбы как нельзя более точно соответствовал существеннейшим чертам неоромантической «дискурсивной формации»: тяга к стилизации, использование «парадоксального принципа остранения» в повествовании, ирония и оксюморонность, «множественность авторских “я”», тяга к экстремальным ситуациям и трансгрессивным переходам [Липовецкий 2018: 13–18] легко обнаруживаются в дотуркестанском творчестве каждого из «советских Киплингов». Результатом поездки стали опубликованные в 1930 и 1931 гг. книги «Юрга» Н. Тихонова (включавшая «восточные» стихи и баллады 1926–1930 гг.) и «Большевикам пустыни и весны» В. Луговского.

Азиатский фронт советской цивилизации требует от представителя передового строя того же, чего, по Киплингу, требует колониальный фронт от представителя цивилизации, – привития «подлинных ценностей». Декларируемое им «бремя белого человека»:

Неси это гордое Бремя –
Будь ровен и деловит,
Не поддавайся страхам
И не считай обид;
Простое ясное слово
В сотый раз повторй –
Сей, чтобы твой подопечный
Щедрый снял урожай.

Неси это гордое Бремя –
Воюй за чужой покой –
Заставь Болезнь отступить
И Голоду рот закрой;
Но чем ты к успеху ближе,
Тем лучше распознаешь
Языческую Нерадивость,
Предательскую Ложь.

Неси это гордое Бремя
Не как надменный король –
К тяжелой черной работе,
Как раб, себя приневолив;
При жизни тебе не видеть
Порты, шоссе, мосты –
Так строй их, оставляя
Могилы таких, как ты!
[Киплинг 2011: 175]

– становится и бременем советских специалистов, «поднимающих» красный Восток:

Вы, незаметные учителя страны,
Большевики пустыни и весны!
Идете вы разведкой впереди,
Работы много – отдыха не жди.
Работники песков, воды, земли,

Какую тяжесть вы поднять могли!
Какую силу вам дает одна –
Единственная на земле страна!
[Луговской 1988: 270]

«Подобно кипплинговским колониальным чиновникам, они напряженно трудятся вдали от дома, во враждебном окружении. Они так же обязаны жить согласно высоким идеалам. Люди, которым они помогают, по большей части молчаливы, пассивны и зачастую вообще не изображаются» [Hodgeson 1998: 1070]. Для обоих сборников действительно характерно отсутствие индивидуализированных черт в изображении местного населения или врагов. Роль Другого, скорее, выполняет пространство, подвергающееся культивации, а герой-строитель совершает над ним демиургический творческий акт:

Пустыня била ветром в берега,
Она далеко чуяла врага,
Она далеко слышала врагов –
Удары заступа
И шарканье плугов.
<...>
Пустыня зыбилась в седой своей красе.
Шел по округе
Большевистский сев.
[Луговской 1988: 267–268]

Прогресс как противостояние стихии и техники представлен в стихотворении Н. Тихонова «Весна в Дейнау, или ночная пахота тракторами “Виллис”», где «вся тракторная база / Свергает власть оскаленных пустынь» [Тихонов 1981: 181]. Сам же покоритель фронта в стихотворении «Фининспектор в Бухаре» оказывается не воином, а администратором, вызывающим своей силой и мудростью зависть самого Тимура:

Не облако зноя,
Не ветер великий весною,
То мчится инспектор, трубку сосет,
Топчет ковер тишины,
Как будто луна с небывалых высот
Упала в доход казны.
[там же: 189–190]

Героический пафос и романтическое упоение стихиями, впрочем, не вполне соответствовали представлениям литературных идеологов о том, как надо изображать происходящее на южных окраинах страны. Буквально накануне роспуска РАППа Луговской вынужден был выступить на поэтическом совещании с «признанием ошибок», допущенных в книге «Большевикам пустыни и весны»: «Я буду говорить о серьезнейших недостатках книги “Большевикам пустыни и весны”. Этих недостатков в основном три.

Первый недостаток заключается в том, что в этой книге еще слабо отражается классовая борьба. Более или менее четкой партийной постановки вопроса о классовой борьбе в Средней Азии (а это был ожесточенный период классовой борьбы) в этой книге нет.

Затем я взял пустыню как стихию. Вот это стихийничество еще гуляет по книжке “Большевикам пустыни и весны”.

Наконец, третий недостаток книги заключается в том, что большевики пустыни и весны воспринимаются мной преимущественно как пришедшие в Среднюю Азию извне. У меня дан недостаточно четко массовик – туркмен и узбек в обстановке Средней Азии» [Луговской 1989: 381].

Работа над ошибками началась незамедлительно: вторая туркестанская книга Луговского (1933 г.) открывается романтической исповедью «Сын кулябского нищего», где герой стихотворения, в 20-м году примкнувший к отряду «великого Фрунзе», занят борьбой с классовым врагом и мечтает о партийной учебе:

Но славная Красная Армия
глаза мои открывала,
Она по тропинкам грамоты
упорно меня вела –
И вывела именем Партии,
к высокому перевалу,
Откуда Ленин увидел
невиданные дела.
<...>
Смотри – наступает утро.
Походный костер погас.
Мы окружим последних,
и я уеду учиться.
Прощай, дорогой товарищ,
слушавший мой рассказ!
Наша огромная Партия
сыновей своих помнит и знает.
Я – скромный работник Партии,
я – поле перед дождем.
Но если ученье Ленина
человека перерождает, –
Я, сын кулябского нищего,
был перерожден.
[Луговской 1988: 310, 311–312]

Так же – в форме, близкой к исповеди, но на этот раз старого басмача, – строится центральная часть поэмы «Дангара» (1934 г.). Ее главное достоинство Д. С. Святополк-Мирский видит в том, что «Луговской решительно отходит в ней от господствующих в нашей повествовательной поэзии лирического или орнаментально-образного стиха и стремится к созданию чисто эпического стиля, “в лоб”, “по-прозаически” подходящего к сюжету. Несомненно, что такой стиль

глубоко созвучен духу социалистического реализма» [Мирский 1987: 302]. Добавим, что названные критиком стилистические черты, «созвучные духу социалистического реализма», в меньшей степени соответствуют духу неоромантических баллад Киплинга.

Таким образом, из соединения неоромантической стилистики с актуальным вариантом господствующей идеологии к началу 30-х гг. в советской поэзии складывается особый тип ориентального фронтального дискурса, утрачивающего свою злободневность по мере модернизации советского фронта. К середине 30-х перестают издаваться и книги стихотворений Киплинга, а его творчество начинает оцениваться как безоговорочно декадентское, «империалистическое», классово враждебное. В конце десятилетия военные и политические события на Западе почти полностью перекрывают интерес к ориентальной тематике. Одним из немногих исключений может считаться поэма К. Симонова «Далеко на Востоке» (1939–1941 гг.), посвященная военному конфликту на Халхин-Голе. При очевидной ориентации автора на киплинговские образцы экспансионистский цивилизаторский пафос покорителя фронта в конце 30-х вытесняется из советской поэзии социально более приемлемыми формами «лирического патернализма»: «Предвоенные стихи Симонова – имперские и экспансионистские, но стремление к экспансии переживается в них как готовность защитить все слабое и неизвестное <...> Герой Симонова – солдат и поэтому – мужчина. Симонов вернул герою советской поэзии не просто гендерную принадлежность, но и специфически мужское чувство телесного преодоления физических испытаний. Официально одобренные империалистические амбиции оправдывали “ползучее” возвращение в лирику Симонова мужских привязанностей и интересов ...» [Кукулин 2014: 17].

В броневом стекле вниз и вверх метались холмы.
Не было больше ни неба,
ни солнца,
только узкий кусок
земли, в которую надо стрелять,
только они
и мы.
Только мы
и они,
которых надо вдавить в этот песок.
– За Родину –
значит за наше право
раз и навсегда
быть равными перед жизнью и смертью,
если нужно – в этих песках.
За мою мать,
которая никогда

не будет плакать, прося за сына,
у чужеземца в ногах.
– За Родину –
значит за наши русские в липах и тополях города,
где ты бегал мальчишкой,
где, если ты стоишь того,
будет памятник твой.
За любимую женщину,
которая так горда,
что плюнет в лицо тебе,
если ты трусом вернешься домой.
[Симонов 1979: 480–481]

Для советского танкиста уничтожение врага становится средством завоевания не территории, но расположения любимой женщины. Характерно также «сужение перспективы» – подмена идеологических абстракций интимным пространством личной истории. Перевод имперского героического дискурса в гендерное русло происходит повсеместно и находит отражение, например, в специфическом лиризме песни на стихи А. Д'Актиля «Принимай нас, Суоми-красавица».

С началом Великой Отечественной войны колониальная героика естественным образом уходит из советской поэзии. Уходит и ее ролевая модель – кипплинговский герой, что становится предметом рефлексии в воспоминаниях того же К. Симонова: «Кстати сказать, в первый же день на фронте в 1941 году я вдруг и навсегда разлюбил некоторые стихи Кипплинга, которые очень долго и очень упорно любил, любил еще на Халхин-Голе. Кипплинг и после 41-го года не перестал для меня существовать как интересный поэт, многие стихи которого мне продолжают нравиться».

Но кипплинговская военная романтика, все то, что, минуя существо стихов, подкупало меня в нем в юности, вдруг перестало иметь какое-либо отношение к той войне, которую я видел, и ко всему тому, что я испытал. Все это в 41-м году вдруг показалось далеким, маленьким и нарочито напряженным, похожим на ломающийся мальчишеский бас» [Симонов 1985: 29].

Возникший в советской поэзии образ покорителя-цивилизатора азиатского фронта оказался недолговечен как в силу исторических, так и идеологических причин. Установление новой власти и колхозного строя на южных окраинах СССР и начало войны лишили его актуальности. К тому же неоромантический герой-индивидуалист, противостоящий в первую очередь стихиям, а не классовому врагу, не соответствовал идеологическому стандарту строителя коммунизма. Именно последнее обстоятельство помешало мифологизации этого образа в массовом сознании, в отличие от стахановцев, челюскин-

цев, метростроевцев, папанинцев, хетагуровок и прочих коллективных героев советской эпохи. Сам же Кипплинг, чья поэзия оказала едва ли не определяющее воздействие на формирование ориенталистского дискурса в русской поэзии 30-х гг., был на несколько десятилетий вычеркнут из отечественного культурного контекста.

Список литературы

- Киплинг Р.* Избранные стихи из всех книг / сост., ред. новых переводов, послесл. и примеч. В. Бетаки. Б.м.: Salamandra P. V. V., 2011. 331 с.
- Кукулин И. В.* Лирика советской субъективности: 1930–1941 // Филологический класс. 2014. № 1(35). С. 7–19.
- Липовецкий М. Н.* Неоромантизм в русской поэзии XX–XXI веков: смысл и границы понятия // Филологический класс. 2018. № 1(51). С. 13–18.
- Луговской В. А.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: Стихотворения / сост. и подгот. текстов Е. Быковой-Луговской; вступ. ст. И. Л. Гринберга. М.: Худож. лит., 1988. 477 с.
- Луговской В. А.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3: Поэмы; Проза / сост. и подгот. текстов Е. Быковой-Луговской. М.: Худож. лит., 1989. 525 с.
- Мартынов И. Ф.* Кипплинг и Гумилев – поэты двух империй. К вопросу о судьбе поэтического наследия Р. Кипплинга в России // Вестник русского христианского движения. 1987. № 3(151). С. 166–189.
- Миллер Ф.* Сталинский фольклор / пер. с англ. Л. Н. Высоцкого. СПб.: Академ. проект; Издательство ДНК, 2006. 190 с.
- Мирский Д. П.* Статьи о литературе / вступ. ст. Н. Анастасьева; сост. и коммент. М. Андропова. М.: Худож. лит., 1987. 303 с.
- Пичугина В. С., Поплавская И. А.* Творчество Д. Р. Кипплинга в рецепции русских писателей и критиков первой половины XX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. Вып. 6(38). С. 136–146.
- Симонов К. М.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы. Вольные переводы / вступ. ст. Л. Лазарева; коммент. А. Александровой. М.: Худож. лит., 1979. 670 с.
- Симонов К. М.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10: Далеко на Востоке (Халхин-Гольские записки). Япония-46. Воспоминания / подгот. текста и примеч. Л. Лазарева. М.: Худож. лит., 1985. 624 с.
- Шкловский В. Б.* Жили-были: воспоминания, мемуарные записи, повести о времени: с конца XIX в. по 1964 г. М.: Сов. писатель, 1966. 552 с.
- Эткинд А.* Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // Новое лит. обозрение. 2003. № 1(59). С. 103–124.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 448 с.

Hodgeson K. The Poetry of Rudyard Kipling in Soviet Russia // *The Modern Language Review*. 1998. № 4 (Vol. 93). P. 1058–1071.

References

Kipling R. *Izbrannye stikhi iz vsekh knig* [Selected verses from all books]. Comp., ed. of new translations, afterword by V. Betaki. Sine loco, Salamandra P. V. V., 2011. 331 p. (In Russ.)

Kukulin I. V. *Lirika sovetskoy sub'ektivnosti: 1930–1941* [Poetry of the Soviet subjectivity: 1930–1941]. *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2014, issue 1(35), pp. 7–19. (In Russ.)

Lipovetsky M. N. *Neoromantizm v russkoy poezii 20–21 vekov: smysl i granitsy ponyatiya* [Neoromanticism In Russian poetry of the 20th–21st centuries: Meaning and scope of the concept]. *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2018, issue 1(51), pp. 13–18. (In Russ.)

Lugovskoy V. A. *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works in 3 vols.]. Comp. and ed. by E. Bykova-Lugovskaya, preface by I. L. Greenberg. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1988, vol. 1. *Stikhotvoreniya* [Poems]. 477 p. (In Russ.)

Lugovskoy V. A. *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works in 3 vols.]. Comp. and ed. by E. Bykova-Lugovskaya. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1989, vol. 3. *Poemy; Proza* [Poems; Prose]. 525 p. (In Russ.)

Martynov I. F. Kipling i Gumilev – poety dvukh imperiy. K voprosu o sud'be poeticheskogo naslediya R. Kiplinga v Rossii [Kipling and Gumilev as poets of the two empires. On R. Kipling's poetic legacy In Russia]. *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya* [Russian Christian Movement Herald], 1987, issue 3(151), pp. 166–189. (In Russ.)

Miller F. *Stalinskiy fol'klor* [Folklore of the Stalin era]. Transl. from Eng. by L. N. Vysotskiy. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., DNK Publ., 2006. 190 p. (In Russ.)

Mirskiy D. P. *Stat'i o literature* [Essays on literature]. Preface by N. Anastas'ev, comp. and comm. by M. Andronov. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1987. 303 p. (In Russ.)

Pichugina V. S., Poplavskaya I. A. *Tvorchestvo D. R. Kiplinga v retseptsii russkikh pisateley i kritikov pervoy poloviny 20 v.* [Works of J. R. Kipling in the reception of Russian writers and critics of the first half of the 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2015, issue 6 (38), pp. 136–146. (In Russ.)

Simonov K. M. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works in 10 vols.]. Preface by L. Lazarev, comments by A. Aleksandrova. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1979, vol. 1. *Stikhotvoreniya. Poemy. Vol'nye perevody* [Verses. Poems. Free Translations]. 670 p. (In Russ.)

Simonov K. M. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works in 10 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1985, vol. 10. *Daleko na Vostoke (Khalkhin-Gol'skie zapiski). Yaponiya-1946. Vospominaniya* [Far in the East (Khalkhin Gol notes). Japan-1946. Memoirs]. 624 p. (In Russ.)

Shklovskiy V. B. *Zhili-byli: vospominaniya, muarnye zapisi, povesti o vremeni: s kontsa 19 v. po 1964 g.* [Once upon a time: Memoirs, memoir notes, novels on time: From the late 19th century to 1964]. Moscow, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1966. 552 p. (In Russ.)

Etkind A. *Russkaya literatura, 19 vek: Roman vnutrenney kolonizatsii* [Russian literature, the 19th century: Novel of internal colonization]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2003, issue 1(59), pp. 103–124. (In Russ.)

Etkind A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal colonization. Russia's imperial experience]. Transl. from Eng. by V. Makarov. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2013. 448 p. (In Russ.)

Hodgeson K. The poetry of Rudyard Kipling in Soviet Russia. *The Modern Language Review*, 1998, issue 4 (vol. 93), pp. 1058–1071. (In Eng.)

HERO OF THE ASIAN FRONTIER IN SOVIET POETRY OF THE LATE 20s – 30s

Kirill S. Sokolov

Associate Professor in the Department of Russian and Foreign Philology

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

81, Gorkogo st., Vladimir, 600000, Russian Federation. kirill.sokolov@fulbrightmail.org

SPIN-code: 8020-0967

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7670-8289>

ResearcherID: C-7515-2019

Submitted 24.10.2019

The paper deals with the image of the hero-civilizer that appeared in Russian poetry during the establishment of the Soviet system in Central Asia. The research aims to argue that poetical reflection of the modernization on the Southern frontier gave rise to oriental neoromanticism of the Kiplingian type in early Soviet literature. The comparative studies of Kipling's characters and 'the Bolsheviks of the Desert and Spring' in the writings of classic Soviet poets (Nikolay Tikhonov, Vladimir Lugovskoy, Konstantin Simonov) reveal the typological proximity of the colonial poetics and allow us to identify multiple examples of the direct borrowing of poetic themes, motifs and forms.

The ideological superiority over the West was consolidated in Soviet Russia in the early 30s through resurrection of the imperial mythologems. However, addressing the national epic past did not meet the conditions of the ideological struggle in the South-East, which compelled Soviet poets to refer to the colonial poetics of Rudyard Kipling. The neoromantic colonial discourse was manifested through poetry depicting the men of the new ideology – bearers of the new 'white man's burden' who were civilizing the wild Turkestan. By the early 30s, the combination of the neoromantic style and current ideology produced a specific type of Soviet oriental discourse that was gradually losing its topicality as a consequence of modernization of the Soviet frontier. The Kipling-like model of the firm civilizer, the man of duty, had been seriously corrected by the end of the pre-war decade. It can be concluded that the early Soviet epic ideal of the conqueror carrying out the task of the Party gradually gave place to the paternalistic rhetoric of the protector-liberator.

Key words: neoromanticism; Soviet poetry; frontier; Nikolay Tikhonov; Vladimir Lugovskoy; Konstantin Simonov; Rudyard Kipling.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литератур; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

Полнотекстовая версия выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология, 10.01.09 – Фольклористика, 10.01.10 – Журналистика, 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи), 10.02.03 – Славянские языки, 10.02.04 – Германские языки, 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология, 10.02.19 – Теория языка, 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикации в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлекгией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редколлекгии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлекгией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в полемику и переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных. *Зам. гл. редактора* – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Екатерина Владимировна Исаева.

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 28 (Лаборатория региональной лексикологии и лексикографии, тел. (342)2396795), ауд. 111 (Лаборатория сравнительно-исторических исследований и культурных инноваций, тел. (342)2396290).

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 11. Выпуск 4 / 2019

Редакторы *Л. А. Богданова, О. И. Кирьянова*
Корректоры *Л. А. Семицетова, Е. В. Шумилова*
Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 18.12.2019. Дата выхода в свет 26.12.2019
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 15,35. Тираж 500 экз. Заказ 178

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008

Распространяется бесплатно и по подписке